

Алистер Маклин. Пушки острова Наварон

Alistair MacLean. The Guns of Navarone (1957)
пер. В.В.Кузнецова, 1991

Глава первая. ВСТУПЛЕНИЕ. ВОСКРЕСЕНИЕ. 01.00--09.00

Царапнув по ржавому гофрированному железу ангара, спичка зашипела и вспыхнула. И резкий звук, и яркое пламя нарушили покой ночи, какая бывает лишь в пустыне. Мэллори проводил взглядом спрятанный в ладонь огонек, осветивший сигарету, зажатую в зубах полковника, коротко подстриженные усы и застывшее в напряжении лицо -- лицо человека, превратившегося во слух. Спичка упала в песок и погасла, придавленная подошвой.

-- Уже слышу шум моторов, -- проронил авиатор. -- Они на подходе. Приземлятся минут через пять, не позднее. Ветра нет, будут садиться на вторую полосу. Пошли, встретим их на командном пункте. -- Полковник умолк, с насмешливым интересом посмотрев на Мэллори, но без тени улыбки добавил: -- Умерьте свое любопытство, молодой человек. Нынче обстоятельства складываются для нас не слишком-то удачно. Вы получите ответ на все ваши вопросы, и, боюсь, очень скоро.

Круто повернувшись, полковник зашагал к смутно различимым на горизонте приземистым строениям.

Мэллори пожал плечами и двинулся не спеша следом, шагая в ногу с третьим офицером, рослым и плечистым. Тот шел вразвалку, словно утка. Чтобы выработать такую походку, надо прослужить на кораблях лет тридцать. Именно столько отдал флоту Дженсен. Но не походка была в нем главным. Интриги, обман, провокации и перевоплощения -- вот что считал главным в жизни удачливый служака, шеф каирского отдела разведывательно-диверсионных операций капитан первого ранга британского королевского флота Дженсен, кавалер ордена "За боевые заслуги". Среди докеров портов Леванта, начиная от Александретты и кончая Александрией, он зарекомендовал себя как опасный смутьян. Имя его произносили с уважением и страхом. Участвуя в состязаниях на верблюдах, он обставлял погонщиков-бедуинов. Ни на одном восточном базаре вы не встретили бы другого столь правдоподобного нищего, выставяющего напоказ свои мерзкие язвы. Сегодня же он был самим собой -- простым, грубоватым моряком, который нарядился во все белое. При свете звезд тускло мерцало золото галуна на фуражке и эполет.

Под ногами у них скрипел утрамбованный песок, потом каблучки застучали по бетону взлетно-посадочной полосы. Силуэт полковника стал едва различим. Повернувшись к Дженсену, Мэллори со вздохом спросил:

-- Что это все значит, сэр? Что за спешка, что за таинственность? И при чем тут я? Вчера меня вывезли с Крита, предупредив всего за восемь часов. Обещали месячный отпуск. А на самом деле...

-- Действительно, что же на самом деле? -- буркнул Дженсен.

-- Черта с два, а не отпуск! -- с досадой ответил Мэллори. -- Даже выспаться не дали. Продержали несколько часов в штабе, зачем-то расспрашивали о моих восхождениях на вершины Южных Альп. Среди ночи подняли с постели, сказали, будто я должен встретиться с вами. Вместо этого какой-то придурок шотландец долго возил меня по пустыне, орал пьяные песни, засыпая меня идиотскими вопросами.

-- Я так и думал, что это будет один из самых удачных моих розыгрышей, -- самодовольно произнес Дженсен. -- Мне лично прогулка очень понравилась.

-- Один из ваших... -- Мэллори умолк, с ужасом вспомнив все, что наговорил пожилому шотландцу, капитану с бакенбардами, сидевшему за рулем. -- Страшно виноват, сэр. Никак не думал, что это вы...

-- Еще бы, -- живо отозвался Дженсен. -- Так было задумано. Я хотел выяснить, тот ли вы человек, который мне нужен. Теперь я уверен, что тот. А с чего вы решили, что вам дадут отпуск? Часто сомневаются, что в нашей конторе люди в здравом уме, но даже нам не пришло бы в голову отправить гидроплан за младшим офицером затем лишь, чтобы тот смог развлечься в каирских борделях, -- сухо закончил каперанг.

-- И все же не понимаю...

-- Терпение, приятель, терпение. Что тебе советовал наш почтенный полковник? Время беспредельно. Ждать, и ждать бесконечно, -- вот что такое Восток.

-- Вдобавок, всего четыре часа сна за трое суток, -- сварливо сказал Мэллори. -- Прилетели!

Ослепленные светом посадочных фар, пронзивших ночной мрак, оба офицера зажмурились. Меньше чем минуту спустя грузно и неуклюже приземлился первый бомбардировщик. Пробежав по взлетно-посадочной полосе, остановился у группы встречающих. Окрашенные в маскировочные цвета фюзеляж и хвостовое оперение изрешечены авиационными снарядами. Элероны изувечены, левый крайний мотор выведен из строя и залит маслом. Плексиглас фонаря в трещинах и пробоинах.

Внимательно осмотрев отверстия и вмятины, Дженсен покачал головой и отвернулся.

-- Говорите, четыре часа спали, капитан Мэллори? -- переспросил он спокойно. -- Повезло. Хоть столько удалось соснуть.

В ярко освещенном двумя лампами помещении командного пункта было душно и неуютно. На стенах истрепанное географические и морские карты, десятка два расшатанных стульев и некрашенный стол.

За столом восседал полковник авиации, по бокам его Мэллори и Дженсен. Дверь распахнулась. Жмурясь от непривычно яркого света, вошли члены экипажа машины, приземлившейся первой. Шествие возглавлял черноволосый коренастый пилот. В руке -- шлем и летный комбинезон. На плечах защитного цвета куртки белыми буквами выведено: "Австралия". Криво усмехнувшись, он молча, не спрашивая разрешения, сел, достал пачку сигарет и чиркнул спичкой о крышку стола. Краешком глаза Мэллори взглянул на полковника. Вид у того был подавленный. Да и говорил он как-то виновато.

-- Джентльмены, это командир эскадрильи Торранс. Австралиец, -- добавил полковник, словно в этом была разгадка какой-то тайны. -- Он осуществлял боевой вылет к острову Навароне... Билл, джентльмены, которых ты видишь, это капитан первого ранга военно-морского флота Дженсен и капитан рейнджеров Мэллори. Их очень интересует остров Навароне. Как прошла операция?

"Навароне... Вот почему я здесь, -- подумал Мэллори. -- Навароне. Об этом острове знает каждый, кто хоть недолго служил в Восточном Средиземноморье: мрачная, неприступная крепость неподалеку от турецкого побережья. Многочисленный гарнизон из немцев и итальянцев. Один из немногих островов Эгейского моря, который за весь период боевых действий союзникам не удалось ни блокировать, ни тем более захватить".

Растягивая слова, Торранс заговорил. Он с трудом сдерживал гнев:

-- Будто в пекле побывали, сэр. Самоубийство, а не боевой вылет. -- Окутанный табачным дымом, он внезапно умолк,

задумчиво глядя перед собой. -- И все же хотелось бы туда вернуться еще разок. На обратном пути мы толковали об этом с ребятами. Хотелось бы захватить с собой того мудака, который задумал эту операцию, и сбросить его над Навароне без парашюта.

-- Так плохи наши дела, Билл?

-- Дела ни к черту, сэр. Не было ни малейшего шанса. Ей-богу, ни малейшего. Во-первых, с погодой не повезло. Синоптики, как обычно, наврали с три бочки арестантов.

-- А обещали летную погоду?

-- Вот именно. Над целью сплошная облачность, -- с горечью сказал Торранс. -- Пришлось снизиться до четырехсот пятидесяти метров... Но даже если бы мы снизились до девятисот метров ниже уровня моря, а потом снова набрали высоту, ничего б не вышло. Карниз целиком закрывает цель. С таким же успехом можно было бы бросать фрицам листовки с просьбой взорвать эти проклятые пушки. На 50-градусном секторе немцы сосредоточили чуть ли не половину всех зениток Южной Европы. Причем именно там, где можно хоть как-то приблизиться к цели. Расса и Конроя сбили сразу. Даже до бухты не долетели. Спаситься им не удалось.

-- Знаю, знаю, -- угрюмо кивнул полковник, -- мы их слышали. Радиосвязь была хорошей. А Макилвина сбили к северу от Александрии?

-- Да. Но с ним все в порядке. Его машина была еще на плаву, когда мы пролетали, а сам он сидел в тузике. Море было спокойно, словно пруд. С ним все в порядке, -- повторил Торранс.

Полковник снова кивнул. Дженсен коснулся его плеча.

-- Можно потолковать с комэском?

-- Конечно, каперанг. Могли бы и не спрашивать.

-- Спасибо. -- Взглянув на крепыша-австралийца, Дженсен чуть улыбнулся.

-- Один вопрос, комэск. Вижу, вам не хочется слетать туда еще разок?

-- Вы правы, черт возьми! Не хочется, -- прорычал Торранс.

-- И почему?

-- А потому, -- взорвался Торранс. -- Я противник самоубийств. И еще потому, что не хочу губить напрасно хороших ребят. Потому, что я не Бог и не способен творить чудеса, -- решительно заключил пилот.

-- Так вы утверждаете, что разбомбить их невозможно? -- переспросил Дженсен. -- Это страшно важно.

-- А для меня важна собственная шнур. И жизни вот этих парней. -- Он ткнул пальцем назад. -- Это невозможно. По крайней мере, для нас, сэр, -- провел он рукой по лицу. -- Может быть, такую работу смог бы выполнить гидроплан "дорнье", оснащенный крылатыми бомбами, управляемыми по радио, не знаю. Зато я знаю, что наши бомбы для них что слону дробинка. Разве что нагрузить толком самолет типа "москито" и с высоты сто двадцать метров спикировать, влетев в устье пещеры, где установлены эти пушки. Вот тогда что-то получится.

-- Спасибо, комэск. И всем вам спасибо. -- Дженсен встал. -- Уверен, что вы сделали все, что смогли. Жаль, что не получилось... Итак, полковник?

-- Прошу, джентльмены. -- Кивнув очкастому офицеру из разведки, чтобы тот занял его место за столом, полковник, сопровождаемый Мэллори и Дженсеном, прошел в свой кабинет. -- Вот так-то, джентльмены. -- Сломал сургуч на бутылке "талискера", принес стаканы. -- Билл Торранс командует лучшей эскадрилей в Африке. Не раз бомбил нефтяные промыслы в Плоешти. Для него это детская забава. Только Билл Торранс мог совершить этот вылет, и если он заявляет, что подавить батарею с воздуха невозможно, то так оно и есть, каперанг.

-- Теперь и я это вижу, -- Дженсен хмуро разглядывал янтарное содержимое стакана. -- Раньше я только предполагал... Страшно сожалее, что десятку человек пришлось погибнуть, чтобы развеять наши сомнения... Остается один выход...

-- Только один, -- отозвался полковник и, подняв стакан, произнес: -- За удачу тех, кто на Керосе.

-- За удачу тех, кто на Керосе, -- повторил Дженсен. Лицо

его оставалось угрюмым.

-- Послушайте, -- взмолился Мэллори, -- объясните, что происходит...

-- Керос, -- прервал его Дженсен, -- это реплика, предназначенная для тебя. Ведь мир -- театр, приятель. Сейчас твой выход на сцену, -- невесело усмехнулся каперанг. -- Жаль, что ты пропустил два акта этой маленькой комедии, больше спать нельзя. Тебе предстоит сыграть главную роль, хочешь ты этого или нет. Итак, начали. Место действия остров Керос. Действие третье. Явление первое. На сцену выходит капитан Кейт Мэллори.

За последние десять минут никто не произнес ни слова. Дженсен вел тяжелый штабной "хамбер" уверенно и непринужденно, как делал все, за что бы ни брался. Мэллори склонился над развернутой на коленях крупномасштабной адмиралтейской картой южного района Эгейского моря, освещенной лампочкой на доске приборов. Он изучал обведенный жирным красным карандашом район Спорадского архипелага и северной части островов Додеканес. Потом выпрямился, передернул плечами, -- в конце ноября ночью прохладно даже в Египте, -- и взглянул на Дженсена.

-- По-моему, я все запомнил, сэр.

-- Вот и хорошо! -- Дженсен смотрел вперед на выющую серую ленту дороги, освещенную белыми снопами, разрезающими мрак пустыни, которые подпрыгивали вместе с машиной на ухабах. -- Вот и хорошо, -- повторил он. -- А теперь взгляни на карту еще раз и представь, что ты в городе Навароне. Он на берегу овальной бухты в северной части острова. Что бы ты увидел оттуда?

-- Мне незачем смотреть на карту еще раз, -- улыбнулся Мэллори. -- Милых в четырех к востоку я увидел бы извилистую линию турецкого берега, ориентированную на северо-запад и кончающуюся в точке севернее Навароне. Это мыс. Затем линия берега поворачивает на восток. В шестнадцати милях севернее этого мыса -- он называется Демирджи, верно? -- и практически в створе с ним я увидел бы остров Керос. Наконец, в шести милях западнее находится остров Майдос, первый из группы островов Лерадского архипелага. Они тянутся в северо-западном направлении миль на пятьдесят.

-- На шестьдесят, -- кивнул Дженсен. -- У тебя отличная зрительная память, дружище. Смелости и опыта тебе не занимать, иначе не продержался бы полтора года на Крите. Ты обладаешь одним ценным качеством, о котором я скажу. -- Помолчав, он прибавил. -- Надеюсь, что тебе повезет. Господи, как необходимо тебе везенье.

Мэллори подождал, что еще скажет Дженсен, но тот задумался. Прошло три, пять минут, слышалось лишь шуршанье шин да приглушенный рокот мощного мотора. Наконец, по-прежнему не отрывая глаз от дороги, Дженсен произнес:

-- Сегодня суббота. Вернее, уже наступило воскресенье. На острове Керос тысяча двести человек. Тысяча двести британских солдат, которых через неделю убьют, ранят или возьмут в плен. Большей частью убьют. -- Впервые взглянув на Мэллори, Дженсен усмехнулся. -- Каково? В ваших руках жизнь тысячи с лишком человек, капитан Мэллори.

Мэллори внимательно посмотрел в бесстрастное лицо Дженсена и отвернулся, уткнувшись в карту. Тысяча двести человек на Керосе. Тысяча двести британцев, ожидающих смерти. Керос и Навароне. Керос и Навароне. Как там говорилось в стихотворении, которое он много лет назад выучил в маленьком горном селении в стороне от Куинстауна? "Чимбоза" -- вот как оно называлось. "Чимбоза и Котопакс, вы похитили сердце мое..." Керос и Навароне. В этих названиях звучит тот же призыв, то же очарование. "Керос и... Керос и..." -- Он замотал головой, пытаясь сосредоточиться. Все детали мозаики мало-помалу, хотя и медленно, занимали свои места.

-- Помнишь, полтора года назад, после падения Греции,

немцы захватили почти весь Спорадский архипелаг. А в руках итальянцев к тому времени оказалось большинство островов Додеканес. Постепенно мы стали отвоевывать эти острова. Впереди штурмующих шли твои земляки или морские десантники. К сентябрю прошлого года мы отбили почти все крупные острова. Кроме острова Навароне. Слишком твердый орешек. Мы обошли его, высадив на соседних островах гарнизоны до батальона численностью. -- Криво усмехнувшись, Дженсен продолжал: -- В это время ты прятался где-то в Белых горах в пещере, но, верно, помнишь, как отреагировали немцы?

-- Решительно?

-- Вот именно, -- кивнул Дженсен. -- Весьма решительно.

Политическое значение Турции в этом регионе трудно переоценить. Она всегда была потенциальным партнером или государств оси Берлин -- Рим -- Токио, или союзников. Большинство островов расположено всего в нескольких милях от побережья Турции. Немцам надо было восстановить доверие и рейху.

-- И поэтому?

-- Поэтому немцы бросили в бой все, чем располагали, -- парашютистов, десантников, отборные горнострелковые части, целые полчища "Юнкеров". Говорят, для этого они сняли с итальянского фронта все пикирующие бомбардировщики. Словом, бросили все силы. За несколько недель мы потеряли больше десяти тысяч солдат и все острова, которые заняли перед этим. Кроме Кероса.

-- Теперь очередь за ним?

-- Да. -- Щелчком Дженсен извлек две сигареты, подождал, пока Мэллори прикурит и выбросит спичку в окно, сквозь которое севернее шоссе в бледной дымке виднелось Средиземное море. -- Теперь немцы будут утюжить Керос. Спасти его мы не в состоянии. В районе островов Эгейского моря немцы имеют превосходство в авиации...

-- Но почему вы так уверены, что это произойдет на этой неделе?

-- Дружище, в Греции полным-полно агентов союзников, -- вздохнул Дженсен. -- Только в районе Афин и Пирея у нас их больше двухсот. Кроме того...

-- Двухсот! -- недоверчиво воскликнул Мэллори. -- Вы сказали...

-- Да, я так сказал, -- улыбнулся Дженсен. -- Сущие пустяки по сравнению с полчищами немецких шпионов, которые свободно расхаживают среди гостеприимных жителей Каира и Александрии. -- Он снова стал серьезным. -- Мы располагаем точной информацией. В четверг на рассвете целая армада каиков выйдет из Пирея, проскочит сквозь Циклады, просочится ночью меж островков... Любопытная ситуация! Не так ли? Днем мы не рискуем сунуться в Эгейское море, иначе нас пустят ко дну, а немцы не смеют носа показать ночью. Едва стемнеет, наши эсминцы, торпедные катера и канонерки выходят в море, но еще до рассвета эсминцы отходят на юг. Малотоннажные же суда пережидают день, прячась в бухтах островков. И все-таки мы не в состоянии помешать фрицам атаковать Керос. Немцы высадят десант в субботу или воскресенье. Нанесут одновременный удар с моря и с воздуха. Десятки "юнкеров-52" на аэродромах близ Афин ждут сигнала. Гарнизон Кероса не продержится и двух суток, -- без тени сомнения заключил Дженсен.

И Мэллори поверил ему. С минуту разглядывал он матовый блеск моря, мириады звезд, мерцающих над темной его гладью. Затем резко повернулся к Дженсену:

-- Но у нас же есть флот, сэр! Почему бы не эвакуировать гарнизон на кораблях? Ведь флот...

-- Флот! -- саркастически перебил его Дженсен. -- У флота кишка тонка. Район Эгейского моря сидит у него в печенках. Ему надоело понапрасну высовываться и получать по носу. Немцы успели подбить два линкора, восемь крейсеров, четыре из них потопили. Это не считая дюжины эсминцев... А о мелких судах и говорить нечего. Ради чего? Чтобы наше командование могло играть со своими берлинскими коллегами в кошки-мышки? Игра доставляет огромное удовольствие всем. Всем, кроме тысячи

моряков, которых потопили в той игре, кроме десяти тысяч томми, индусов, новозеландцев и австралийцев, которые страдали и умирали на этих островах, так и не поняв, ради чего они гибнут.

Пальцы Дженсена, сжимавшие баранку, побелели, лицо прорезали горькие складки. Мэллори был потрясен неожиданной вспышкой ярости, так не вязавшейся с характером Дженсена... А может, именно здесь—то и проявился его характер? Может, Дженсен совсем не таков, каким кажется со стороны?

-- Вы сказали, на Керосе тысяча двести человек, сэр? -- спросил Мэллори.

-- Да. Тысяча двести человек. -- Дженсен мельком взглянул на него и отвернулся. -- Ты прав, приятель. Конечно, прав. Я совсем потерял голову. Конечно, мы их не бросим. Флот в лепешку разобьется. Подумаешь, еще два-три эсминца накроются. Прости, дружище, я снова за свое. А теперь слушай. Слушай внимательно. Эвакуировать их придется ночью. Днем у нас ни одного шанса: две, а то и три сотни пикировщиков только и ждут появления британского эсминца. Эвакуировать придется именно на них. Транспорты и тендеры в два раза тихоходнее. До северных островов Лерадского архипелага им не добраться: не успеют вернуться к рассвету на базу. Расстояние слишком велико.

-- Но ведь Лерады растянулись длинной цепочкой, -- возразил Мэллори. -- Разве эсминцы прорвутся?

-- Между островами? Это исключено. -- Дженсен покачал головой. -- Проливы сплошь заминированы. И на тузике не пройти.

-- А проход между Майдосом и Навароне? Он тоже заминирован?

-- Нет. Он чист. Там глубины слишком большие. Якорные мины не поставить.

-- Тогда здесь и нужно идти, сэр! Ведь с другой стороны турецкие территориальные воды...

-- Мы бы вошли в турецкие воды хоть завтра, средь бела дня, будь от этого прок, -- устало сказал Дженсен. -- При прочих равных условиях мы пойдем западным проливом. Он и безопасней, и путь короче, и международных осложнений избежим.

-- Что значит "при прочих равных условиях"?

-- Я имею в виду пушки крепости Навароне. -- Дженсен долго молчал, потом повторил медленно, бесстрастно, как повторяют имя старинного и грозного врага: -- Пушки крепости Навароне. В них вся суть. Они прикрывают с севера входы в оба пролива. Если бы нам удалось подавить эти пушки, то этой же ночью сняли бы с Кероса гарнизон.

Мэллори не проронил ни слова, поняв, что услышит главное.

-- Это не обычные пушки, -- неторопливо продолжал Дженсен. -- Артиллеристы считают, что калибр их, самое малое, девять дюймов. Думаю, это двухсотсорок миллиметровые гаубицы. Наши солдаты на итальянском фронте боялись их больше всего на свете. Скорость снарядов невелика, зато ложатся они точно. Как бы то ни было, -- добавил он мрачно, -- "Сибарис" потопили за каких-то пять минут.

-- "Сибарис"? Я что-то слышал...

-- Крейсер с восьмидюймовыми орудиями главного калибра. Мы послали его месяца четыре тому назад подразнить фрицев. Думали, будет что-то вроде увеселительной прогулки. Но немцы отправили корабль на дно. Спаслось всего семнадцать человек.

-- Господи! -- воскликнул потрясенный Мэллори. -- Я и не знал.

-- Два месяца назад мы предприняли широкомасштабную десантную операцию, -- продолжал Дженсен, не обратив внимания на слова Мэллори. -- Участвовали командос, морские десантники, корабли Джеллико. У немцев было небольшое преимущество: Навароне окружен скалами, -- но ведь в атаке участвовали отборные войска, возможно, лучшие в мире. -- После паузы Дженсен добавил: -- Их изрешетили. Почти все были уничтожены. В течение последних десяти дней мы дважды сбрасывали на парашютах подрывников, ребят из спецотрядов. Они попросту исчезли, -- пожал недоуменно плечами Дженсен.

-- И неизвестно, что с ними?

-- Неизвестно. Нынче ночью была предпринята отчаянная

попытка отыграться. И чем дело кончилось? На командном пункте я помалкивал. Ведь это меня Торранс и его парни хотели сбросить на Навароне без парашюта. И я их не осуждаю. Но у меня не было иного выхода.

Громадный "хамбер" начал сбавлять скорость, бесшумно катя мимо скособоченных лачуг и домишек западного предместья Александрии. Впереди на свинцовом небе появилась светлая полоска.

-- Вряд ли из меня получится парашютист, -- с сомнением сказал Мэллори. -- По правде говоря, парашюта я и в глаза не видел.

-- Не переживай, -- заметил Дженсен. -- Парашют не понадобится. Способ, каким ты попадешь на Навароне, будет много труднее.

-- Но почему выбрали именно меня, сэр? -- спросил Мэллори. Он ждал, что скажет Дженсен еще, но тот молчал, наблюдая за дорогой, испещренной воронками.

-- Струсил? -- усмехнулся Дженсен и круто повернул руль, чтобы объехать глубокую яму, затем снова выправил машину.

-- Конечно, струсил. Вы таких страстей наговорили, сэр, что любой струсит. Но я имел в виду другое.

-- Я так и понял. У меня с чувством юмора плохо. Почему именно ты? Да потому, что у тебя для этого все данные, дружище. Ты первоклассный подрывник, умелый организатор. Проведя полтора года на Крите, ты не получил ни одной царапины. Это убедительное подтверждение, что ты способен выжить на захваченной противником территории. Узнав, каким досье на тебя я располагаю, ты бы очень удивился, -- фыркнул Дженсен.

-- Нет, я бы не удивился, -- раздраженно ответил Мэллори, -- но я знаю, по крайней мере, трех офицеров, данные которых не хуже моих.

-- Конечно, есть и другие, -- согласился Дженсен. -- Но другого Кейта Мэллори не найти. Кейт Мэллори! -- с пафосом воскликнул каперанг. -- Кто не слышал о Кейте Мэллори в старые добрые времена! Лучший альпинист, самый знаменитый скалолаз, когда-либо рождавшийся в Новой Зеландии, а значит, и во всем мире. Человек-муха, покоритель неприступных вершин, которому подвластны отвесные утесы и бездонные пропасти. Все южное побережье острова Навароне, -- жизнерадостно произнес Дженсен, -- представляет собой сплошной утес. Там негде ни зацепиться рукой, ни упереться ногой.

-- Понятно, -- пробормотал Мэллори. -- Вот какой способ вы имели в виду.

-- Совершенно верно, -- подтвердил Дженсен, -- ты и твоя группа туда отправитесь. Их четверо. Все как на подбор. Веселые скалолазы Кейта Мэллори! Каждый -- знаток своего дела. Завтра ты с ними познакомишься. Вернее, сегодня днем.

Минут десять ехали молча. От доков повернули направо; проехав, трясась по булыжной мостовой, Рю-Сер, свернули на площадь Мохаммеда Али. Миновав фондовую биржу, спустились по улице Шериф-паши. Рассвело, и Мэллори отчетливо видел лицо водителя.

-- Куда это мы, сэр?

-- Мы должны повидаться с единственным человеком на Среднем Востоке, который может вам чем-нибудь помочь. Это месье Эжен Влакос с острова Навароне.

-- Вы храбрец, капитан Мэллори, -- нервно крутил тонкие концы длинных черных усов Эжен Влакос. -- Храбрец и, я бы прибавил, глупец. Но разве можно называть человека глупцом, если он всего лишь выполняет приказ? -- Оторвав взор от карты, расстеленной на столе, грек взглянул в бесстрастное лицо Дженсена. -- Неужели нет иного выхода, каперанг? -- взмолился он.

-- Мы испробовали другие способы, но у нас ничего не получилось. Остался лишь этот, сэр.

-- Выходит, теперь его черед?

-- На острове Керос больше тысячи солдат, сэр.

Влакос молча кивнул и улыбнулся Мэллори.

-- Он называет меня сэром. Меня, бедного грека, владельца гостиницы, каперанг британского королевского флота Дженсен называет сэром. Старику это льстит. -- Некоторое время он молчал, уставясь в пространство. Но затем на усталом, морщинистом лице ожили выцветшие глаза. -- Да, теперь я старик, капитан Мэллори. Теперь я бедный и грустный старик. Но я не всегда был таким. Когда-то я был помоложе, был богат и счастлив. Некогда я владел землей. У меня был надел в сто квадратных миль в самой прекрасной стране, которую даровал господь Бог людям, чтобы те любовались ею. До чего же я любил эту землю! -- Засмеявшись, старик провел рукой по густым, с проседью, волосам. -- Конечно, как говорится, своя рубашка ближе к телу. Я свою землю называю прекрасной, а каперанг Дженсен назвал ее "чертовой скалой". -- Он улыбнулся, заметив смущение Дженсена. -- Но мы оба зовем эту землю остров Навароне.

Пораженный Мэллори посмотрел на Дженсена. Тот кивнул.

-- Семейство Влакосов владело островом в течение многих веков. Восемнадцать месяцев назад нам пришлось спешно вывезти месье Влакоса. Немцам не по душе пришлось его "сотрудничество".

-- Да, мы были на волоске от гибели, -- кивнул Влакос, -- немцы уже приготовили мне и двум моим сыновьям местечко в каземате. Но довольно о семействе Влакосов. Просто я хочу, чтобы вы знали, молодой человек, что я прожил на Навароне сорок лет и почти четыре дня составлял эту карту, -- он указал на стол. -- Можете положиться на мою информацию и на сведения, приведенные в карте. Конечно, многое изменилось, но есть такие детали, которые остаются прежними. Горы, заливы, перевалы, пещеры, дороги, дома и, самое главное, сама крепость. Все это осталось таким, каким было несколько веков назад, капитан Мэллори.

-- Понимаю, сэр, -- аккуратно сложив карту, Мэллори засунул ее под китель. -- Большое спасибо.

-- Это все, чем я располагаю. -- Влакос побарабанил пальцами по столу и взглянул на новозеландца. -- По словам каперанга Дженсена, ваши товарищи свободно говорят по-гречески, вы наденете платье греческих крестьян и получите фальшивые документы. Это хорошо. Словом, будете действовать на свой страх и риск.

Помолчав, он озабоченно прибавил:

-- Очень прошу вас, ни в коем случае не прибегайте к помощи жителей Навароне. Немцы беспощадны. Если они узнают, что кто-то вам помог, то уничтожат не только этого человека, но и всех жителей деревни: мужчин, женщин, детей. Такое уже было. И может произойти снова.

-- На Крите такое случилось, -- согласился капитан. -- Сам тому свидетель.

-- Вот именно, -- кивнул Влакос. -- А жители острова не имеют опыта партизанской борьбы. Где им было его набраться? У нас на острове немцы следят за каждым шагом его обитателей.

-- Обещаю, сэр... -- начал Мэллори.

-- Погодите, -- поднял руку Влакос. -- Если вы окажетесь в безвыходном положении, можете обратиться к двум людям. На деревенской площади Маргариты, что у входа в долину, милях в трех к югу от крепости, под первым платаном вы встретите человека по имени Лука. Лука много лет был моим экономом. Он уже помогал британцам, каперанг это подтвердит. Ему можете доверить даже собственную жизнь. У него есть друг Панаис. Он тоже не раз был полезен.

-- Благодарю вас, сэр. Я запомню: Лука и Панаис, деревня Маргарита, первый платан на площади.

-- Больше ни к кому не обращайтесь, капитан. Только к Луке и Панаису, только к ним двоим, -- повторил Влакос с мольбой в голосе.

-- Даю слово, сэр. Чем меньше людей нас увидит, тем лучше и для нас, и для ваших земляков. -- Мэллори удивился

озабоченности старика.

-- Надеюсь, -- тяжело вздохнул Влакос. Новозеландец поднялся и протянул руку.

-- Вы зря беспокоитесь, сэр. Никто не увидит нас, и мы никого не увидим, -- уверенно заявил Мэллори. -- Нас интересует только одно -- пушки.

-- Да, пушки... Эти ужасные пушки. -- Влакос покачал головой. -- А что, если...

-- Пожалуйста, не надо... Все будет в порядке, -- успокоил старика капитан.

-- Помогите вам господь! Жаль, что не смогу сопровождать вас.

Глава вторая. В ВОСКРЕСЕНЬЕ НОЧЬЮ. 19.00--02.00

-- Кофе, сэр?

Мэллори зашевелился, застонал и очнулся от тяжелого сна. Откинувшись на жесткую спинку кресла, он сварливо пробурчал: -- Интересно, когда в авиации появятся мягкие кресла вместо этих чудовищных сооружений? -- Окончательно проснувшись, капитан машинально взглянул на светящийся циферблат наручных часов. Еще только семь! Выходит, он спал каких-то два часа. Дали бы еще вздремнуть!

-- Кофе, сэр? -- терпеливо повторил молодой воздушный стрелок, державший в руках крышку от ящика из-под боеприпасов, на которой стояли чашки кофе.

-- Извини, дружок. -- Выпрямившись, Мэллори, взял в руки чашку, одобрительно понюхал ароматный напиток. -- Спасибо. Пахнет, как натуральный кофе.

-- Натуральный и есть, сэр, -- гордо улыбнулся стрелок. -- У нас на камбузе и кофеварка имеется.

-- Кофеварка! -- удивился Мэллори. -- Хорошо устроились авиаторы. Тяготы военного времени вам нипочем! -- Откинувшись на спинку кресла, он вдохнул аромат кофе. Но тут же вскочил, ошпарив колени горячей жидкостью, и посмотрел в иллюминатор. Взглянув на стрелка, он показал вниз, на горный ландшафт. -- В чем дело, черт побери? Мы должны прилететь через два часа после наступления темноты... А ведь едва зашло солнце. Что, пилот рехнулся?..

-- Это Кипр, сэр, -- улыбнулся воздушный стрелок. -- Вот там, на горизонте, Олимп. Мы почти всегда делаем крюк и проходим над Кипром, когда летим в Кастельроссо. Чтобы нас не заметили, сэр. К тому же, так мы оказываемся в стороне от Родоса.

-- Скажет тоже! Чтобы нас не заметили... -- послышался протяжный американский говорок. Говоривший не сидел, а лежал в кресле. Костлявые колени задралась выше подбородка. -- Черт меня побори! Чтобы не заметили! -- повторил он в недоумении. -- Делаем крюк, пролетая над Кипром. Двадцать миль везут на катере из Александрии, чтобы никто не заметил с берега, как нас сажают в гидроплан. А что потом? -- он с трудом приподнялся с места, взглянул в иллюминатор и снова рухнул в кресло, явно утомленный таким усилием. -- А потом нас запикивают в этот летающий гроб, выкрашенный ослепительно белой краской, так что его за сто миль и слепой увидит.

-- Белый цвет отражает солнечные лучи, -- стал оправдываться воздушный стрелок.

-- Мне солнце не мешает, сынок, -- устало отозвался американец. -- Жара мне по душе. А вот что не по душе, так это снаряды и пули, которые могут наделать в нас лишних дырок... -- Опустившись в кресло еще ниже, янки устало закрыл глаза и тотчас уснул.

Молодой стрелок восхищенно покачал головой и улыбнулся капитану.

-- Какой нервный, правда, сэр? Засмеявшись, Мэллори посмотрел вслед стрелку, который исчез в кабине пилотов. Неторопливо прихлебывая, кофе, взглянул на спящего, восхищенный его олимпийским спокойствием. Такого парня, как капрал американской армии Дасти Миллер, недавно включенный в отряд рейнджеров, хорошо иметь рядом. Новозеландец с удовлетворением оглядел и остальных. Под стать Миллеру и они. Проведя полтора года на Кипре, капитан научился безошибочно определять, подходит тот или иной солдат для действий в условиях партизанской войны. За этих он с ходу мог поручиться. Каперанг Дженсен умеет подбирать людей. Мэллори еще не был знаком с ними, но внимательно изучил подробнейшие досье на каждого. Он остался больше чем удовлетворен тем, что узнал.

Лишь Стивенс вызывал в нем тень сомнения. Мэллори посмотрел на белокурого лейтенанта, почти мальчика. Тот жадно вглядывался в землю, проплывавшую под белым крылом "сандерленда". Лейтенанта добровольческого запаса ВМС Энди Стивенса выбрали по трем причинам. Во-первых, он поведет судно, которое доставит их на остров Навароне. Во-вторых, он первоклассный альпинист, на его счету несколько сложных восхождений. В-третьих, он выпускник университета, фанатично влюбленный в эллинистику, свободно говорит на греческом и новогреческом. Перед войной он дважды проводил отпуск в Афинах, работая агентом туристского бюро. Но молод, совсем зеленый юнец. А молодость подчас опасное свойство. На Крите обстоятельство это часто становилось роковым. Воодушевление, юношеская горячность чаще всего были излишни. На этой войне не услышишь трубного зова, рева моторов; пыл и презрение к смерти тут не нужны. Здесь нужно иное: терпение, выносливость, стойкость, умение перехитрить противника -- качества, редко присущие молодым. Но, похоже, этот парень сумеет быстро обучиться.

Новозеландец еще раз взглянул на Миллера. Янки давно всему научился. Дасти Миллер на белом коне, с рогом, прижатым к губам? Такое в голове не укладывается. На сэра Ланселота, рыцаря короля Артура, он ничуть не похож. С виду это человек, проживший большую жизнь и утративший все иллюзии.

Действительно, капрал Миллер прожил на свете ровно сорок лет. Уроженец Калифорнии, на три четверти ирландец, на одну четверть поляк, за последние двадцать пять лет он повидал и пережил столько, сколько хватило бы и на дюжину жизней. Работал на серебряных рудниках Невады, проходчиком туннелей в Канаде, тушил пожары на нефтепромыслах во всех странах света. Он находился в Саудовской Аравии, когда Гитлер напал на Польшу. Кто-то из его дальних родственников по материнской линии жил в Варшаве в начале нынешнего столетия. Этого было достаточно, чтобы в Миллере вскипела ирландская кровь. Сев в первый же самолет, он улетел в Великобританию и обманным путем попал в авиацию. К неописуемому возмущению Дасти, из-за возраста его назначили башенным стрелком на бомбардировщик типа "веллингтон".

Первый боевой вылет Миллера оказался и последним. Через десять минут после взлета с аэродрома Мениди под Афинами январской ночью 1941 года отказал мотор, и в нескольких милях к северо-западу от города самолет упал на рисовое поле, что смягчило удар. Остаток зимы Дасти провел на кухне того же аэродрома Мениди, злясь на всех и вся. В начале апреля, не сказав никому ни слова, он ушел из расположения базы и направился на север, к албанской границе, где шли бои. Там он встретил немцев, двигавшихся на юг. Он впоследствии рассказывал, что добрался до порта Науплион, едва не попав под гусеницы наступающей танковой дивизии немцев. Эвакуировали его на транспорте "Слават", транспорт потопили. Дасти Миллера подобрал эсминец "Райне", но и его потопили. На ветхом греческом каике Миллер добрался, наконец, до Александрии, твердо решив никогда больше не летать и не плавать на морских судах. Через несколько месяцев он уже служил в экспедиционном

корпусе, действовавшем в тылу у немцев в Ливии.

Дасти -- полная противоположность лейтенанту Стивенсу, размышлял Мэллори. Молодой, восторженный, подтянутый, вежливый, безукоризненно одетый Стивенс и поджарый, худой, жилистый, чрезвычайно выносливый, с почти патологическим отвращением к внешнему лоску Миллер. Прозвище "Дасти" -- запыленный -- очень подходило к нему. В отличие от Стивенса он ни разу не поднимался на горный склон. Немногие греческие слова, которые знал Дасти, вы не нашли бы ни в одном словаре. Но оба эти обстоятельства не имели никакого значения. Выбрали Миллера по одной причине. Руководителям британской разведки на Среднем Востоке он был известен как высшей пробы подрывник, находчивый и хладнокровный, умеющий аккуратно и точно работать; как лучший в Южной Европе специалист по этой части.

Сзади Миллера сидел старшина береговой службы радиосвязи ВМС Кейси Браун. Невысокий, темноволосый и плотный, он был родом с берегов реки Клайд. В мирное время Браун работал механиком-наладчиком на знаменитой верфи в Гарелохе. Не поняв, что перед ними мастер -- золотые руки, сущая находка для машинного отделения любого корабля, флотские чиновники сделали его связистом. Неудача Кейси Брауна оказалась на руку Кейту Мэллори. Браун будет за механика на судне, которое должно доставить их на Навароне, и станет поддерживать связь со штабом. В послужном списке Брауна указано, что он первоклассный знаток партизанской войны, ветеран-десантник и дважды награжден за подвиги -- в Эгейском море и у побережья Ливии.

Пятый и последний участник группы сидел сзади. Мэллори незачем было оборачиваться, чтобы увидеть его. Капитан знал его лучше родной матери. На Крите Андреа был его правой рукой все эти долгие восемнадцать месяцев. С крупной фигурой, громким смехом и трагическим прошлым. Они вместе ели, жили, спали в пещерах, в расщелинах скал, в заброшенных пастушьих хижинах, постоянно преследуемые немецкими дозорами и самолетами. Андреа стал его alter ego, его Doppelganger [двойник (лат., нем)]. Посмотрев на Андреа, Мэллори видел себя как в зеркале. Андреа выбрали вовсе не потому, что он был греком, хорошо знал язык, обычаи и образ мыслей островитян. И даже не потому, что они с Мэллори понимали друг друга с полуслова, хотя и это имело значение. Его взяли исключительно для охраны и безопасности группы. Удивительно терпеливый, спокойный и беспощадный к врагам грек был чрезвычайно подвижен, несмотря на свой рост. Лень и медлительность могли мгновенно смениться взрывом неистовой ярости -- таков был Андреа, великолепный военный механизм. Он был их гарантией от неудач.

Мэллори снова посмотрел в иллюминатор и еле заметно кивнул, удовлетворенный. Дженсену не удалось бы набрать лучшей группы, обшарь он все Средиземноморье. Неожиданно капитан понял, что к этому-то и стремился каперанг. Ведь Миллера и Брауна отозвали в Александрию почти месяц назад. Почти тогда же на крейсер, базировавшийся на Мальту, прислали замену Стивенсу. И если бы устройство для зарядки аккумуляторов не сорвалось в ущелье в Белых горах, если бы взмыленный посыльный с ближайшего поста радиоразведки не потерял неделю, чтобы добраться до них, преодолев пятьдесят миль по заснеженным горам, избегая встреч с немецкими дозорами, и еще пять суток, чтобы отыскать их с Андреа, оба они оказались бы в Александрии почти двумя неделями раньше. Каперанг еще больше вырос в глазах Мэллори. Дженсен умеет смотреть далеко вперед и наверняка принял нужные меры задолго до выброски обоих воздушных десантов на остров Навароне, окончившихся провалом.

В восемь часов в самолете стало совсем темно. Мэллори поднялся и вошел в кабину пилотов. Окутанный клубами табачного дыма, командир корабля пил кофе. Второй пилот, вялым жестом поприветствовав Мэллори, со скучающим видом рассматривал открывавшуюся перед ним картину.

-- Добрый вечер, -- с улыбкой сказал капитан. -- Не помешаю?

-- Милости просим, -- заверил его командир корабля. -- Можно без стука.

-- Я думал, что вы заняты... -- Мэллори помолчал и, наблюдая за бездельниками, поинтересовался: -- А кто же ведет самолет?

-- Джордж. Автопилот, -- рукой, в которой держал чашку кофе, летчик показал на низкий черный ящик, едва различимый в полумраке. -- Трудяга, ошибается реже, чем тот лентяй, который должен нести вахту... Чем-то расстроены, капитан?

-- Да. Какие вам даны распоряжения на сей раз?

-- Забросить твоих лбов в Кастельроссо, когда хорошенько стемнеет, -- помолчав, командир добавил: -- Не понимаю. Гонять такую махину, чтобы доставить всего пять человек и двести фунтов снаряжения. Тем более в Кастельроссо. Тем более в темноте. Последний гидроплан, что летел сюда в темноте, утонул. Подводные препятствия или что-то вроде. Спаслось всего двое.

-- Знаю. Слышал об этом. Сожалею, но у меня тоже приказ. А что до остального -- забудьте. Кроме шуток. Предупредите экипаж, чтобы держали язык за зубами. Они нас в глаза не видели.

-- Нас уже страшали военно-полевым судом, -- мрачно кивнул пилот, -- можно подумать, что идет война...

-- Так оно и есть... Мы оставим здесь пару ящиков. Отправимся на берег в другой одежде. Когда вернетесь, наше барахло у вас заберут.

-- Лады. Желаю вам удачи, капитан. Секреты секретами, но, сдается мне, удача вам будет нужна.

-- Если так, то для начала высадите нас в собранном виде, -- улыбнулся Мэллори.

-- Не переживай, братишка, -- уверенно сказал пилот. -- Не бери в голову. Я ведь и сам нахожусь в этой этажерке.

В ушах еще звучал грохот мощных моторов "сандерленда", а уже из темноты неслышно появилась тупоносая моторная лодка и пришвартовалась к сверкающему корпусу гидроплана. Времени понапрасну не теряли. Через минуту все пятеро со своим снаряжением оказались на борту моторки, а спустя еще минуту лодка уже терлась бортом о каменный причал Кастельроссо. Взлетели два конца, подхваченные и тотчас закрепленные ловкими руками. Вделанная а углубление в каменном причале ржавая лестница уходила к усыпанному звездами темному небу. Едва Мэллори поднялся на последнюю ступеньку, из мрака выступила чья-то фигура.

-- Капитан Мэллори?

-- Я. Это я.

-- Армейский капитан Бригс. Извольте приказать вашим людям подождать здесь. Вас хочет видеть полковник. -- Капитан Бригс говорил в нос и не слишком приветливо.

Мэллори, готовый вспылить, промолчал. Похоже, этот Бригс любитель поспать и выпить. Видно, их поздний визит оторвал его от одного или обоих этих занятий. Тот еще вояка.

Оба вернулись минут через десять в сопровождении третьего. Мэллори всмотрелся в троих, стоявших на краю пирса, и, узнав их, огляделся вокруг.

-- А Миллер куда исчез? -- спросил он.

-- Здесь я, шеф, здесь, -- простонал Миллер, сидевший, опершись спиной о массивную швартовную тумбу, и с усилием поднялся на ноги. -- Отдыхал, шеф. Приходил в себя после утомительного путешествия, как бы вы выразились.

-- Когда вы все придете в себя, -- едко замечая Бригс, -- Мэтьюз проведет вас в отведенное вам помещение. Вы остаетесь в распоряжении капитана, Мэтьюз. Приказ полковника, -- произнес Бригс тоном, который не оставлял сомнений, что приказ полковника сущий вздор. -- Не забудьте, капитан, полковник

сказал, у вас два часа.

-- Знаю, -- устало ответил Мэллори. -- Полковник со мной разговаривал. Забыли? Ну, ребятки, пошли, если готовы.

-- А наше снаряжение, сэр? -- спросил Стивенс.

-- Оставьте его здесь. Ну, Мэтьюз, показывайте дорогу.

Следом за Мэтьюзом они шли по пирсу, потом по нескончаемым выщербленным ступеням. Шли гуськом, неслышно ступая каучуковыми подошвами по камням. Поднявшись наверх, вестовой круто повернул направо. Спустившись по узкому извилистому переулку, вошли в дом, вскарабкались по скрипучей деревянной лестнице. Мэтьюз открыл первую дверь в коридоре.

-- Сюда, сэр. Подожду вас у двери.

-- Лучше подожди внизу, -- посоветовал Мэллори. -- Не обижайся, Мэтьюз, но чем меньше будешь знать, тем лучше.

Войдя за своими спутниками в помещение, Мэллори затворил дверь. Тесная, неприглядная комнатенка, окна занавешены тяжелыми, плотными портьерами. Стол, с полдюжины стульев. В дальнем углу скрипнули пружины единственной кровати. Сложив на затылке руки, капрал Миллер блаженно потянулся.

-- Здорово! -- восхищенно проговорил он. -- Прямо номер в отеле. Совсем как дома. Правда, обстановка скудновата. -- Тут он спохватился. -- А где же вы собираетесь спать, ребятки?

-- А мы и не собираемся спать, да и тебе не придется. Через два часа трогаемся дальше. С кровати донесся стон.

-- Хватит валяться, служивый, -- безжалостно продолжал Мэллори. -- Поднимайся.

Охая, Миллер сбросил ноги с кровати и внимательно посмотрел на Андреа. Рослый грек методично осматривал комнату, открывал шкафы, переворачивал картины, заглядывал за портьеры и под кровать.

-- Что это он делает? -- поинтересовался Миллер. -- Пыль вытирает?

-- Ищет подслушивающие устройства, -- ответил Мэллори. -- Одна из причин, по которым мы с Андреа все еще живы. -- Сунув руку во внутренний карман черного кителя, без эмблемы и знаков различия, достал морскую карту и план, составленный Влакосом. Расстелил на столе. -- Все сюда, поближе. Уверен, за последние две недели у вас накопилась уйма вопросов. Сейчас получите на них ответ. Надеюсь, он удовлетворит вас... Познакомьтесь, это остров Навароне.

Стрелки часов показывали ровно одиннадцать, когда Мэллори, откинувшись на спинку стула, убрал карту и план. Вопросительно посмотрев на озабоченные лица товарищей, произнес:

-- Теперь, джентльмены, вы все знаете. Задача не из простых, -- усмехнулся он криво. -- Если бы все происходило в кино, мне следовало бы сейчас сказать: "Вопросы есть, ребята?" Но это мы опустим, потому что ответить на них я не сумею. Теперь вы знаете столько же, сколько и я.

-- Голую скалу в четверть мили длиной и в сто двадцать два метра высотой он называет единственной брешью в немецкой обороне! -- задумчиво произнес Миллер, склоняясь к жестянке с табаком, умело, одной рукой сворачивая сигарку. -- Это же идиотизм, командир. Мне и на лестницу не забраться так, чтобы не упасть. -- Глубоко затянувшись, он выпустил облако ядовитого дыма. -- Самоубийство. Вот что это такое. Ставлю доллар против тысячи, ближе чем на пять миль нам к этим проклятым пушкам не подобраться!

-- Доллар против тысячи? -- взглянул на него пристально Мэллори и, помолчав, прибавил: -- А сколько вы поставите, Миллер, на ребят, оставшихся на Керосе!

-- Н-да... Парни на Керосе, -- кивнул головой Миллер. -- О них-то я позабыл. Думал только о себе да об этой проклятой скале. -- Он выжидательно посмотрел на Андреа, стоявшего по другую сторону стола. -- Разве что Андреа поднимет меня наверх. Вон какой здоровяк.

Андреа промолчал. Глаза его были полузакрыты. Мысленно он, очевидно, находился за тысячу миль отсюда.

-- Свяжем вас по рукам и ногам и затащим наверх, -- недружелюбно заметил Стивенс. -- Только бы веревку найти попрочнее, -- небрежно бросил юноша. И тон, и слова были шутливы, но лицо было озабоченным. Не считая Мэллори, один Стивене понимал, какая это сложная задача -- подняться по отвесной незнакомой скале в полной темноте. Вопросительно взглянув на Мэллори, лейтенант спросил: -- Будем подниматься поодиночке, сэр, или же...

-- Прошу прощения, -- Андреа неожиданно подался вперед, продолжая говорить на хорошем английском языке, который усвоил во время продолжительного общения с Мэллори. Он торопливо нацарапал на клочке бумаги несколько слов. -- Минуточку. Я составил план подъема на скалу. Вот чертеж. Как думаете, капитан, это реально?

Он протянул листок Мэллори. Тот взглянул и все понял. Никакого чертежа не было. Крупными печатными буквами были выведены два слова: "ПРОДОЛЖАЙТЕ РАЗГОВОР".

-- Понимаю, -- задумчиво произнес Мэллори. -- Молодчина, Андреа. Толково придумано. -- Капитан поднял листок так, чтобы все видели написанное. Вскочив на ноги, неслышно, как кошка, Андреа уже двигался к двери.

-- Гениально, правда ведь, капрал Миллер? -- продолжал Мэллори как ни в чем не бывало. -- Разом можно решить многие наши проблемы.

-- Да, -- выражение лица Миллера совершенно не изменилось: глаза прищурены, над кончиком самокрутки вьется дымок. -- По-моему, Андреа здорово придумал. И меня поднимете в собранном виде, а не по частям. -- Дасте непринужденно рассмеялся, прикручивая странной формы цилиндр к стволу пистолета, словно по волшебству появившегося в его левой руке. -- Только не возмущайтесь, что это за странная линия и вот эта точка...

Все произошло буквально за две секунды: открыв, как бы невзначай, дверь, Андреа протянул руку и одним движением втащил в комнату отчаянно сопротивлявшегося человечка, опустил его на пол и закрыл дверь. Все было сделано бесшумно и быстро. Смуглый остролицый левантинец в белой рубахе, не по росту синих штанах на мгновение замер, жмурясь от непривычно яркого света. Вдруг рука его нырнула за пазуху.

-- Берегись! -- отрывисто крикнул Миллер, вскинув пистолет, но Мэллори взял его за руку.

-- Смотри, -- негромко сказал он.

Вороненое лезвие ножа, зажатое в руке, метнулось назад и молниеносно опустилось. Но случилось необъяснимое: руна с ножом замерла в воздухе, блеснувшее лезвие застыло в паре дюймов от груди Андреа. Раздался крик боли, послышался зловеющий хруст костей. Сжав ладонь на кисти левантинца, гигант-грек двумя пальцами взял осторожно нож, словно родитель, оберегающий любимого, но неразумного ребенка от опасных игр. Нож повернулся, и кончик его уперся в горло левантинца. Андреа, ласково улыбаясь, смотрел в глаза шпиона, в которых застыл ужас. Миллер присвистнул и пробормотал:

-- Вот это да! Верно, Андреа не впервой отмачивать такие номера.

-- Не впервой, -- передразнил его Мэллори. -- Рассмотрим вещественное доказательство номер один, Андреа.

Андреа подвел задержанного к столу, поближе к свету. Похожий на хорька левантинец с искаженными от страха и боли черными глазами придерживал рукой изувеченную кисть.

-- Как думаешь, Андреа, долго стоял этот тип за дверью? -- спросил Мэллори.

Андреа провел пятерней по густым черным выющимся волосам, в которых пробивались седые пряди.

-- Не знаю, капитан. Минут десять назад я вроде бы слышал какой-то шорох, но решил, что ошибся. Потом такой же звук услышал с минуту назад. Так что, боюсь...

-- Минут десять, говоришь? -- кивнул головой Мэллори и поглядел на задержанного. -- Кто такой? Что делал за дверью? --

спросил он резко.

Ответа не последовало. Угрюмые глаза, угрюмое молчание, сменившееся воплем -- Андреа дал шпиону затрещину.

-- Капитан спрашивает тебя, -- укоризненно сказал Андреа и снова влепил левантинцу оплеуху. -- Отвечай капитану.

Неизвестный заговорил быстро, возбужденно, отчаянно жестикулируя. Андреа вздохнул и остановил словесный поток, схватил левой рукой шпиона за горло. Мэллори вопросительно посмотрел на Андреа.

-- По-моему, курд или армянин, капитан. Я не знаю этого языка.

-- Я тем более, -- признался Мэялори. -- Говоришь по-английски? -- спросил он неожиданно.

Черные глаза обдали Мэллори ненавистью. Левантинец молчал. Андреа снова треснул его.

-- Говоришь по-английски? -- настойчиво повторил Мэллори.

-- Англиски? Англиски? -- плечи и локти дернулись в традиционном жесте непонимания. -- Ка англиски.

-- Говорит, что не знает английского, -- протянул Миллер.

-- Может, не знает, а может, и знает, -- бесстрастно сказал Мэллори. -- Известно одно -- он подслушивал, а рисковать мы не имеем права. На карту поставлено слишком много человеческих жизней. -- Глаза его стали суровыми и беспощадными, в голосе зазвучал металл. -- Андреа!

-- Да, капитан.

-- У тебя нож. Сунь ему меж лопаток, и дело с концом!

-- Господи! Сэр, неужели вы... -- воскликнул Стивенс и вскочил на ноги, с грохотом уронив стул. Он тотчас умолк, увидев, как задержанный стремительно бросился в дальний угол и упал, подняв над головой руку. Стивенс отвернулся, заметил торжествующую улыбку на лице Андреа, понимающие улыбки на лицах Брауна и Миллера. Он почувствовал себя круглым дураком, естественно, первым нарушил молчание Миллер.

-- Ай-яй! Мозет, он-таки говорит англиски?

-- Вполне возможно, -- согласился Мэллори. -- Кто станет подслушивать целых десять минут, если не понимает ни слова... Крикните Мэтьюза, Браун.

Через несколько секунд в дверях появился вестовой.

-- Позовите, пожалуйста, капитана Бриггса, Мэтьюз. Да поскорее. Солдат стоял в нерешительности.

-- Капитан Бриггс лег спать, сэр. Приказал не будить его.

-- Сердце мое обливается кровью при одной мысли, что придется нарушить покой капитана Бриггса, -- ядовито произнес Мэллори. -- В день он спит больше, чем я спал на прошлой неделе. --Взглянув на часы, Мэллори нахмурил черные брови, нависшие над усталыми карими глазами. --Нам нельзя терять времени. Доставьте его сюда немедленно! Понимаете? Немедленно!

Отдав честь, Мэтьюз исчез. Миллер откашлялся и пощелкал языком.

-- Все гостиницы на один манер. Что в них творится... Помню, однажды я был на конференции в Цинциннати... Мэллори устало покачал головой.

-- Дались вам эти отели, капрал. Это военное учреждение, и здесь расквартированы офицеры.

Миллер хотел что-то возразить, но передумал. Янки хорошо разбирался в людях. Одних можно провести, других нет. В глубине души Миллер был убежден, что они затеяли безнадежное дело. Хотя и важное, но безнадежное дело. И все-таки не зря руководителем отряда назначили этого решительного загорелого новозеландца. Минут пять все молчали. Когда дверь распахнулась и появился капитан Бриггс, все подняли глаза. Без головного убора, с шелковые шарфом на шее вместо воротничка и галстука. Белый шарф странно оттенял толстую шею и красное лицо. Впервые увидев Бриггса у полковника, Мэллори отметил, что у него высокое кровяное давление и еще более высокий жизненный уровень. А багрово-красный оттенок лица -- это, по-видимому, симптом гнева, направленного не по адресу, решил он. Так оно и оказалось.

-- Слишком много вы себе позволяете, капитан Мэллори, --

сердито прогудел гнусавый голос. -- Я вам не шестерка! У меня был тяжелый день, и я...

-- Сохраните это для мемуаров и взгляните на того типа в углу, -- оборвал его Мэллори.

Бриггс побагровел еще больше, шагнул в комнату, гневно сжимая кулаки, но, увидев в углу скрюченную бесформенную фигуру, застыл на месте.

-- Господи, Николай! -- воскликнул он.

-- Вы знаете его. -- Слова эти прозвучали утверждением, а не вопросом.

-- Конечно, знаю, -- фыркнул Бриггс. -- Кто его но знает? Это Николай, бой из прачечной.

-- Бой из прачечной? Шнырять ночью по коридорам и подслушивать у двери входит в его обязанности?

-- Что вы хотите этим сказать?

-- То, что сказал, -- ответил Мэллори. -- Он подслушивал. Мы застали его за этим занятием.

-- Николай? Не верю!

-- Не забывайся, мистер, -- прорычал Миллер. -- Знаешь, кого ты называешь лжецом? Мы все это видели.

Бриггс как зачарованный смотрел в черное дуло нацеленного на него пистолета и, проглотив слюну, поспешно отодвинулся.

-- Ну и что из того, что подслушивал? -- натянуто улыбнулся Бриггс. -- Николай ни слова не говорит по-английски.

-- Может быть, и не говорит, -- сухо проговорил Мэллори. -- Но достаточно хорошо понимает. Я не собираюсь всю ночь обсуждать этот вопрос, да и времени на это нет. Попрошу арестовать этого типа и поместить в одиночную камеру, чтобы он ни с кем не мог общаться, по крайней мере в течение следующей недели. Это крайне важно. Шпион он или просто любопытный, не знаю, но известно ему стало многое. Затем вы вправе распорядиться им по своему усмотрению. Мой совет выгнать его из Кастельроссо.

-- Ваш совет? Вот оно что! -- Бриггс обрел прежний цвет лица, а с ним и самоуверенность. -- А кто вы такой, чтобы мне советовать или приказывать, капитан Мэллори, черт бы вас набрал? -- он сделал упор на слове "капитан".

-- Тогда прошу вас об услуге, -- устало произнес новозеландец. -- Я не могу объяснить, но это чрезвычайно важно. На карту поставлена жизнь многих сотен людей.

-- Многих сотен!.. Не надо устраивать мне тут мелодрамы! -- насмешливо произнес Бриггс. -- Приберегите эти фразы для ваших мемуаров рыцаря плаща и кинжала, капитан Мэллори.

Тот встал и, обогнув стол, вплотную подошел к Бриггсу. Карие глаза его смотрели холодно и спокойно.

-- Я мог бы доложить полковнику. Но я не хочу скандалить. Вы сделаете все именно так, как я вам сказал. Иначе я отправлюсь в штаб базы, свяжусь по радиотелефону с Каиром, и тогда, клянусь, на первом же корабле вас отправят в Англию, на верхней палубе, причем рядовым.

Последняя фраза эхом прокатилась по комнате. Атмосфера была напряжена до предела. Но в следующую минуту напряжение спало так же внезапно, как и возникло. У Бриггса, понявшего, что проиграл, лицо покрылось красными и белыми пятнами.

-- Ну ладно, ладно, к чему эти дурацкие угрозы. Пусть будет по-вашему, -- попытался он скрыть, насколько уязвлен. -- Мэтьюз, вызовите часового.

Оснащенный мощными авиационными моторами торпедный катер шел средним ходом. Он то зарывался носом, то вновь взлетал на волну, которая шла с вест-норд-веста. В сотый раз за ночь Мэллори посмотрел на часы.

-- Не укладываемся в расписание, сэр? -- спросим Стивенс. Капитан кивнул.

-- Нам следовало отплыть сразу после посадки "сандерленда". Но произошла какая-то заминка.

-- Держу пари на пять фунтов, что отказал мотор, -- проворчал Браун. Акцент выдавал в нем шотландца.

-- Совершенно верно, -- удивился Мэллори. -- А как вы узнали?

-- Беда с этими проклятыми двигателями, -- буркнул Браун. -- Они у торпедных катеров своенравны. Как киноартистки.

В тесной каюте наступила тишина, нарушаемая звоном стаканов: традиции флотского гостеприимства живучи.

-- Раз мы опаздываем, почему командир не гонит во всю прыть? -- проговорил, наконец, Миллер. -- Говорят, будто эти корыта развивают скорость от сорока до пятидесяти узлов.

-- Вы и так позеленели от качки, -- бесцеремонно сказал Стивенс. -- Видно, вам не доводилось ходить на торпедных катерах в непогоду.

Миллер промолчал, но, терзаемый сомнениями, обратился к Мэллори:

-- Капитан!

-- В чем дело? -- сонно спросил новозеландец, развалившийся на узком диване. В руке он сжимал почти пустой стакан.

-- Понимаю, я суюсь не в свое дело. Скажите, вы выполнили бы угрозу в адрес Бригса.

-- Действительно, это не ваше дело, -- рассмеялся Мэллори. -- Нет, не выполнил бы. Потому что не смог бы. Во-первых, у меня нет таких полномочий. Во-вторых, я даже не знаю, есть ли между базой Кастельроссо и Каиром связь по радиотелефону.

-- Я так и думал, -- почесал щетинистый подбородок капрал. -- А если бы он сообразил, что вы берете его на пушку? Что бы тогда сделали, шеф?

-- Застрелил бы Николаи, -- спокойно ответил Мэллори. -- Если бы и полковник меня не поддержал. Иного выхода не было.

-- Я так и думал. Верно, вы так бы и поступили. Я только сейчас понял, что у нас-таки есть шанс. Все же зря вы его не шлепнули. А вместе с ним и этого господинчика. Мне не понравилось выражение лица этого Бригса, когда вы выходили. Подлое -- это не то слово. Он готов был вас убить. Вы ж ему хвост прищемили, а для таких свистунов, как он, это самое страшное.

Мэллори не ответил. Выронив из рук стакан, он крепко спал. Даже адский рев двигателей, развивших полные обороты, когда корабль оказался в спокойных водах Родосского пролива, не в силах был нарушить этот глубокий, как бездна, сон.

Глава третья. ПОНЕДЕЛЬНИК. 07.00--17.00

-- Дружище, в какое положение вы меня ставите? -- произнес офицер, похлопывая стеком с ручкой из слоновой кости по безукоризненно отутюженным брюкам, и ткнул носком начищенного ботинка в сторону допотопного двухмачтового каика, пришвартованного кормой к еще более дряхлому деревянному причалу, на котором они стояли. -- Готов со стыда сгореть. Клиентам нашей фирмы гарантирован самый лучший товар.

Мэллори скрыл улыбку. Со своим изысканным произношением, аккуратно подстриженными усами, отлично сшитым мундиром, майор Ратлидж был так великолепен среди дикой красоты поросших лесом утесов, окружавших бухту, что казался неотъемлемой частью пейзажа. Майор был столь непринужден и величественно спокоен, что, казалось, скорее бухта, чем майор, здесь лишняя.

-- Действительно, посудина видала виды, -- согласился Мэллори. -- И все же это именно то, что мне нужно, сэр.

-- Не понимаю. Право, не понимаю. -- Сердитым, но выверенным ударом стека майор сбил пролетающую муху. -- Чего я только не доставал для своих клиентов в эти последние восемь-девять месяцев: каики, моторки, яхты, рыбачьи лодки --

все, что угодно. Но никто еще не заказывал у меня самую ветхую, самую расшатанную посудину. Поверьте, не так-то это просто сделать, -- лицо майора приняло страдальческое выражение, -- парни знают, что такой хлам меня обычно не интересует.

-- Какие парни? -- поинтересовался Мэллори.

-- А там, знаете, на островах, -- Ратлидж показал куда-то на северо-запад.

-- Но ведь те острова заняты немцами...

-- Этот тоже. Но ведь надо же где-то иметь свою штаб-квартиру, -- терпеливо объяснил Ратлидж. Вдруг лицо его просветлело. -- Послушайте, дружище, есть у меня кое-что на примете. Каир настаивает, чтобы я подыскал вам посудину, на которую никто не стал бы обращать внимания. Что скажете относительно немецкого торпедного катера? В отличном состоянии. Побывал в руках только одного владельца, человека аккуратного. В Великобритании я получил бы за него десять тысяч. Через полтора суток будет у вас. Один мой приятель в Бодруме...

-- Бодрум? -- переспросил Мэллори. -- Бодрум? Но... но это же в Турции, не так ли?

-- В Турции? Действительно. Кажется, так оно и есть, -- согласился Ратлидж. -- Однако, сами понимаете, приятелю придется ждать, когда доставят товар, -- добавил он, оправдываясь.

-- Спасибо, не надо, -- улыбнулся Мэллори. -- Нам нужен именно этот каик. Да и ждать некогда.

-- Ну, как знаете, -- всплеснул руками Ратлидж. -- Позову пару своих ребят, пусть погрузят вашу кладь.

-- Мы лучше сами, сэр. Дело в том, что у нас особый груз...

-- Хорошо, -- согласился майор. -- Меня зовут "Ратлидж -- Никаких Вопросов". Скоро отплываете? Мэллори взглянул на часы.

-- Через полчаса, сэр.

-- Как насчет кофе и яичницы с ветчиной? Через десять минут будет готово.

-- Большое спасибо, -- улыбнулся Мэллори. -- Это нам подходит. -- С этими словами он повернулся и медленно пошел к концу причала, с наслаждением вдыхая пахнущий травами, ударяющий в голову воздух раннего осеннего утра. Солоноватый привкус моря, пьянящее приторное благоухание жимолости, более тонкий и резкий аромат мяты, сливаясь воедино, создавали некий одурманивающий букет, непонятный и незабываемый. По обеим сторонам бухты возвышались крутые склоны, покрытые сверкающей зеленью сосен, орешника и остролиста и уходившие к болотистым лугам. Оттуда напоенный ароматами ветерок приносил едва слышный мелодичный звон колокольцев -- навевающий сладкую тоску отзвук безмятежного мира, оставившего острова Эгейского моря.

Машинально покачивая головой, Мэллори ускорил шаг. Спутники его по-прежнему сидели там, где незадолго до рассвета высадил их торпедный катер. Миллер, естественно, растянулся на земле, закрывшись шляпой от низких золотистых лучей восходящего солнца.

-- Извиняюсь за беспокойство и все такое прочее, но через полчаса отчаливаем. Завтрак через десять минут. Давайте грузить снаряжение. -- Мэллори повернулся к Брауну. -- Двигатель не осмотрите?

С трудом поднявшись, Браун без всякого восторга взглянул на видавший виды, с облупившейся краской каик.

-- Пожалуй, вы правы, сэр. Но если и движок в таком же состоянии, как это корыто... -- Словно предчувствуя недоброе, он покачал головой и ловко спрыгнул на палубу судна.

Мэллори и Андреа последовали его примеру. Двое оставшихся на причале передавали им груз. Сначала они спрятали мешок со старой одеждой, потом продукты, примус и топливо, тяжелые альпинистские ботинки, крючья, молотки, альпенштоки, мотни веревки со стальным сердечником -- все, что необходимо для подъема. Затем с большими предосторожностями погрузили рацию, взрывную машинку со старомодной ручкой. Вслед за тем оружие -- два "шмайсера", два "брена", маузер и кольт. Потом последовал ящик с разношерстным, но нужным содержимым: карманные фонари,

зеркала, два комплекта документов и, как ни странно, несколько бутылок вина -- хок, мозоль, узо, ретсима. Наконец, с особыми предосторожностями в носовой трюм положили два деревянных ящика. Один -- среднего размера, выкрашенный в зеленый цвет и обитый медью. Другой -- маленький и черный. В зеленом хранилась взрывчатка: тол, аматол, несколько брусков динамита. Там же были упакованы гранаты и пироксилиновые запалы, прорезиненные шланги. В один угол поместили мешок с наждачной пылью, в другой -- с толченым стеклом, а также залитую сургучом бутылку с калием. Последние три предмета взяли в расчете на то, что Дасти Миллеру представится возможность проявить свой редкий талант взрывника. В черном ящике хранились одни лишь детонаторы, электрические и ударные -- с гремучей ртутью, столь чуткие, что срабатывают, стоит уронить на них птичье перо.

Едва убрали под палубу последний ящик, как из машинного люка показалась голова Кейси Брауна. Он медленно осмотрел грот-мачту, возвышавшуюся над ним, так же медленно перевел взгляд на фок-мачту. С бесстрастным выражением лица взглянул на Мэллори:

-- Паруса у нас есть, сэр?

-- Думаю, что есть. А в чем дело?

-- Боюсь, что скоро они нам понадобятся, -- с горечью ответил Браун. -- Вы велели взглянуть на движок. Тут не машинный отсек, а склад металлолома. Причем самый ржавый, самый большой кусок металлолома соединен с гребным валом. Старый двухцилиндровый "кельвин", мой земляк. Изготовлен тридцать лет назад, -- Браун огорченно покачал головой -- так может сокрушаться лишь механик с берегов Клайда, увидев, во что превратили хороший движок. -- Разваливается на части уже много лет, сэр. -- Вся палуба отсека усеяна деталями и запчастями. Возле Гэллоугейта я видел свалки, которые, по сравнению с этим машинным отсеком, настоящие дворцы.

-- По словам майора Ратлиджа, еще вчера каик был на ходу, -- кротко проговорил Мэллори. -- Поднимайтесь на берег. Завтрак готов. Напомните мне, чтобы я захватил несколько тяжелых камней, хорошо?

-- Камней?! -- в ужасе посмотрел на него Миллер. -- Тащить камни на эту посудину? Капитан с улыбкой кивнул.

-- Да ведь это проклятое корыто и так течет, как решето!

-- возмутился Миллер. -- Зачем тебе камни?

-- Скоро поймешь.

Спустя три часа Миллер понял. Рассекая зеркальную поверхность моря, каик упорно двигался на север, держась менее чем в миле от турецкого побережья. Связав в тугой узел свою форму, капрал нехотя бросил ее за борт. Под тяжестью булыжника узел тотчас пошел ко дну.

Опершись спиной о рулевую рубку, он мрачно разглядывал себя в зеркало. Если не считать лилового шарфа, обмотанного вокруг тощего живота и выгоревшего узорчатого жилета, он выглядел во все черное. Черные шнурованные штиблеты, черные шаровары, черные рубашка и куртка. Даже песочного цвета волосы были покрашены в черный цвет. Передернув плечами, Миллер отвернулся.

-- Слава богу, что меня приятели не видят, -- проворчал он, критически рассматривая остальных, одетых примерно так же. -- Что ж, может, я не такое уж и пугало? Послушайте, командир, а к чему весь этот маскарад?

-- Я слышал, вы дважды переходили линию фронта. Один раз под видом крестьянина, другой -- под видом механика. -- С этими словами Мэллори опустил за борт узел с формой, в которую был завернут камень. -- А теперь будете знать, как выглядят прилично одетые жители острова Навароне.

-- А зачем нам надо было дважды переодеваться? Сперва в самолете, а теперь здесь?

-- Ах, вот оно что! Армейская форма и белая флотская в

Александрии, синяя роба а Кастельроссо, а сейчас одежда греческих крестьян? В Александрии, в Кастельроссо или на острове майора Ратлиджа могли сказаться -- и наверняка были -- немецкие агенты. А мы пересели с моторки на гидроплан, с гидроплана на торпедный катер, с катера на каик. Следы замечали, капрал. Нам нельзя рисковать.

Миллер кивнул, посмотрел на мешок с одеждой, нахмурил брови, наклонился и, достав белый балахон, стал его разглядывать.

-- Чтобы пройти через здешние кладбища, наверно, -- изрек он. -- Привидения будем изображать.

-- Это маскировочные халаты, -- объяснил Мэллори. -- Чтоб на снегу нас не заметили.

-- На чем?

-- На снегу. Это такие белые кристаллики. На острове Навароне есть довольно высокие вершины. Возможно, придется уйти туда. Для того и халаты.

Миллер онемел от удивления. Ни слова не говоря, он растянулся на палубе, подложил под голову мешок и закрыл глаза. Улыбнувшись, Мэллори переглянулся с Андреа.

-- Хочет как следует погреться на солнце, прежде чем заняться освоением белого безмолвия... А что, это идея. Может быть, и тебе поспать? Я постою на вахте пару часов.

Пять часов каик шел курсом норд-тень-вест, параллельным побережью Турции, не приближалась к нему ближе, чем на две мили. Греясь на все еще теплом ноябрьском солнце, Мэллори сидел на носу, прижавшись к фальшборту. Он внимательно следил за небом и горизонтом. Андреа и Миллер спали на палубе. Кейси Брауна никак было не выманить из машинного отсека. Лишь изредка он высовывался из люка, чтобы подышать свежим воздухом. Но интервалы между его появлениями все увеличивались: старому "кельвину" требовалось все больше внимания. Браун регулировал систему смазки, подачу воздуха. Механик до мозга костей, он был настроен тем, в какое состояние привели двигатель. Его клонило в сон, болела голова: через тесный люк воздух почти не проникал.

Оставшись один в рулевой рубке, зачем-то установленной на таком маленьком судне, лейтенант Энди Стивенс смотрел на проплывающий мимо них турецкий берег. Подобно Мэллори, он наблюдал за морем, переводя взгляд с побережья на карту, с карты на острова, которые постоянно перемещались относительно друг друга, ставя его в тупик. Возникая в дымке благодаря рефракции, островки словно парили в воздухе. Затем глаза штурмана устремлялись к картушке ветхого спиртового компаса, чуть покачивавшегося в изъеденном коррозией кардановом подвесе, потом -- вновь к побережью. Иногда он поглядывал на небо или окидывал взором от траверза до траверза панораму горизонта. В рубке снова повесили засиженное мухами, побитое по краям зеркало, куда он старался не глядеть.

Болели предплечья, хотя его дважды сменяли на руле. Худые загорелые руки одеревенели, сжимая разошедшиеся спицы штурвала. Юноша неоднократно пытался расслабиться, как-то уменьшить напряжение сводимых судорогой мышц рук, но пальцы сами собой стискивали штурвал. В пересохшем рту появился солоновато-кислый привкус. Сколько он ни пил нагретую солнцем воду из кувшина, привкус и сухость во рту оставались. Он не мог также избавиться ни от тревоги, засевшей где-то выше солнечного сплетения, ни от противной дрожи в правой ноге.

Стивенсом овладел страх. Не только потому, что он еще не участвовал в боевых действиях. Сколько он себя помнил, Стивенс постоянно испытывал страх. Он и сейчас помнил все случаи, когда он испытывал страх, начиная с подготовительной школы. Все началось с того, что дома его столкнул в бассейн отец, сэр Седрик Стивенс, знаменитый исследователь и альпинист. Отец заявил, что только так сын научится плавать. Как мальчуган вырывался, как барахтался, напуганный до смерти! Вода попадала в носоглотку, желудок словно свело спазмом, вызывая непонятную жуткую боль. Глядя на него, до слез хохотали отец и два старших брата, рослые, веселые и такие же бесчувственные, как сэр

Седрик. Стоило Энди вылезти из воды, они снова сталкивали его в бассейн.

Отец и братья... Так продолжалось все школьные годы. Втроем они превратили его жизнь в сущий кошмар. Крепкие, энергичные, в постоянном общении с природой, отец и братья поклонялись культу силы и физического здоровья. Они и представить себе не могли, чтобы кто-то не получал удовольствия, прыгнув в воду с пятиметрового трамплина или перескочив на коне через высокий барьер, забравшись на острые скалы или выйдя под парусом в море во время шторма. Все эти развлечения они навязывали и ему. Часто у Энди ничего не получалось. Ни отец, ни братья не могли взять в толк, почему он избегает свирепых забав, до которых сами были охочи. Они были не жестокие, а просто грубые, недалекие люди. Поэтому у Энди к обыкновенному, естественному страху примешивалась боязнь неудачи, опасение, что у него что-то не получится, и тогда его осмеют. Будучи мальчиком чувствительным к насмешкам, он начал страшиться всего, что может вызвать насмешку. В конце концов, он стал бояться страха и в отчаянной попытке преодолеть этот двойной страх к двадцати годам стал скалолазом. При этом Энди приобрел репутацию такого смельчака, что отец и братья стали его уважать и считать ровней себе. Насмешки прекратились. Но страх не исчез, он усиливался. И однажды во время особенно сложного подъема, обуянный слепым, беспричинным страхом, он, едва не погиб. И страх этот он до сих пор успешно скрывал. Как и сейчас. Он и сейчас пытался скрыть свой страх. Энди всегда боялся неудачи, боялся не оправдать чьих-то надежд, боялся чувства страха. Но больше всего боялся, что узнают о его страхе, что кто-то заметит этот страх...

Поразительная, невероятная голубизна Эгейского моря; плавные нечеткие очертания Анатолийских гор на фоне блеклой лазури; хватающая за душу волшебная палитра голубых, лиловых, пурпурных и синих красок нагретых солнцем островов, лениво проплывающих мимо; сверкающая всеми цветами радуги рябь, пробежавшая по воде, над которой пронесся напоенный ароматами ветерок, что прилетел с зюйд-веста; мирно спящие на палубе люди, ровный и беспрестанный стук старого движка... Все это наполняло душу миром, покоем, безмятежностью, теплом и истомой. И чувству страха, казалось, нет тут места. И весь остальной мир, и война так далеки.

Пожалуй, нет, война не так уж и далеко. Она то и дело напоминала о себе. Дважды появлялся немецкий гидроплан "арадо", покружил над каиком; следом за ним "савоя" и "фиат", отклонившись от курса, прошли вдвоем на бреющем полете и, по-видимому, удовлетворенные осмотром, исчезли. Это были итальянские машины, базирующиеся на Родосе и почти наверняка пилотируемые немецкими летчиками. После капитуляции, объявленной правительством Италии, немцы согнали своих недавних союзников в концлагерь. Утром в полумиле от них прошел крупный каик под немецким флагом, ошестинившийся пулеметами. На баке была установлена 42-миллиметровая пушка. Пополудни с оглушительным ревом мимо них пронесся быстроходный немецкий катер, да так близко, что каик едва не перевернулся. Грозь кулаками, Мэллори и Андреа почем зря ругали гогочущих матросов. Но попыток осмотреть или задержать каик не было. И британцы, и немцы могли не колеблясь вторгнуться в нейтральные турецкие воды, но существовало молчаливое джентльменское соглашение, согласно которому суда и самолеты не осуществляли взаимных военных действий. Они вели себя словно посланцы воюющих держав, очутившиеся в столице нейтрального государства, и относились или безупречно вежливо и холодно друг к другу, или подчеркнуто не замечали присутствия противника. Однако появление судов и самолетов враждующих стран постоянно напоминало о войне. Происходили и иные события, свидетельствующие, сколь непрочен этот кажущийся мир. Медленно двигались стрелки часов, приближая их с каждой минутой к той гигантской скале, которую надо было покорить через какие-то восемь часов. Впереди по курсу в пятидесяти милях от каика возникли очертания мрачных, словно зазубренных скал острова Навароне, повисшего над мерцающим

горизонтом. Остров, чей темный силуэт выделялся на сапфирном фоне неба, казался далеким, пустынным и грозным.

В половине третьего двигатель остановился. Не было ни чиханья, ни перебоев -- признаков неизбежной беды. Еще секунду назад слышалось его уверенное тарахтенье, и вдруг наступила полная и зловещая тишина. Первым к машинному отсеку бросился Мэллори.

-- В чем дело, Браун? -- В голосе капитана слышалась тревога. -- Движок сломался?

-- Не совсем так, сэр. -- Браун все еще возился с двигателем, и голос его звучал глухо. -- Я его просто выключил.

-- Выпрямившись, он неуклюже вылез из люка, сел, свесив в отсек ноги, и стал жадно хватать ртом свежий воздух. Несмотря на загар, лицо его было очень бледным. Мэллори внимательно посмотрел на механика.

-- Можно подумать, вас кто-то до смерти напугал.

-- Не в этом дело, -- помотал головой Браун. -- Сидя в этой проклятой дыре все эти последние два или три часа, я дышал ядовитыми газами. Только сейчас понял. -- Проведя по лбу рукой, он простонал. -- Голова раскалывается, сэр. Закись углерода не очень-то полезна для здоровья.

-- Утечка в выпускном коллекторе?

-- Да. И не только это. -- Он ткнул пальцем вниз. -- Видите вон ту водонапорную трубку? На ней шар, водоохладитель. Трубка не толще листка бумаги. Должно быть, много часов была утечка на фланце. Минуту назад в ней вырвало огромную дырищу. Искры, дым, пламя длиной дюймов шесть. Пришлось сразу выключить эту хреновину, сэр.

Поняв, наконец, что произошло, Мэллори кивнул.

-- Что же делать? Отремонтировать сумеете, Браун?

-- Это невозможно, сэр, -- решительно мотнул головой механик. -- Нужно заварить или запаять. Внизу, в груди хлама я приметил нужную деталь. Вся ржавая, немногим лучше той, что полетела... Но надо попробовать, сэр.

-- Я помогу, -- вызвался Миллер.

-- Благодарю вас, капрал. Как думаете, сколько вам понадобится времени, Браун?

-- Бог его знает. Часа два, может, четыре. Гайки и болты заржавели, придется срубить или отпиливать их, потом искать другие.

Мэллори промолчал, медленно повернулся и направился к Стивенсу. Оставив рулевую рубку, тот склонился над рундуком, где лежали паруса. Подняв голову, юноша вопросительно посмотрел на новозеландца.

-- Доставай и ставь, -- одобрительно кивнул головой Мэллори. -- Брауну понадобится часа четыре на ремонт. А мы с Андреа поможем тебе, как сумеем.

Два часа спустя двигатель все еще молчал. Каик удалился на значительное расстояние от турецких территориальных вод, его несло к большому острову, находившемуся милях в восьми по курсу вест-норд-вест. Теплый ветер стал крепчать и дул с Остовой, затягиваемой тучами, части горизонта. Под рейковым парусом и кливером -- других парусов не нашлось, -- закрепленным на фок-мачте, -- приблизиться к территориальным водам оказалось невозможно. Мэллори решил идти к острову -- там их будет труднее обнаружить, чем в открытом море. Озабоченно взглянув на часы, он перевел огорченный взгляд на удаляющееся турецкое побережье. И тотчас весь насторожился, вглядевшись в темную полосу моря, суши и неба на востоке.

-- Андреа! Видишь?

-- Вижу, капитан, -- отозвался рядом Андреа. -- Каик. В трех милях отсюда. Идет прямо на нас, -- добавил он тихо.

-- Идет на нас, -- согласился капитан. -- Позови Миллера и Брауна.

Когда все собрались, Мэллори не стал терять времени даром.

-- Нас задержат и будут обыскивать, -- торопливо сказал он. -- Если я не ошибаюсь, это тот самый каик, который попался нам утром. Не знаю, каким образом, но немцы что-то пронюхали и

будут очень внимательны. Церемониться не станут, все перетормошат. Вооружены до зубов, с этими шутки плохи. Не будем играть в кошки-мышки. Или мы их -- или они нас. Досмотра допустить нельзя. Сами знаете, что у нас за груз. Однако, -- прибавил он негромко, -- бросать за борт его мы не будем.

Мэллори поспешно объяснил, как следует действовать. Стивенс, смотревший из окна, снова ощутил пустоту в желудке, почувствовал, как отхлынула от лица кровь. Хорошо, что он в рулевой рубке: никто не заметит, как дрожит у него нога.

-- Но послушайте, сэр... -- произнес он дрогнувшим голосом.

-- Да. В чем дело, Стивенс? -- Несмотря на спешку, Мэллори умолк, увидев бледное, неподвижное лицо и пальцы, вцепившиеся в подоконник.

-- Вы не посмеете это сделать, сэр! -- хриплым из-за волнения голосом произнес Стивенс. Несколько секунд он беззвучно шевелил губами. Наконец, его прорвало: -- Это резня, сэр. Подлое убийство.

-- Заткнись, пацан! -- рявкнул Миллер.

-- Хватит, капрал! -- оборвал Мэллори американца. Долгим взглядом посмотрев на него, перевел холодный взор на Стивенса. -- Лейтенант, принцип успешного ведения войны состоит в том, чтобы поставить противника в невыгодные условия и не дать ему шансов на успех. Или мы убьем их, или они нас. Или они погибнут, или мы, а вместе с нами и тысяча парней на острове Керос. Неужели не ясно, лейтенант? Пусть вас не мучит совесть.

Несколько секунд Стивенс молча смотрел на капитана, сознавая, что все смотрят на него. В эту минуту он возненавидел Мэллори, готов был убить его. И внезапно понял, что ненавидит капитана за жестокую логику, заключенную в его словах. Посмотрел на свои сжатые кулаки. Мэллори, идол каждого молодого скалолаза в довоенной Великобритании, альпинистские подвиги которого давали пищу для сенсационных газетных заголовков в 38-м и 39-м годах. Мэллори, лишь из-за неудачно сложившихся обстоятельств дважды потерпевший неудачу при попытке похитить Роммеля, лису пустыни, из его собственного штаба. Мэллори, трижды отказавшийся от повышения по службе, чтобы остаться с критянами, обожавшими его. Все эти мысли пронеслись в мозг Энди. Подняв голову, юноша взглянул в худощавое загорелое лицо, чувственный, словно высеченный резцом рот, густые темные брови, нависшие над карими глазами, которые могли быть и такими холодными и такими добрыми. И он устыдился, осознав, что не сможет ни понять, ни осудить Мэллори.

-- Прошу прощения, сэр, -- чуть улыбнулся он. -- Как выразился бы капрал Миллер, я влез без очереди со своей критикой. -- Посмотрев на каика, несшийся к ним с зюйд-оста, Стивенс снова почувствовал тошнотворное чувство страха, но произнес довольно твердо: -- Я вас не подведу, сэр.

-- А я и не сомневался, -- улыбнулся в ответ Мэллори и взглянул на Миллера и Брауна. -- Приготовьте все, что надо, и положите куда следует. Не суетясь, чтобы не увидели. Они смотрят на вас в бинокли.

Повернувшись, он пошел на нос, Андреа следом за ним.

-- Круто ты обошелся с юношей, -- сказал без упрека и осуждения грек.

-- Знаю, -- пожал плечами Мэллори. -- Я и сам не рад. Но так было надо.

-- Пожалуй, -- проговорил Андреа. -- Да, но это было неприятно... Как думаешь, они пустят в ход носовые пушки?

-- Вполне. Они б не стали догонять нас, не будь они уверены, что дело нечисто. Дадут предупредительный выстрел, и только. Как правило, немцы ведут себя прилично.

-- Прилично? -- сморщил лоб Андреа.

-- Ладно, не придирайся, -- улыбнулся Мэллори. -- По местам. Ждите моего сигнала. Долго я вас ждать не заставлю, -- прибавил он сухо.

Буруны от форштевня исчезли, мощный рев дизеля сменился ровным рокотом. Немецкое судно, двигаясь по инерции, остановилось в полутора метрах от каика. Сидя на носу на ящике

для рыбы, Мэллори старательно пришивал пуговицу к поношенной куртке, зажатой у него между ног. Шестеро немцев в флотской форме находились на палубе каика. Один склонился над установленным на баке на треножном станке крупнокалиберным "шпандау" со вставленной в приемник лентой. Трое расположились группой в средней части судна, у каждого наготове "шмайсер". В дверях рулевой рубки стоял командир -- молодой лейтенант; волевое лицо, холодные глаза, на кителе "Железный крест". Из машинного отсека высунулась чья-то голова. Рейковый парус мешал Мэллори видеть корму, но, судя по тому, куда нацелен "шпандау", можно было заключить, что и на корме "немца" установлен пулемет.

Суровый лейтенант, поистине выкормыш "Гитлерюгенд", сложил ладони рупором:

-- Спустить паруса!

Мэллори так и обмер. В ладонь ему вонзилась игла, но он не заметил этого. Лейтенант отдал команду по-английски! А Стивенс так молод, так неопытен. Он непременно попадет на удочку... Но этого не случилось. Приоткрыв дверь рубки, юноша высунулся, приставил ладонь к уху и бессмысленно уставился вверх, карикатурно разинув рот. Изобразил такого придурка, не понимающего, чего от него хотят. Мэллори готов был обнять его. Не только его поступки, но и одежда и черная шевелюра соответствовали образу медлительного, недоверчивого островитянина-рыбака.

-- Чего надо? -- завопил Стивенс.

-- Спустить паруса! Мы сейчас сойдем к вам на борт, -- добавил лейтенант опять по-английски.

Стивенс все так же растерянно смотрел на немца, потом недоуменный взгляд перевел на Андреа и Мэллори. Те столь же убедительно изобразили удивление.

-- Виноват, не понимаю по-немецки! -- пожал плечами Энди. -- А по-нашему не умеешь говорить? -- произнес он на безукоризненном греческом языке. Правда, так говорят в Аттике, а не на островах Архипелага; но Мэллори был уверен, что лейтенант не заметит разницы.

-- Немедленно лечь в дрейф. Мы поднимемся к вам на борт.

-- Лечь в дрейф? -- Возмущение было таким неподдельным, поток ругательств и проклятий столь обильным, что лейтенант на мгновение опешил. -- Да кто ты такой, чтоб нам приказывать?

-- Даю десять секунд, -- оборвал его немецкий лейтенант. Он успел прийти в себя и держался холодно и чопорно. -- Потом откроем огонь.

Сделав вид, что готов подчиниться, Стивенс повернулся к Андреа и Мэллори.

-- На то и победители, чтоб приказывать! -- произнес он с горечью. -- Убирай паруса!

Быстро освободили фал, закрепленный на утке. Мэллори потянул вниз кливер, сгреб его и молча присел у ящика на корточки, зная, что за ним наблюдает дюжина враждебных глаз. Парус закрывал его колени, старая куртка -- предплечья, сложенные на ляжках ног; кисти опущены, голова склонена -- воплощенное уныние и покорность. Под тяжестью рангоутного дерева с шумом спустился рейковый парус. Андреа ступил на него, сделал пару неуверенных шагов к носу, но остановился, опустив руки. Усилившийся стук дизеля, поворот штурвала, и немецкое судно оказалось у борта каика. Трое немцев с "шмайсерами" в руках быстро, но так, чтобы не оказаться в секторе обстрела своих крупнокалиберных пулеметов (теперь можно было видеть на корме и второй), прыгнули на палубу каика. Один из трех тут же бросился к фок-мачте и встал там, держа всю команду под прицелом. Всех, кроме Мэллори. Того опекал пулеметчик, находившийся на носу.

Мэллори невольно восхитился безупречной слаженностью и четкостью действий немецких моряков.

Подняв голову, капитан осмотрелся с чисто крестьянским равнодушием. Кейси Браун присел на корточки у машинного отсека, возясь с глушителем, лежавшим на крышке люка. В двух шагах от него устроился Дасты Миллер. Нахмуясь, он старательно вырезал

из консервной банки кусок жести, видно, нужный для ремонтных работ. Кусачки он держал в левой руке, хотя не был левшой. Ни Стивенс, ни Андреа не сдвинулись с места. Часовой у фок-мачты не сводил с них глаз. Двое других неторопливо шли на корму со свободным, непринужденным видом. Им и в голову не приходило, что кто-то посмеет их послушаться.

...Хладнокровно расстреляв пулеметчика из автомата, спрятанного в парусе, Мэллори направил "брен" на часового у фок-мачты. Тот рухнул, изрешеченный пулями. Не успел он упасть на палубу, как произошло сразу четыре события. Схватив пистолет Миллера, спрятанный под глушителем, Кейси Браун четырежды нажал на спусковой крючок, и пулеметчик, находившийся на корме, поник. Пальцы его все еще сжимали рукоятки. Смяв кусачками трехсекундный химический запал, Миллер швырнул консервную банку в машинный люк немецкого судна. Стивенс метнул в рулевую рубку гранату со взведенным взрывателем. Схватив с быстротой и точностью атакующей кобры обоих автоматчиков, Андреа изо всей силы столкнул их меж собой головами. Все пятеро бросились на палубу. Над немецким судном с грохотом взвился столб дыма, пламени и груды обломков. Вскоре эхо взрыва стихло, слышен был лишь стук "шпандау", стрелявшего вверх до тех пор, пока ленту не заело. Над Эгейским морем вновь воцарилась тишина. Оглушенный двумя взрывами, Мэллори с трудом поднялся с палубы. Ноги ему не повиновались. Он не представлял себе, чтобы взрыв гранаты и двух кусков тола, связанных вместе, мог причинить такие разрушения.

Немецкое судно быстро тонуло. Должно быть, самодельной бомбой, изготовленной Миллером, разворотило днище в дизельном отсеке. Средняя часть судна была в огне. Мэллори представил себе: если над кораблем поднимутся клубы черного дыма, то сюда тотчас прилетят немецкие самолеты-разведчики. Но опасения оказались напрасными. Сухое просмоленное дерево горело почти без дыма. Судно получило сильный крен. Еще несколько секунд, и оно пойдет ко дну. Мэллори успел разглядеть развороченную рулевую рубку и ужаснулся, увидев обезображенный труп лейтенанта, распятый на искореженном штурвале, -- жалкое подобие того, что некогда было человеком. Из рубки их собственного каика доносились характерные икающие звуки. Капитан понял, что и Стивенс увидел это жуткое зрелище. В утробе тонущего судна раздался глухой взрыв топливных цистерн. Судно встало на ровный киль. Вот уже и планширь в воде, та шипит, заливая пламя. Несколько мгновений спустя каик уходит ко дну, его стройные мачты скрываются в круговороте пены и радужных пузырей воздуха. И вновь поверхность Эгейского моря стала гладкой и спокойной. Лишь обугленные доски да перевернутый шлем лениво покачивались на ней.

Мэллори заставил себя отвернуться. Осмотрел собственное судно и своих товарищей. Вскочив на ноги, точно зачарованные, Браун и Миллер смотрели туда, где был каик. Стивенс стоял у двери в рубку целый и невредимый. Но лицо его было мертвенно белым. Во время короткой стычки он вел себя молодцом, однако зрелище изувеченного лейтенанта доконало его. У Андреа рассечена щека, течет кровь. Грек с бесстрастным лицом смотрел на двух автоматчиков, лежавших у его ног. Мэллори с сочувствием поглядел на друга.

-- Мертвы? -- спросил он негромко. Андреа кивнул.

-- Да, -- угрюмо произнес он. -- Я перестарался. Мэллори отвернулся. Из всех, с кем ему доводилось встречаться, Андреа более чем кто-либо был вправе ненавидеть и убивать врагов. И он их убивал. Умело и беспощадно. От его целеустремленности и добросовестности становилось жутко. Но при этом он редко не испытывал угрызений совести; он осуждал себя, считая, что человек не смеет отнимать жизнь другого человека. Он был человеколюбив. Простой, прямодушный, Андреа был не в ладах со своей совестью. Но он был честен перед собой и мудр сердцем. Убивал он, движимый не мстью и не ненавистью, не во имя идеи национализма или иных "измов", придуманных себялюбцами, глупцами и мошенниками, дабы внушить воинственные чувства и оправдать убийство миллионов молодых и неопытных людей, не

сумевших понять весь ужас и бессмысленность военных действий. Андреа убивал врагов, чтобы могли жить люди достойные.

-- Кто ранен? -- с деланной жизнерадостностью спросил Мэллори. -- Никто? Превосходно. Надо убираться отсюда. И чем раньше, тем лучше. -- Он взглянул на часы. -- Почти четыре. Пора выходить на связь с Каиром. Оставьте на пару минут свой склад металлолома, главстаршина. Выясните, нельзя ли поймать Каир. -- Посмотрев на восток, окрашенный зловещим багрянцем, он покачал головой: -- Не худо бы и прогноз погоды узнать.

Сигнал был слабый (виной тому, по мнению Брауна, были помехи: сзади по курсу сгустились грозовые тучи, обложившие чуть ли не полнеба), но достаточно уверенный. Полученная информация была настолько неожиданной, что все замолчали. Сквозь треск помех послышался голос, то усиливающийся, то исчезающий:

-- Бедренец, я Ревень! Бедренец, я Ревень! -- То были, соответственно, позывные Каира и группы Мэллори. -- Перехожу на прием!

Браун отстукал "квитанцию". Динамик снова ожил:

-- Бедренец, я Ревень! Теперь "„Икс" минус один. Повторяю, „Икс" минус один". -- У Мэллори перехватило дыхание. „Икс" обозначал субботнее утро, день нападения немцев на Керос. Выходит, операция состоится на сутки раньше. В пятницу утром. Остается чуть больше трех суток.

-- Сообщение "„Икс" минус один" понял, -- спокойно произнес Мэллори.

-- Прогноз погоды для Восточной Англии, -- звучал бесстрастный голос. Это означало Северные Спорады. -- Сегодня вечером возможны сильные грозы и ливневые дожди. Видимость плохая. Температура понижается. В ближайшие сутки ожидается дальнейшее ее понижение. Ветер восточный до юго-восточного силой в шесть, местами в восемь баллов. Утром ослабнет до умеренного.

Поднырнув под нижнюю шкаторину наполненного ветром рейкового паруса, новозеландец медленно пошел на корму. Ну и дела! Осталось только трое суток, движок ни к черту... В довершение всего, нешуточный шторм надвигается. Он вспомнил, как бранили синоптиков летчики, но на этот раз служба погоды не ошиблась. Только слепой мог не увидеть этих огромных, похожих на грозные бастионы, туч, догонявших их судно.

-- Видно, предстоит хорошая взбучка, а? -- послышался сзади слегка гнусавый голос. В голосе этом звучала какая-то надежность и уверенность. Ту же уверенность внушали и блекло-голубые глаза, окруженные паутинкой морщин.

-- Да, похоже на то, -- согласился Мэллори.

-- А что это за штука, восемь баллов, шеф?

-- В баллах измеряется сила ветра, -- объяснил новозеландец. -- Если находишься в скорлупке, вроде нашей, и устал от жизни, при таком шторме у тебя никаких шансов выжить.

-- Я так и понял, -- мрачно кивнул Миллер. -- А ведь клялся, что нога моя больше не ступит ни на одну посудину, будь они все неладны. -- Помолчав, он со вздохом сел на крышку люка машинного отсека и ткнул большим пальцем в сторону ближайшего острова, до которого оставалось меньше трех миль. -- А там не безопаснее?

-- Да не очень-то. Правда, судя по карте, там есть Г-образная бухточка. В ней можно укрыться от ветра и волнения.

-- Остров обитаемый?

-- Вероятно.

-- Немцы на нем?

-- Вероятно.

Миллер невесело кивнул головой и спустился в дизельный отсек, чтобы помочь Брауну. Спустя сорок минут, уже в полумраке, заливаемом потоками холодного дождя, судно бросило якорь в бухте, стиснутой лесистыми берегами. Остров встретил их враждебно-- равнодушной тишиной.

Глава четвертая. ВЕЧЕРОМ В ПОНЕДЕЛЬНИК. 17.00--23.00

-- Великолепно! -- с горечью произнес Мэллори. -- Просто великолепно. "Милости прошу к нашему шалашу!", -- сказал паук, обращаясь к мухе. -- Охваченный тоской и отчаянием, капитан выругался. Отогнув край брезента, натянутого поверх носового люка, сквозь редующую завесу дождя он внимательно разглядывал утес, закрывавший каик со стороны моря. Видимость значительно улучшилась: ливень кончился, моросил мелкий дождь, а разорванные поднявшимся ветром свинцово-белые облака ушли к далекому горизонту, затянутому темными тучами. Далеко на западе образовалась полоса чистого неба, освещенная огненно-красным предзакатным солнцем. Из бухты его не было видно, но золотистые нити дождя, сверкавшие в вышине, свидетельствовали о его присутствии.

Эти же золотые лучи освещали и полуразрушенную сторожевую башню на вершине утеса, возвышавшегося на тридцать метров над протокой. Лучи отражались от поверхности белого парийского мрамора, придавая ему розоватый оттенок, сверкали на пулеметных стволах, которые выглядывали из узких амбразур, прорубленных в мощных стенах. Они высвечивали свастику на флаге, развевавшемся над парпетом. При всей своей ветхости цитадель была неприступной и господствовала над местностью, надежно защищая подходы с моря и со стороны извилистой реки. Возле берега ее, напротив утеса, и бросил якорь каик.

Мэллори нехотя отвернулся и аккуратно опустил брезент. С угрюмым видом посмотрел на Андреа и Стивенса, едва различимых в полумраке рубки.

-- Великолепно! -- повторил новозеландец. -- Гениальный стратег Мэллори. Из ста островов он нашел такой, на берегу которого находится укрепленный немецкий пост. Его-то я и выбрал. Давайте еще раз взглянем на эту карту, Стивенс. -- Протянув карту капитану, который стал изучать ее при тусклом свете, пробивавшемся под брезент, Энди откинулся назад и сделал глубокую затяжку. Во рту остался кислый затхлый привкус. Вновь возникло мерзкое чувство страха. Юноша неприязненно посмотрел на грузного Андреа, несколько минут назад заметившего немецкий пост. Наверняка на башне и орудия установлены, мрачно подумал молодой лейтенант. Иначе устье реки не защитить. Он вцепился рукой в ногу чуть выше колена, чтобы унять нервную дрожь. Хорошо, что в рубке темно.

-- Незачем разглядывать карту, сэр, -- спокойно произнес он. -- И ругаете себя напрасно. Другую защищенную якорную стоянку вы не скоро найдете. При таком ветре нам некуда было податься.

-- Пожалуй, ты прав. -- Сложив карту, Мэллори вернул ее лейтенанту. -- Любой на нашем месте поступил бы так же. Очевидно, бухта издавна служит укрытием. Немцам это, должно быть, известно давно. Мне следовало предвидеть, что здесь установлен пост. Но дело сделано, ничего не попишешь. -- Возвысив голос, он крикнул: -- Главстаршина!

-- Я здесь! -- послышался из машинного отсека голос Брауна.

-- Как дела?

-- Ничего. Начали собирать.

Мэллори кивнул, облегченно вздохнув.

-- Сколько еще провозитесь? Час?

-- Не больше того, сэр.

-- Час... -- Мэллори высунулся из люка, потом оглянулся на Стивенса и Андреа. -- Тогда все в порядке. Через час снимаемся с якоря. Будет достаточно темно, чтобы немцы не заметили, и достаточно светло, чтобы выбраться из этой чертовой протоки.

-- Вы считаете, сэр, они попытаются нас задержать? -- чересчур непринужденно спросил Стивене. Но понял, что Мэллори заметил это.

-- Вряд ли они выстроятся в шеренгу и на прощание крикнут

"ура", -- сухо заметил Мэллори. -- Как, по-- твоему, Андреа, сколько там немцев?

-- Ходили двое, -- подумав, ответил Андреа. -- А всего их, пожалуй, трое или четверо, капитан. Пост маленький. Немцы вряд ли пошлют сюда много солдат.

-- Пожалуй, ты прав, -- согласился капитан. -- Большинство в деревне, в семи милях к западу отсюда, если судить по карте. Не думаю, что... -- осекшись на полуслове, он прислушался.

Окрик повторился, на этот раз громче и требовательнее.

Ругая себя за то, что не поставил часового -- на Крите такая халатность стоила бы ему жизни, -- Мэллори откинул брезент и неторопливо выбрался на палубу. Оружия он не взял, но прихватил с собой наполовину опустошенную бутылку мозельвейна, которым их предусмотрительно снабдили.

Шатаясь, точно пьяный, он ухватился за штаг, чтобы не упасть за борт, и с вызовом посмотрел на немца, стоявшего на берегу в каком-то десятке метров от него. На ремне через плечо у того висел автомат. Не ответив, Мэллори наклонил бутылку и сделал несколько глотков.

Худошавое загорелое лицо молодого немца стало сердитым. Не обращая на него никакого внимания, рваным рукавом Мэллори вытер рот и смерил немца презрительным взглядом..

-- В чем дело? -- вызывающе проговорил он, растягивая слоги, как коренной островитянин. -- Какого хрена тебе надо?

Заметив, как побелели пальцы, сжимавшие автомат, Мэллори решил, что перегнул палку. За себя он не опасался. Стук в машинном отсеке стих, видно, в руках у Дасты Миллера его пистолет с глушителем. Но лезть на рожон нельзя. Во всяком случае, сейчас. Ведь на сторожевой башне по крайней мере два крупнокалиберных "шпандау".

Солдат взял себя в руки. Капитан заметил, что с лица автоматчика исчезла краска гнева, взамен появилась какая-то растерянность. На это-то и рассчитывал Мэллори. Солдат решил, что у пьяницы-грека есть покровители, иначе он не стал бы говорить с ним таким тоном.

-- Что за судно? -- спросил солдат по-гречески, хотя и с запинкой. -- Куда курс держите?

Мэллори снова наклонил бутылку и шумно зачмокал. Оторвавшись от бутылки, уважительно посмотрел на нее.

-- Что мне в вас, немцах, нравится, -- доверительно и громко проговорил он, -- так это то, как вы делаете вино. Бьюсь об заклад, тебе такое пить редко доводится, разве не так? А дрянь, которую изготавливают наверху, то бишь, на материке, годна разве очаг растапливать, столько в ней смолы. -- Помолчав, Мэллори продолжал: -- Конечно, если знаешь, к кому обратиться на островах, то тебе достанут озо. Ну а мы можем достать не только озо, но и хок да и мозельские вина.

Автоматчик брезгливо поморщился. Как большинство фронтовиков, он презирал квислингов, хотя те и помогали немцам. Правда, в Греции таких нашлось немного.

-- Я вас спрашиваю, -- холодно проговорил солдат, -- как называется судно и куда оно направляется?

-- Каик "Ангиом". Идем в балласте на Самос, -- надменно ответил Мэллори и добавил многозначительно: -- Согласно приказу.

-- Чьему приказу? -- спросил солдат, на которого слова эти произвели впечатление.

-- Герра коменданта Вати, генерала Гребеля, -- доверительно сказал Мэллори. -- Вы ведь знаете, кто такой герр генерал Гребель? -- Мэллори понял, что попал в точку. Молва о генерале Гребеле, командовавшем воздушно-десантной дивизией, поборнике железной дисциплины, распространилась далеко за пределы Архипелага.

При этих словах солдат побледнел, но продолжал упорствовать:

-- Документы есть? Вздохнув, Мэллори оглянулся через плечо:

-- Андреа!

-- Чего тебе? -- высунулся из люка плечистый грек,

слышавший весь разговор. Как и у Мэллори, в руке у него была откупоренная бутылка вина. Недовольно скривившись, Андреа сказал: -- Не видишь, я занят. -- Увидев солдата, он замолчал, потом сердито спросил: -- Какого хрена надо этому заморышу?

-- Документы и пропуска, которые выдал нам герр генерал. Они в каюте.

Андреа, ворча, спустился вниз. Заведя на берег конец, преодолевая течение, они подтянули корму и протянули солдату бумаги. Предъявленные документы отличались от тех, какие, в случае нужды, они предъявят на острове Навароне. Качество их было отменное. И бумаги, и факсимиле подписи генерала Гребеля были мастерски изготовлены в конторе Дженсена.

Сложив бумаги, солдат буркнул что-то вроде "спасибо". Совсем мальчишка, не больше девятнадцати. Славное, открытое лицо, очень худенький. Не то что громилы из "Панцер-СС", подумал с облегчением Мэллори. Такого пацана не хотелось бы убивать. Но выведать все, что можно, не мешает. Он кивнул Стивенсу, чтобы тот передал ему ящик с мозельвейном. Молодец Дженсен, ничего не упустил из виду... Ткнув пальцем в сторону сторожевой башни, капитан спросил:

-- Сколько вас там?

Солдат сразу насторожился.

-- Зачем вам это надо знать? -- спросил он враждебно.

-- Ну, что за люди? -- всплеснул руками Мэллори. -- Никому не верят. Думают, кругом одни враги... -- Капитан умолк, потом стал продолжать: -- Неохота, чтоб всякий раз повторялась одна и та же история, -- объяснил он. -- Через пару деньков мы снова пойдем на Самос. А у нас есть лишний ящик мозельвейна. Генерал Гребель хорошо снабжает своих... своих помощников... Вас, верно, там припекает на солнце-то. На, по бутылке на нос. Сколько всего надо?

Упоминание о том, что греки еще вернутся, имя грозного генерала, мысль о том, что скажут товарищи, узнав, что он отказался от столь заманчивого предложения, перевесили чашу весов. Забыв о принципиальности и бдительности, солдат нехотя ответил:

-- Нас всего трое.

-- Получай свои три бутылки! -- весело воскликнул Мэллори. -- Следующий раз хок привезу. -- Запрокинув недопитую бутылку, он произнес: -- Prosit! -- И, гордый тем, что умеет изъясняться по-немецки, прибавил: -- Aufwiedersehen! [Ваше здоровье! До свидания! (нем.)]

Солдат что-то пробормотал. Постояв в нерешительности, смущенно поглядел на бутылки, круто повернулся и неторопливо пошел вдоль берега.

-- Их всего трое, -- задумчиво проговорил новозеландец. -- Это меняет дело...

-- Поздравляю, сэр! -- перебил его Стивенс. В голосе его звучало восхищение. -- Отличное представление!

-- Отличное представление! -- передразнил его, высунувшись из машинного люка, Миллер. -- Я ни хрена не понял, но это было потрясно, шеф! Будь моя воля, я б вам "Оскара" присудил!

-- Благодарю, но, думаю, поздравления преждевременны, -- пробормотал Мэллори и с озабоченным видом ткнул указательным пальцем в сторону.

Молодой немец метрах в двухстах остановился и свернул в лес. Оттуда вышел еще один солдат. Он что-то говорил, с сердитым видом показывая в сторону судна. Минуту спустя оба исчезли в тени деревьев.

-- Началось! -- негромко произнес Мэллори и отвернулся. -- Хватит глазеть. Возвращайтесь на свои места. Им покажется подозрительным, если мы не обратим внимания на эту перебранку. Но еще хуже, если будем обсуждать ее у них на виду.

Миллер с Брауном спустились в машинный отсек, Стивенс прошел в носовую каюту. Мэллори с Андреа остались на палубе, у каждого в руке бутылка.

Дождь перестал, но усилившийся ветер гнул вершины самых высоких сосен. Однако пока утес надежно защищал каик. Не хотелось думать, каково сейчас в открытом море, но уходить

придется. Если "шпандау" не помешают.

-- Как думаете, что случилось, сэр? -- донесся из полумрака голос Стивенса.

-- Разве не ясно? -- громко ответил Мэллори. -- Немцев предупредили. Каким образом, не знаю. Это уже второй случай. Дальше будет хуже. Ведь до сих пор нет известий с катера, который послали осмотреть наш каик. На мачте у него была антенна, помните?

-- А с чего это они вдруг всполошились? -- спросил Миллер. -- Я этого никак не возьму в толк.

-- Очевидно, пост имеет связь со штабом. По радио. Или телефонную. Приказано держать ухо востро.

-- Может, ихний штаб выслал против нас небольшую армию? -- невесело пошутил Миллер. Подумав, Мэллори решительно помотал головой.

-- Ни в коем случае, -- уверенно сказал он. -- Сюда семь миль напрямик, а через горы и лесные тропы и все десять. Да еще в такой темноте. Они не настолько глупы, -- рукой, в которой он держал бутылку, он указал в сторону башни. -- Сегодня для них будет трудная ночь.

-- Выходит, по нас в любую минуту могут открыть пулеметный огонь? -- донесся голос Стивенса, снова звучавший ненатурально спокойно.

-- Не откроют. Я в этом уверен, -- вновь покачал головой Мэллори. -- Даже если они подозревают нас, даже если они уверены, что мы-то и есть те самые серые страшные волки, они будут до глубины души потрясены, узнав от мальчишки, что у нас есть документы и пропуска, подписанные самим Гребелем. Им известно, с генералом шутки плохи, и к стенке может поставить. В общем, вы поняли, о чем я. Поэтому эти парни свяжутся со штабом. Комендант такого маленького острова не посмеет задержать людей, которые могут оказаться агентами самого герра генерала. Как он в таком случае поступит? Пошлет шифровку в Вати, что на Самосе, и будет кусать ногти в ожидании ответа. Генерал сообщит, что в глаза нас не видел, и спросит, почему нас не расстреляли к чертовой матери. -- Взглянув на светящийся циферблат, Мэллори добавил: -- У нас в распоряжении по крайней мере полчаса.

-- А нам что делать? Доставать бумагу и писать завещание? -- покосился на него Миллер. -- Так не пойдет, шеф. Надо что-то предпринять.

-- Не беспокойтесь, капрал, -- улыбнулся Мэллори. -- Что-нибудь предпримем. Затеем пикничок на палубе.

В вечерней тишине затихли последние слова "Лили Марлен", которую горланили пятеро. Это был изуродованный при переводе на новогреческий вариант, уже третья их песня. Орала во всю глотку, чтобы обрывки песен услышали часовые на башне, откуда дул ветер. Притоптывали ногами и размахивали бутылками они вполне убедительно. Только слепой и глухой не поймет этого.

Мэллори мысленно улыбнулся, представив себе полную растерянность немцев, сидящих на башне. Так не ведут себя вражеские лазутчики. Особенно те, кто знает, что их вот-вот накроют.

Поднеся ко рту бутылку, Мэллори делал вид, что пьет, потом поставил ее на палубу и медленным взглядом обвел сидевших на корточках Миллера, Брауна, Стивенса. Андреа с ними не было. Мэллори знал, что Андреа сидит, согнувшись в три погибели в рулевой рубке с мешком из прорезиненной ткани за плечами, в нем гранаты и револьвер.

-- Начали, -- решительно произнес Мэллори. -- Теперь и у тебя есть возможность отличиться. Надо вжиться в роль. -- С этими словами он, набычась, ткнул Миллера в грудь и заорал.

Миллер ткнул того в ответ. С минуту оба сидели, отчаянно жестикулируя и осыпая друг друга бранью, подумал бы всякий со стороны. В следующее мгновение Миллер поднялся на ноги,

покачиваясь, как пьяный, и занес над капитаном кулак. Новозеландец вскочил, и оба принялись инсценировать потасовку. Янки нанесли боковой удар, Мэллори грохнулся о рулевую рубку.

-- Пора, Андреа, -- не оглядываясь, произнес он негромко. -- Осталось пять секунд, удачи тебе. -- Вскочив, капитан схватил бутылку и с размаху опустил ее, целясь в Миллера. Капрал увернулся и что есть силы пнул новозеландца. Тот завопил от боли, ударившись голенью о планширь, постоял мгновение, отчаянно размахивая руками, словно хватаясь за воздух, и бултыхнулся в реку. С полминуты продолжалась суматоха, слышен был шум и гам. За это время Андреа надо было доплыть под водой до излучины реки. Мэллори бил ногами по воде, пытаясь забраться на борт. Схватив отпорный крюк, Миллер норовил огреть капитана по голове, его товарищи, вцепившись в капрала, повалили его на палубу и помогли Мэллори выбраться из воды. А уже в следующее мгновение, как ведется исстари, оба недавних противника сидели, обнявшись, на крышке люка и распивали только что откупоренную бутылку.

-- Превосходно, -- с одобрением отозвался Мэллори. -- Капрал Миллер заработал своего "Оскара".

Американец промолчал, угрюмо разглядывая бутылку в своей руке.

-- Не по душе мне это, шеф, -- проговорил он, наконец, с несчастным видом. -- Надо было отпустить меня с Андреа. Он один против трех. А фрицы на чеку. -- Укоризненно посмотрев на Мэллори, янки добавил: -- Вы ж сами говорили, что операция чертовски важная!

-- Так оно и есть, -- согласился новозеландец. -- Потому-то я и не послал с ним ни вас, никого другого. Мы бы ему только помешали. Ты еще не знаешь Андреа, Даста. -- Эта неожиданная дружеская фамильярность капитана обрадовала американца. -- Никто из вас его не знает. А я знаю. -- Показав на четкие очертания сторожевой башни на фоне вечернего неба, Мэллори продолжал: -- На первый взгляд это веселый, добродушный толстяк. -- Помолчав, капитан заговорил вновь. -- Он уже карабкается по склону, словно кошка. Самая крупная и опасная кошка из всех, каких вам доводилось видеть. Если немцы не окажут сопротивления, он их не тронет. Он никого не станет убивать напрасно. И все равно у меня такое чувство, словно я приговорил этих троих несчастных к электрическому стулу и сейчас включу рубильник.

-- И давно вы его знаете, шеф? -- спросил потрясенный Миллер.

-- Давно. Андреа служил в регулярной армии, участвовал в албанской войне. Совершал вылазки со своим отрядом, наводя ужас на итальянских солдат из дивизии "Тосканские волки". Я слышал много рассказов о его подвигах -- не от самого Андреа. Хотя рассказы эти невероятны, они правдивы. Мы с ним познакомились позднее, когда пытались удержать Сервийский перевал. Тогда я был всего-навсего связным офицером при штабе бригады, скомплектованной из новозеландцев и австралийцев. Что же касается Андреа... -- Для пущего эффекта Мэллори сделал паузу. -- Андреа был подполковником девятнадцатой моторизованной дивизии греческой армии.

-- Кем? -- удивленно спросил Даста Миллер. Стивенс и Браун недоверчиво посмотрели на капитана.

-- Подполковником. Обошел меня по служебной лестнице. -- Испытующе посмотрев на товарищей, Мэллори улыбнулся. -- Теперь Андреа предстает в ином свете, не так ли?

Подчиненные его молча кивнули. Вот-то на! Добродушный простак Андреа, оказывается, важный чин. Теперь многое стало понятным в Андреа -- и его спокойствие, его твердость и решительность в поступках и прежде всего полнейшее к нему доверие со стороны Мэллори, когда приходилось с ним советоваться. Миллер вспомнил, что капитан ни разу не отдавал греку приказаний, а ведь, когда нужно применить власть, новозеландец делал это.

-- После сражения на перевале вся жизнь у Андреа пошла наперекосяк. Андреа узнал, что Триккалу, провинциальный

городок, где жили его жена и трое дочерей, "юнkersы" и "хейнкели" сровняли с землей. Он приехал домой, но выяснилось, что бомба замедленного действия угодила в садик перед самыми окнами, на оставив от дома камня на камне.

Закурив сигарету, сквозь клубы табачного дыма взглянул на очертания башни. Помолчав, заговорил вновь.

-- Единственно, кого он встретил, это свояка Грегориоса. От Грегориоса он узнал о зверствах болгар во Фракии и Македонии. Там жили его родители. Они оба переоделись в немецкую форму -- догадываетесь, как он ее раздобыл, -- захватили немецкий грузовик и поехали в Протосами. -- Сигарета в руке Мэллори внезапно сломалась, и он щелчком выбросил ее за борт. Жест этот удивил Миллера: суровому новозеландцу чуждо было проявление чувств. Но в следующую минуту Мэллори спокойно продолжал: -- Они приехали к концу дня печально знаменитой протосамской резни. Грегориос рассказывал мне, как переодетый в немецкую форму Андреа с улыбкой наблюдал, как девять или десять болгарских солдат сталкивали греков в реку, связав их попарно. Первыми сбросили его отца и мачеху. Оба были уже мертвы.

-- Господи Боже! -- воскликнул Миллер, утратив свое обычное спокойствие. -- Такого не может быть!

-- Ты ничего еще не знаешь, -- оборвал его Мэллори. -- Сотни греков в Македонии погибли таким образом. Большей частью их топили живьем. Тот, кто не представляет себе, как греки ненавидят болгар, не ведает, что такое ненависть... Распив с солдатами пару бутылок вина, Андреа узнал, что именно они днем убили его родителей; те вздумали оказать сопротивление. С наступлением сумерек он пробрался в железный ангар, где солдаты разместились на ночлег. Кроме ножа, у Андреа ничего не было. Оставленному у дверей часовому он свернул шею. Проникнув внутрь, запер дверь и разбил керосиновую лампу. Грегориос не знает, что там произошло, но спустя несколько минут Андреа вышел из сарая в крови с головы до ног. Никто и пикнуть не успел.

Мэллори снова замолчал. Слушатели не проронили ни слова. Ежась словно от холода, плотнее запахнулся в потертую куртку Стивенс. Закурив еще одну сигарету, капитан кивнул в сторону сторожевой башни.

-- Теперь понятно, почему мы бы ему только мешали?

-- Пожалуй, что так, -- согласился янки. -- Неужто такое бывает? Не мог же он всех порешить, шеф!

-- Всех, -- оборвал его Мэллори. -- Потом сколотил отряд. Тот превратил в сущий ад жизнь болгарским гарнизонам во Фракии. Одно время в Родопских горах его отряд преследовала целая дивизия. В конце концов его предали. Андреа, Грегориоса и еще четверых отправили в Ставрос, чтобы оттуда доставить их в Салоники и предать суду. Ночью они разоружили охрану и взяли курс на Турцию. Турки решили их интернировать, но не тут-то было! В конце концов Андреа добрался до Палестины и там попытался вступить в греческий десантно-диверсионный батальон, формировавшийся из ветеранов албанской войны. -- Мэллори невесело усмехнулся. -- Его арестовали как дезертира. Впоследствии Андреа освободили, однако во вновь созданную греческую армию не взяли. Но в конторе Дженсена знали, что Андреа сущая для них находка... И нас вместе отправили на Крит.

Минут пять, а то и все десять стояла тишина, не нарушаемая никем. Лишь изредка друзья для виду прикладывались к бутылке. Правда, силуэты их были едва различимы издали. Каик стало покачивать. С обеих сторон ввысь к уже усыпанному звездами небу устремились темные, похожие на кипарисы, сосны. В вершинах их тоскливо завывал ветер, вселяя в сердца зловещие предчувствия. В такую ночь в душе человека просыпаются вековые страхи, и ему мнится, что он стоит на краю могилы.

Из оцепенения их вывел веселый возглас Андреа, донесшийся с берега. Все вскочили на ноги. Не дожидаясь, когда подтянут корму, Андреа кинулся в воду и, сделав несколько мощных гребков, легко поднялся на борт судна. Встряхнувшись, словно большой лохматый пес, он протянул руку к бутылке.

-- Вопросы, думаю, излишни? -- улыбнулся Мэллори.

-- Совершенно верно. Проблем никаких не было. Эти мальчишки меня даже не заметили. -- Сделав еще один глоток, Андреа широко улыбнулся. -- Я и пальцем их не тронул. Может, пару подзатыльников дал. Они смотрели с парাপета вниз, я отобрал у них винтовки и запер в подвале. Потом чуть погнул стволы пулеметов.

"Вот и конец, -- устало подумал Мэллори. -- Конец всему -- устремлениям, надеждам, страхам, любви и веселью для каждого из нас. Вот чем все завершилось. Это конец для нас, для тысячи ребят на острове Керос". Он вытер губы: с гребней волн срывались соленые брызги. Прикрыв ладонью налитые кровью глаза, тщетно вглядывался в ночную тьму. На смену усталости пришло отчаяние. Пропало все. Все, кроме пушек крепости Наварено. Их не уничтожить, будь они прокляты! Господи, столько усилий, и все понапрасну! Под ударами волн и порывами ветра суденышко разваливалось на части. Кормовая палуба то и дело погружалась в кипящий котел, а нос то взлетал ввысь настолько, что обнажался участок киля, то с силой падал в ложбины между крутыми валами, так что ветхий каик трещал по всем швам.

Дела были плохи уже тогда, когда с наступлением темноты каик вышел из своего укрытия и лег на норд, держа курс на остров Навароне. Волнение шло от зюйд--оста, со стороны правой раковины, и управлять каиком было нелегко: нос рыскал градусов на пятьдесят. Но тогда обшивка была цела, судно шло с попутной волной, ветер устойчиво дул с зюйд--тень--оста. Теперь все стало иначе. От форштевня отошло с полдюжины досок, через сальник гребного вала внутрь корпуса поступала вода, которую экипаж не успевал откачивать с помощью допотопной ручной помпы. Волны стали крупнее, обрушивались с кормы уже с другого борта, ветер завывал с удвоенной силой, то и дело меняя направление с зюйд--вестового на зюйд--остовое. Дуя в эту минуту с зюйда, он нес неуправляемое суденышко на невидимые в кромешной тьме скалы острова Навароне.

Мэллори выпрямился, растирая онемевшие мышцы на шее: он уже два с лишним часа то наклонялся, то выпрямлялся, принимая ведра от Дасти Миллера, который вычерпывал воду из трюма. Янки доставалось: у него работа была тяжелее, к тому же он страдал морской болезнью. На него жутко было смотреть, но немислимым усилием воли он заставлял себя продолжать свой каторжный труд.

-- Ну и характер у этого янки! -- восхищенно проговорил Мэллори, тотчас же осознав неточность этого определения.

Тяжело дыша, капитан оглянулся назад. Разумеется, Кейси Браун сидел, согнувшись в три погибели, в тесном дизельном отсеке, наполненном ядовитыми газами, которые пробивались через прохудившиеся прокладки. Несмотря на головную боль -- в отсеке не было вентиляции, -- Кейси Браун ни разу не вышел оттуда, продолжая обслуживать выдерживавший такую нагрузку ветхий дизель со старательностью влюбленного в механизмы мастерового. Стоило дизелю чихнуть, остановиться на мгновение, и судну, а с ним и его экипажу был бы конец. Каик развернуло бы лагом к волне и опрокинуло.

Опершись о стойку изувеченной рулевой рубки, безостановочно, не поднимая головы, Андреа откачивал помпой воду. Он не замечал ни свирепой качки, ни ветра, ни холодных брызг, промочивших насквозь рубаху, прилипшую к могучим плечам и согнутой спине. С постоянством метронома руки его то поднимались, то опускались вновь. В этой позе он стоял почти три часа и, кажется, готов был работать так вечно. Грек сменил Мэллори, который за двадцать минут выбился из сил, дивясь беспредельной выносливости Андреа.

Поразил его и Стивенс. Четыре долгих часа Энди из всех сил старался удержать норовивший вырваться из рук штурвал. Мастерство юноши, сумевшего справиться с неуклюжим суденышком, восхищало Мэллори. Он внимательно смотрел на молодого лейтенанта, но брызги хлестали по глазам, наполняя их слезами.

Единственное, что он мог заметить, это плотно сжатый рот, запавшие глаза и окровавленную маску вместо лица. Огромный вал, вдавивший внутрь обшивку рулевой рубки, разбил в ней стекла. Особенно глубокой была рана над правым виском; из нее капала кровь, смешивавшаяся с водой, которая плескалась на палубе рубки.

Мэллори отвернулся, расстроенный этим зрелищем, и наклонился, чтобы взять очередное ведро. Вот это экипаж, вот это молодцы! Нет слов, чтобы воздать им должное.

Господи, какая несправедливость! Почему они должны так бесцельно, так бесславно погибнуть? Но разве нельзя погибнуть за святое дело, за идеалы? Чего хотели достичь мученики, поднимаясь на костер? Если ты прожил жизнь достойно, разве важно, как ты умрешь? Но тут пришли на ум слова Дженсена о пешках в шахматных партиях, разыгрываемых верховным командованием. Вот они и оказались в роли тех самых пешек, теперь их черед сыграть в новый ящик. И никому до них никакого нет дела. Таких, как они, в запасе у стратегов тысячи.

И лишь сейчас Мэллори подумал о себе. Не с обидой или жалостью к себе. Подумал о том, что ответственность за создавшееся положение лежит на нем и ни на ком другом. Это он заманил ребят сюда. В душе сознавая, что у него не было иного выхода, что, останься они в устье реки, их бы стерли в порошок еще до восхода солнца, капитан все же бранил себя. Лишь Шеклтон, Эрнест Шеклтон мог бы их сейчас спасти. Но не он, Кейт Мэллори. Оставалось одно -- ждать конца. Но ведь он командир. Он должен найти какой-то выход, что-то предпринять... Но предпринять что-либо невозможно. Никто на всем белом свете не мог бы им помочь. Чувство вины, полной беспомощности росло в нем с каждым новым ударом волн.

Выронив из рук ведро, капитан уцепился за мачту: через палубу прокатился едва не смывший его за борт вал, который оставил светящийся пенный след. Не обращая внимания на воду, поднявшуюся чуть ли не до колен, новозеландец вглядывался в темноту. Если бы не темнота! Старая посуда качалась с борта на борт и с носа на корму, то поднимаясь, то устремляясь вниз. Но все это происходило словно и не с ними. Что-либо разглядеть было невозможно: ни в какую сторону уходят, ни откуда появляются волны. Невидимое море представляло двойную опасность.

Мэллори наклонился над трюмом. Янки наглотался соленой воды, и его рвало кровью. Но новозеландцу было не до него: все мысли его были заняты иным. Он силился понять, что же произошло. А понять это было чрезвычайно важно. Еще один вал, на сей раз еще крупней, перехлестнул через борт, и тут Мэллори осенило: ветер! Ветер стихал с каждой секундой. Держась за мачту, чтобы устоять под напором водяной стены, Мэллори вспомнил, как, стоя у подножия утеса, он не раз оказывался в зоне безветрия. Вот в чем дело. Они в полосе прибой! Судно несет на скалы! Скалы острова Навароне! Забыв о собственной безопасности, офицер бросился на корму.

-- Полный назад! -- закричал он, наклонясь к люку дизельного отсека, в котором белело встревоженное лицо механика. -- Бога ради, старик, давай полный назад! Нас несет на скалы!

В два прыжка Мэллори добрался до рулевой рубки, шаря по стенке в поисках ракетницы.

-- Скалы, Стивене! Нас вот-вот выбросит на скалы! Андреа и Миллер все еще в трюме?

Лейтенант едва заметно кивнул, неотрывно глядя вперед. Мэллори проследил за его взглядом и увидел вдали белую светящуюся полосу. Это ударились о невидимый берег волны наката. Суется, капитан вскинул ракетницу.

Решив, что сигнальная ракета улетела в сторону, в бессильной ярости он сжал кулаки. Но ракета, отскочив от утеса, скатилась на уступ метрах в трех от уровня моря и, дымя, горела неровным светом в потоках дождя и брызг.

При неярком свете ракеты, выхватившей из тьмы участок радиусом метров в пять, Мэллори все же смог разглядеть мокрые

черные скалы всего в полустах метрах. А метрах в двадцати или пятнадцати шла гряда острых и обломанных рифов.

-- Сумеешь пробиться? -- закричал он, обращаясь к Стивенсу.

-- Бог его знает! Попробую! -- крикнул в ответ лейтенант, добавив что-то насчет плохой управляемости судна на малом ходу, но Мэллори был уже на полпути к носовому трюму. Мозг его работал отчетливо. Схватив крючья, молоток и веревку со стальным сердечником, спустя секунду капитан вновь появился на палубе. Справа по носу возник риф высотой с рулевую рубку. От удара, продавившего планширь, Мэллори упал на колени. Каик накренился на левый борт, и рифы остались позади. Стивенс круто переложил руль, крича истошным голосом Брауну, чтобы тот дал полный ход назад.

Мэллори облегченно вздохнул. Он продел голову и левую руку в бухту троса и засунул за пояс крючья и молоток. Утес приближался с угрожающей быстротой. Вместо кранцев Андреа подвесил к борту старые автомобильные покрышки.

-- За выступ хочешь зацепиться? -- спросил он, широко улыбаясь, и положил на плечо Мэллори надежную руку.

Новозеландец, кивнув, согнул, пружиня, ноги в коленях.

-- Прыгай и выпрями ноги! -- прогудел грек. В этот момент волной каик подбросило и наклонило в сторону утеса. Оттолкнувшись от палубы, Мэллори взмыл птицей ввысь и уцепился пальцами за край уступа. Несколько мгновений он висел на вытянутых руках. Слышал, как треснула, сломавшись пополам, мачта. Невидимая сила подбросила Мэллори вверх, и он повис, зацепившись пряжкой ремня за край утеса. Стоило ему пошевелинуться, и он бы сорвался вниз. Но не зря Кейта Мэллори звали величайшим альпинистом своего времени. На гладкой поверхности утеса он нащупал трещину шириной не больше спички. С величайшими предосторожностями достал из-за пояса два крюка, молоток и вбил сперва один, затем другой крюк. Спустя четверть минуты Мэллори стоял на скользком карнизе.

На высоте около метра новозеландец забил в поверхность утеса еще один крюк, завязал на нем выбленочный узел, поднял на уступ бухту троса и лишь после этого оглянулся и посмотрел вниз.

Каждые семь-восемь секунд очередная волна подхватывала каик и швыряла его об утес. Кранцы не помогут. Скоро от судна останутся одни щепки. Возле разбитой рулевой рубки стояли три человека. Брауна не было, но движок работал, гул его то усиливался, то ослабевал, потом снова усиливался через неравные промежутки времени. Находясь у себя в дизельном отсеке, Кейси включал то передний ход, то задний, стараясь, по возможности, удерживать каик на одном месте. Браун понимал, что жизнь их всех в руках Мэллори и в его собственных.

-- Идиот! -- выругался Мэллори. -- Идиот несчастный!

Каик отбросило, затем ударило об утес, да так, что рулевую рубку сплющило. Потеряв опору, Стивенс пролетел, словно пущенный катапультой снаряд, и ударился о скалу. Он зацепился за нее пальцами, но, не в силах удержаться, рухнул в море. Юноша должен был утонуть или погибнуть, расплюснутый бортом судна, но в следующее мгновение чья-то могучая рука подхватила его и вытащила на палубу, словно мокрого щенка.

-- Живей! -- кричал Мэллори. -- Через минуту судно пойдет ко дну. Хватайтесь за трос!

Андреа и Миллер что-то сказали друг другу. Подняв Стивенса на ноги, Андреа сунул ему в руки конец троса и подтолкнул юношу снизу. Мэллори протянул лейтенанту руку, и секунду спустя тот сидел, прижавшись спиной к скале.

-- Теперь твой черед, Миллер! -- крикнул капитан. -- Скорей, старина!..

Вместо того чтобы схватиться за трос, янки кинулся в каюту.

-- Минуту, шеф! -- усмехнулся он. -- Зубную щетку забыл.

Несколько секунд спустя капрал появился, но без зубной щетки. Зато в руках у него был большой ящик с взрывчаткой. Прежде чем Мэллори успел сообразить, что произошло, ящик

оказался в воздухе. Наклонясь, Мэллори схватил груз, но потерял равновесие и едва не упал. Стивенс, который одной рукой держался за крюк, поймал новозеландца за пояс. Юноша дрожал от холода и волнения, но, очутясь, как и Мэллори, в своей стихии, снова обрел себя.

Подхватив рацию, упакованную в водонепроницаемую ткань, Мэллори наклонился.

-- Оставьте это барахло к чертовой матери! -- кричал он словно взбесясь. -- Сами выбирайтесь, живо!

На уступе рядом с Мэллори появились два мотка веревки, рюкзак с продовольствием и одеждой. Стивенс пытался сложить груз поаккуратнее.

-- Слышите? -- грохотал капитан. -- Живо поднимайтесь сюда! Я вам приказываю. Судно тонет, болваны безмозглые!

Каик действительно тонул. Он сильно осел, центр тяжести опустился, и палуба его стала устойчивее. Миллер приставил ладонь к уху. При свете догорающей ракеты лицо его казалось зеленовато-бледным.

-- Ничего не слышу, шеф. Да и вовсе не тонет оно. -- С этими словами американец вновь исчез в носовой каюте.

Спустя полминуты на карнизе оказался и остальной груз. Корма каика погрузилась, вода устремилась в дизельный отсек. Кейси Браун полез по веревке, следом за ним Миллер. Андреа вцепился в веревку последним. Ноги его болтались в воздухе. Судно исчезло в волнах.

Ширина карниза не превышала девяноста сантиметров. Хуже того, в том месте, где Стивенс сложил их поклажу, уступ, и без того предательски скользкий, имел наклон. Прижавшись спиной к скале, чтобы не повторять равновесие, Андреа и Миллер вынуждены были упираться каблуками в карниз. Но не прошло и двух минут, как Мэллори вбил в полуметре от карниза на расстоянии трех метров друг от друга два крюка и связал их веревкой, за которую можно было теперь держаться.

Тяжело опустившись наземь, Миллер достал из нагрудного кармана пачку сигарет и протянул товарищам, не замечая ни дождя, льющего как из ведра, ни брызг волн, взлетающих ввысь. Он продрог, колени были в синяках, острый край карниза врезался в икры, туго натянутая веревка давила на грудь, лицо землистого цвета от усталости и морской болезни, но Миллер с искренней радостью произнес: -- Господи! До чего же хорошо!

Глава пятая. В ПОНЕДЕЛЬНИК НОЧЬЮ. 01.00--02.00

Полтора часа спустя, втиснувшись в расщелину, которую он обнаружил в отвесной стене утеса, Мэллори вбил крюк и, встав на него, попытался дать своему измученному телу передышку. Всего на две минуты, пока поднимается Андреа. Сквозь свирепый вой ветра, норовившего столкнуть его вниз, новозеландец слышал скрежет окованных железом башмаков: Андреа тщетно пытался преодолеть карниз, на который он и сам-то забрался с огромным трудом, ободрав руки в кровь. Натруженные мышцы болели. Мэллори тяжело, надсадно дышал. Забыв о собственных страданиях, о том, что следует собраться с силами, он прислушался. Опять, на сей раз громче, царапнул о камень металл. Звук этот не мог заглушить даже пронзительный вой ветра. Надо предупредить Андреа: пусть будет предельно осторожен. До вершины каких-то шесть метров.

Самому ему, криво усмехнулся Мэллори, никто не скажет, чтобы он не шумел: на исцарапанных в кровь, избитых ногах остались лишь рваные носки. Ботинки только мешали, и он их сбросил вниз.

В такой темноте, под дождем с ветром восхождение было сплошным кошмаром. Страдания, которые они испытывали, в то же время как-то притупляли чувство страха при подъеме по отвесной

скале. Пришлось подниматься, цепляясь за неровности утеса кончиками пальцев рук и ног, забить сотни крючьев, всякий раз привязывая к ним страховочную веревку, дюйм за дюймом поднимаясь вверх в неизвестность. Такого восхождения ему никогда еще не приходилось совершать, он даже не подозревал, что способен на такое. Ни мысль о том, что он, пожалуй, единственный человек во всей Южной Европе, который сумел покорить эту скалу, ни сознание того, что для ребят на Керосе истекает их срок, -- ничто теперь не заботило новозеландца. Последние двадцать минут восхождения истощили все его физические и душевные силы. Мэллори действовал, как заведенный механизм.

Без усилия перехватывая веревку своими мощными руками, Андреа повис над гладким козырьком выступа. Ноги его болтались в воздухе без всякой опоры. Увешанный тяжелыми мотками веревок, с крючьями, торчащими во все стороны из-за пояса, он походил на опереточного корсиканского бандита. Легко подтянувшись, грек оказался рядом с Мэллори. Втиснувшись в расщелину, вытер мокрый лоб и широко улыбнулся.

Мэллори улыбнулся ему в ответ. На месте Андрей должен был находиться Стивенс, но тот еще не успел оправиться от шока и потерял много крови. Чтобы замыкать цепочку, сматывать веревки и вынимать крючья с целью замести все следы, нужен первоклассный альпинист, внушил лейтенанту Мэллори. Тот неохотно согласился, но по лицу его было видно, что юноша уязвлен. Мэллори был рад, что не поддался чувству жалости: несомненно, Стивенс первоклассный альпинист, но здесь нужен был не альпинист, а человек-лестница. Не раз во время подъема он вставал то на спину Андреа, то на плечи, то на поднятые ладони, а однажды с десятков секунд -- на ногах его были окованные железом башмаки -- встал на голову грека. Но тот ни разу не возмущился и не пошатнулся. Андреа был негибким и прочен, как скала, на которой он стоял. Андреа с самого вечера трудился как вол, выполняя столько работы, какая не под силу и двоим. Однако незаметно, чтобы грек особенно устал.

Капитан кивнул в сторону расщелины, потом вверх, где на фоне неба, освещенного тусклыми звездами, виднелись прямоугольные очертания устья расщелины. Наклонясь, шепнул Андреа в самое ухо:

-- Каких-то шесть метров осталось. Сущий пустяк. -- Голос его звучал хрипло, прерывисто. -- Похоже, расщелина выходит прямо на вершину. Посмотрев на гребень, Андреа молча кивнул.

-- Снял бы ты ботинки, -- посоветовал Мэллори. -- Да и крючья придется вставлять руками.

-- В такую-то ночь? При таком ветре, дожде, в крошечной тьме, на отвесном утесе? -- бесстрастным, без тени удивления голосом произнес грек. Оба так долго служили вместе, что научились понимать друг друга с полуслова.

Мэллори кивнул. Подождет, пока товарищ вставит крюк, пропустит через отверстие и закрепит веревку. Другой ее конец, длиной сто двадцать метров, спускался вниз, где на уступе расположились остальные члены диверсионной группы.

Сняв ботинки и отцепив крючья, Андреа привязал их к веревке, отстегнул обоюдоострый метательный нож в кожаном футляре, укрепленном на плече, и, взглянув на Мэллори, кивнул в ответ.

Первые три метра все шло как по маслу. Упираясь спиной и ладонями в скалу и ногами в одних носках в противоположный край расщелины, Мэллори поднимался до тех пор, пока расщелина не расширилась. Сначала, растерявшись, новозеландец уперся ногами в противоположный ее край и вставил крюк как можно выше. Схватившись за него обеими руками, нащупал пальцами ног неровность и встал. Спустя две минуты пальцы его зацепились за осыпающийся край утеса.

Привычными движениями пальцев Мэллори удалил с поверхности скалы почву, траву, мелкие камешки и наконец добрался до коренной породы. Упершись коленом, осторожно приподнял голову и застыл как вкопанный, весь превратясь в зрение и слух. Лишь сейчас он осознал свою беспомощность и пожалел, что не взял у

Миллера пистолет с глушителем.

В темноте на фоне панорамы гор смутно вырисовывались плавные и резкие очертания холмов и ложбин. Зрелище это, поначалу нечеткое и непонятное, стало вдруг мучительно знакомым. И тут Мэллори понял, в чем дело. Именно так описывалось Влакос эту картину: узкая голая полоска земли, идущая параллельно утесу, позади нее -- нагромождение огромных валунов, за ними крутые холмы с щебенистой осыпью у подножия. Наконец--то им повезло, и еще как! Не располагая никакими средствами судовождения, вышли точно на остров, причем в том самом месте, где неприятель не выставил постов. Ведь немцы считали, что подняться на эти отвесные скалы невозможно! Мэллори захлестнуло чувство облегчения и радости. Опершись о поверхность скалы, новозеландец вылез наполовину и тут же обмер.

Один из валунов зашевелился. До пятна было не больше восьми метров. Отделившись от земли, пятно это начало приближаться к краю утеса. Знакомая фигура -- высокие штiblеты, шинель под непромокаемой накидкой, высокий шлем. Черт бы набрал Влакоса! И Дженсена! И этих всезнаек из разведки, развалившихся в своих креслах. Дают ложную информацию и посылают людей на верную смерть! Да и сам хорош, ведь знал же, что надо быть начеку.

Первые две-три секунды Мэллори лежал словно парализованный. Держа карабин наизготовку, солдат уже сделал несколько шагов. Он наклонил голову, вслушиваясь в вой ветра и шум прибоя, и силился понять, какой же звук заставил его насторожиться. Оцепенение прошло, мозг Мэллори заработал вновь. Выбраться наверх равносильно самоубийству. Десять против одного, что часовой услышит, как он карабкается, и застрелит в упор, ведь у него нет ни оружия, ни сил, чтобы вступить в схватку с вооруженным противником. Придется спуститься вниз. Но ведь ночью боковое зрение острее, чем прямое. Стоит часовому повернуть голову, и тогда конец: у края утеса немец сразу заметит силуэт.

Затаив дыхание, Мэллори осторожно сполз вниз. Часовой продолжал идти, направляясь к точке метрах в пяти от новозеландца. Капитан убрал голову, зацепясь кончиками пальцев за край скалы.

-- В чем дело? -- спросил Андреа в самое ухо Мэллори.

-- Часовой, -- прошептал тот в ответ. -- Заподозрил что-то неладное.

Неожиданно отпрянув, Мэллори прижался к скале, Андреа последовал его примеру. Сноп света, резавший глаза, освещал край утеса, приближаясь с каждой секундой. Судя по углу наклона, немец держался в полуметре с небольшим от обрыва. В такую ветреную ночь идти по осыпающемуся краю рискованно. А, вероятнее всего, он опасался, как бы не появились из мрака две руки и не сбросили его со двадцатиметровой высоты на камни и рифы.

Светящийся сноп приближался с каждой секундой. Даже под таким углом часовой непременно заметит их. Неожиданно Мэллори понял: немец не просто осторожен, он знает, что кто-то тут прячется. Он не прекратит поиски, пока не найдет пришельцев. И помешать ему они бессильны... Андреа вновь наклонился к уху капитана.

-- Камень, -- прошептал он. -- Брось в сторону от часового.

Мэллори стал лихорадочно шарить правой рукой по поверхности скалы. Почва, корни травы, песчинки... Ни камешка, хотя бы с гальку величиной. Андреа сунул ему в руку что-то гладкое и холодное. Болван, как он сам не мог догадаться, ведь у него за поясом осталась пара крючьев.

Размахнувшись, капитан швырнул крюк в темноту. Прошла секунда, вторая. Он решил, что промахнулся. Еще мгновение, и фонарь осветит плечи Андреа, но тут послышался звон крюка, отскочившего от валуна. Луч дрогнул, метнулся в темноту и, описав дугу, уперся в грудь валунов. Секунду спустя часовой кинулся в ту сторону, скользя и спотыкаясь. В свете фонаря

поблескивал ствол карабина. Не успел немец отбежать и десятка метров, как Андреа вскочил на край утеса и, похожий на большую черную кошку, бесшумными шагами прокрался к ближнему валуну и затаился, слившись с мраком.

Находясь метрах в двадцати от Андреа, часовой, с опаской озираясь, осветил камни. Грек дважды ударил рукояткой ножа о валун. Солдат круто обернулся и кинулся назад, путаясь в полах шинели. При свете фонаря Мэллори разглядел бледное, искаженное страхом лицо, расширенные глаза. Зрелище это не увязывалось с воинственным обликом гладиатора, который придавал солдату его стальной шлем. Какие мысли пронеслись в голове часового, услышавшего какой-то шум у обрыва, звон металла то в одном, то в другом конце каменной гряды на этом враждебном острове в эту жуткую ночь? Сердце у Мэллори сжалось. Ведь немец такой же человек; он чей-то муж, брат или сын, любимый близкими. Он лишь добросовестно делает свое грязное и опасное дело, подчиняясь приказу. Его терзает чувство тревоги и страха. Но жить ему осталось несколько секунд... Рассчитав время и расстояние, Мэллори поднял голову.

-- На помощь! -- закричал он. -- Падаю! Солдат круто повернулся, остановившись ближе чем в полутора метрах от валуна, за которым спрятался Андреа. Пошарив по земле, луч фонаря осветил голову Мэллори. Застыв на месте, немец вскинул карабин. Несмотря на свист ветра, капитан услышал стон, судорожный вдох и удар ножа, угодившего в ребра.

Мэллори посмотрел на убитого, потом на бесстрастное лицо Андреа. Тот вытер лезвие о полу шинели, медленно выпрямился и вложил нож в ножны.

-- Так-то, Кейт, -- произнес Андреа, обращавшийся к капитану по-уставному лишь при постороннем. -- Зря наш юный лейтенант тогда вмешался.

-- Да, теперь все встало на свои места, -- согласился Мэллори. -- Недаром я опасался такого поворота дела. Да и ты тоже. Слишком уж много совпадений: немецкий сторожевик, дозор, высланный навстречу нам с поста, нынче часовой, -- Мэллори выругался. -- Теперь нашему старому приятелю, капитану Бригтсу из Кастельроссо, не поздоровится. В этом же месяце его разжалуют. Уж Дженсен об этом позаботится.

Андреа кивнул:

-- Думаешь, он отпустил Николаи?..

-- Кто, кроме него, мог знать, куда мы направляемся, и предупредить всех по цепочке? -- Помолчав, Мэллори схватил грека за рукав. -- Немцы народ основательный. Даже предполагая, что в такую ночь высадиться невозможно, они выставят у скал с полдесятка часовых. -- Невольно понизив голос, капитан продолжал: -- Не такие это люди, чтобы послать одного против пятерых. Следовательно...

-- ...Они разработали систему оповещения, -- закончил за него грек. -- Возможно, с помощью сигнальных ракет...

-- Вряд ли, -- мотнул головой Мэллори. -- Зачем им выдавать свою позицию? Телефонная связь. Не иначе. Вспомни Кипр. Весь остров опутан проводами полевой связи.

Кивнув, Андреа взял фонарь из рук убитого и отправился на поиски, прикрыв луч ладонью. Не прошло и минуты, как он вернулся.

-- Так оно и есть, -- негромко произнес он. -- Аппарат спрятан в камнях.

-- Что делать, -- отозвался Мэллори. -- Если он зазвонит, мне придется ответить. Иначе живо прибегут. Только бы не надо было сообщать пароль. От них можно ожидать и такого. Мэллори отвернулся и умолк.

-- Все равно кто-нибудь должен сюда прийти. Смена, разводящий или кто-нибудь другой. Возможно, полагается каждый час докладывать об обстановке. Кто-нибудь непременно здесь появится, причем скоро. Нам надо спешить, Андреа!

-- Как быть с этим беднягой? -- показал на скрюченную у его ног фигуру грека.

-- Надо его сбросить вниз, -- поморщился Мэллори. -- Ему все равно. Здесь оставлять его нельзя. Немцы решат, что он

сорвался с обрыва. Край—то вон какой ненадежный... Взгляни, нет ли при нем документов. Как знать, может, они нам понадобятся.

-- Не больше, чем ботинки. -- Протянув руку в сторону щебенистой осыпи, Андреа объяснил: -- По таким камням в носках далеко не уйдешь.

Пять минут спустя Мэллори трижды дернул за бечевку. Те, кто находился внизу, трижды подергали в ответ. Мэллори потравил прочную веревку со стальным сердечником.

Первым следовало поднять ящик с взрывчаткой. Привязав небольшой груз к концу веревки, капитан спустил ее на выступ. Хотя ящик и был обложен со всех сторон рюкзаками и спальными мешками, под порывами ветра он с размаху ударялся об утес. Но ждать, когда амплитуда колебаний уменьшится, было некогда. Надежно застрахованный веревкой, обмотанной вокруг огромного валуна, наклонясь далеко над краем утеса, Андреа легко, словно спиннингист -- форель, тащил вверх двухпудовый груз. Меньше чем три минуты спустя ящик с взрывчаткой был наверху; минут пять спустя рядом с ним лежали взрывная машинка, автоматы и пистолеты, завернутые в спальные мешки, а также палатка: белая с одной стороны, коричнево-- зеленая с другой.

В третий раз исчезла в темноте, заливаемой дождем, веревка. В третий раз тянул ее вверх Андреа, перехватывая ее руками. Мэллори стоял сзади, сматывая веревку в бухту. Неожиданно грек издал восклицание. В два прыжка новозеландец очутился рядом.

-- В чем дело, Андреа? Почему ты перестал...

Он осекся, заметив, что тот держит веревку всего двумя пальцами. Раз два Андреа поднимал веревку на фут--другой, потом опускал. Конец веревки мотало из стороны в сторону.

-- Груз сорвался? -- спокойно произнес Мэллори.

Андреа молча кивнул.

-- Веревка не выдержала? -- удивился новозеландец. -- Это со стальным--то сердечником?

-- Не думаю. -- Грек поспешно поднял вверх кусок веревки длиной двенадцать метров. Сигнальный шнур был на месте, в сажени от конца. Веревка цела.

-- Кто--то узел плохо затянул, -- устало проговорил Андреа. -- Вот он и развязался.

Мэллори открыл было рот, но тут же инстинктивно вскинул к глазам руку. Из туч в землю ударила ветвистая молния. Возник едкий запах гари, почти над самой головой у них прогрехотал адской силы раскат грома, который эхом отозвался в горах, а затем исчез где--то в лощинах.

-- Господи Иисусе! -- пробормотал Мэллори. -- Чуть в нас не угодило. Надо поторапливаться. В любую минуту скалу может осветить, как ярмарочную площадь... Что ты поднимал, Андреа? -- Вопрос был праздным. Капитан сам разделил снаряжение на три части еще там, на карнизе, и знал, что именно находится в каждом узле. Вряд ли он мог ошибиться, хотя и устал. Он просто цеплялся за соломинку, хотя и знал, что никакой соломинки нет.

-- Продовольствие, -- негромко проговорил грек. -- Все продовольствие, керосинка, горючее, компасы.

Несколько мгновений Мэллори стоял в растерянности. С одной стороны, нельзя терять ни минуты, с другой -- они не могут остаться на этом голом, незнакомом острове без еды и топлива. Положив свою большую руку на плечо товарища, Андреа проговорил:

-- Тем лучше, Кейт, -- усмехнулся грек. -- Наш усталый друг капрал Миллер только обрадуется... Пустяки.

-- Конечно, -- ответил Мэллори. -- Конечно. Сущие пустяки. -- Отвернувшись, он дернул за шнур и проследил, как скользнула веревка через край утеса.

Спустя четверть часа из мрака, ежесекундно освещаемого вспышками разлапистых молний, возникла мокрая, всклокоченная голова Кейси Брауна. Несмотря на почти непрерывные раскаты грома, слышался отчетливый голос шотландца, выражавшегося на англосаксонской фене. Поднимался он с помощью двух веревок. Одна была пропущена сквозь крючья, вторая использовалась им для подъема поклажи. За эту--то веревку и тянул Андреа. Обмотав веревку вокруг себя, Кейси решил завязать ее беседочным узлом.

Но вместо беседочного у него получился скользкий узел, и в результате Брауна едва не перерезало веревкой пополам. Он все еще сидел, устало опустив голову, не в силах снять со спины рацию. Дважды дернулась в руках Андреа веревка: это поднимался Дасти Миллер.

Прошло еще пятнадцать минут, тянувшихся как вечность. Каждый звук, возникавший в промежутках между раскатами грома, воспринимался капитаном как признак приближения немецкого дозора. Тут появился Дасти Миллер. Поднимался он медленно, но верно. Достигнув вершины, он замер, пошарил рукой по поверхности утеса. Мэллори наклонился к лицу янки и отшатнулся, пораженный: у капрала были плотно сжаты веки.

-- Передохни, капрал, -- ласково проговорил новозеландец.
-- Приехали.

Медленно открыв глаза, Дасти Миллер с содроганием посмотрел вниз и в ту же секунду на четвереньках кинулся к каменной гряде. Подойдя к нему, Мэллори любопытно спросил:

-- А зачем ты закрыл глаза, когда очутился наверху?

-- Не закрывал я глаза наверху, -- запротестовал Миллер. Мэллори промолчал. -- Я зажмурился внизу, -- устало объяснил капрал. -- И только на вершине открыл глаза.

-- Как? -- недоверчиво посмотрел на него капитан. -- И ни разу не оглянулся?

-- Я же объяснил, шеф, -- укоризненно произнес Миллер. -- Еще в Кастельроссо. Если я перехожу улицу и мне надо подняться на тротуар, то я должен ухватиться за ближайший фонарный столб. Вот оно как. -- Американец умолк, посмотрев на Андреа, наклонившегося над пропастью, и передернул плечами. -- И натерпелся же я страху, братишка!

Страх, ужас, отчаяние. "Делай то, чего страшишься, и страх отступит!" Фразу эту Энди Стивенс мысленно повторял не раз и не два, а сотни раз, словно заклинание. Так однажды ему посоветовал психиатр. О том же говорилось и в добром десятке книг, которые Энди потом проштудировал. Делай, чего страшишься, и страх отступит. Ум ограничен. Он способен удержать лишь одну мысль в каждый данный момент, дать команду, осуществить лишь одно действие. Внуши себе, что ты смел, что преодолеваешь боязнь, это глупое, беспричинное чувство страха, которое существует лишь у тебя в сознании. И, поскольку ум способен удержать лишь одну мысль, поскольку мыслить и чувствовать это одно и то же, ты будешь смел, ты преодолеешь страх, и он исчезнет, как исчезает ночью тень. Так твердил себе Энди, но тень становилась все длиннее и чернее; холодными, как лед, когтями страх все глубже впивался в его утомленный мозг, куда-то в желудок, под лоджечку.

Желудок. Комок нервов ниже солнечного сплетения. Ощущение это знакомо лишь тем, кто окончательно теряет власть над собственными мыслями. Волны тошнотворного страха, чувство беспомощности охватывают человеческое сознание, судорожно цепляющееся ватными пальцами за край пропасти. Сознание это еще управляет телом, отчаянно сопротивляется, не желая подчиниться нервной системе, заставляющей разжать израненные пальцы, схватившие веревку. Ведь это так просто. "Досуг после трудов и гавань после бури". Так, кажется, сказал Спенсер. Рыдая, Стивенс выдернул еще один крюк и швырнул его с тридцатиметровой высоты в море. Прижался к утесу и, преодолевая отчаяние, продолжал дюйм за дюймом подъем.

Страх. Всю жизнь он преследовал Стивенса, стал его alter ego, вторым "я". Он находился рядом, готовый вернуться в любую минуту. Энди привык к страху, даже смирился с ним, но мучения нынешней ночи переполнили чашу его терпения и выносливости. Такого с ним еще никогда не бывало. И все же юноша смутно сознавал: причина страха -- не восхождение само по себе. Действительно, крутой, почти отвесный склон, вспышки молний в кромешной тьме и раскаты грома кого угодно привели бы в

отчаяние. Но технически подъем был несложен. Веревка натянута до самого верха. Надо лишь подниматься, держась за нее, да вынимать крючья. К горлу подступает тошнота, все тело в ушибах, голова раскалывается от боли, потеряно много крови; но ведь именно тогда, когда человек испил полную чашу страданий и обессилел, факел духа горит особенно ярко.

Энди Стивенс испытывал страх оттого, что перестал себя уважать. Самоуважение всегда было для него спасительным якорем, оно было важнее того, что о нем думают другие. И теперь якоря этого у него не осталось. Все знают, что он трус, что он подвел товарищей. И во время стычки с экипажем немецкого судна, и когда каик стоял на якоре в устье реки, он понимал, что Мэллори и Андреа видят его страх. Таких людей ему еще не приходилось встречать. Таких не проведешь, он сразу понял. Это он должен был подниматься вместе с Мэллори, но тот взял Андреа. Капитан понял, что он трусит. И в Кастельроссо, и при подходе немецкого катера он чуть не подвел их. А сегодня подвел по-настоящему. Ему не доверили подниматься первым вместе с Мэллори. Именно он, морской офицер, так небрежно завязал последний узел. Едва оторвавшись от карниза, на котором стоял он, Стивенс, мешок с продуктами и топливом рухнул в море... Судьба тысячи человек на острове Керос в руках такого презренного труса, как он. Физические и душевные силы оставили юношу, от мучительного чувства страха и отвращения к себе он застонал, но продолжал подниматься как заведенный.

В ночной тишине раздался пронзительный звук телефона. Похолодев, Мэллори оглянулся. Пальцы невольно сжались в кулаки. Вновь настойчивая трель, заглушающая рокот грома. Телефон замолчал, но скоро ожил, звоня не переставая.

Пройдя полпути, Мэллори остановился и вернулся назад.

-- Передумал? -- с любопытством посмотрел на него грек. Капитан молча кивнул.

-- Будут трезвонить, пока не надоест, -- буркнул Андреа. -- А когда надоест, сюда заявятся. Причем очень быстро.

-- Знаю, -- пожал плечами напуганный. -- Ничего не поделаешь. Вопрос лишь в том, когда они сюда придут. -- Мэллори машинально посмотрел в обе стороны вершины, где на расстоянии метров пятидесяти друг от друга расположились Миллер и Кейси, невидимые в темноте. -- Не стоит рисковать. Чем больше я думаю, тем меньше вижу шансов провести немцев. Фрицы народ аккуратный. Наверняка разработана определенная система переговоров по телефону. Часовой должен назвать свою фамилию или произнести пароль. Да и голос может меня выдать. Но, с другой стороны, часового мы убрали, не оставив никаких следов, снаряжение наше наверху, все, кроме Стивенса, поднялись. Короче, мы добились того, чего хотели. Высадились, и ни одна душа об этом не догадывается.

-- Верно, -- кивнул Андреа. -- Ты прав. Минуты через две-- три появятся и. Стивенс. Глупо, если все, чего мы добились, пойдет насмарку. -- Помолчав, Андреа спокойно прибавил: -- Немцы не придут, а примчатся. -- Телефон умолк так же внезапно, как зазвонил. -- Теперь жди гостей.

-- Знаю. Только бы Стивенс... -- Мэллори прервал себя на полуслове и, повернувшись на каблуках, кинул через плечо: -- Присмотри за ним, хорошо? А я предупрежу остальных, что скоро гости пожалуют.

Держась в стороне от края обрыва, новозеландец зашепшил. Он не шел, а ковылял. Ботинки немца были тесны и сдавливали пальцы. Страшно представить, что станет с его ногами после многочасовой ходьбы по пересеченной местности. Не стоит заглядывать в будущее, и в настоящем забот хватает, подумал он мрачно.

...Капитан застыл на месте. В затылок ему уперся какой-то твердый холодный предмет.

-- Сдавайся, а то убью, -- жизнерадостно воскликнул

гнусавый голос. После всего, что испытал на море и во время подъема Миллер, оказаться на твердой земле было для него уже счастьем.

-- Ну и шуточки, -- проворчал Мэллори. -- Умнее ничего не мог придумать? -- Капитан с любопытством посмотрел на янки. Тот успел снять дождевое платье: ливень кончился. Куртка и выпитый жилет промокли больше, чем штаны. Но выяснять, в чем дело, было некогда.

-- Слышал, телефон недавно звонил?

-- Телефон? Ага, слышал.

-- Это часового вызывали. Ждали от него доклада или что-то вроде. Наверно, ему давно следовало бы позвонить. Отвечать мы не стали. С минуты на минуту прибегут немцы, заподозрив неладное. Могут появиться или с твоей стороны, или со стороны Брауна. Другого пути нет. Не станут же они ломать себе шею, карабкаясь по этой груде валунов. -- Мэллори ткнул в сторону нагромождения камней. -- Так что гляди в оба.

-- Будет сделано, шеф. Огонь не открывать?

-- Не открывать. Подойди к нам потихоньку и дай знать. Минут через пять я приду.

Мэллори поспешно вернулся назад. Растянувшись во весь рост на земле, Андреа вглядывался вниз и при появлении капитана оглянулся.

-- Судя по звуку, он у самого карниза.

-- Отлично, -- на ходу обронил новозеландец. -- Скажи ему, пусть поторопится. -- Пройдя с десятков метров, Мэллори остановился, всматриваясь вдаль. Кто-то бежал, спотыкаясь и скользя по гравийной почве.

-- Браун? -- вполголоса спросил капитан.

-- Я, сэр. -- Тяжело дыша, Кейси показывал в ту сторону, откуда прибежал. -- Там какие-то люди. Огни фонарей прыгают у них в руках, видно, сюда бегут.

-- Сколько их? -- тотчас спросил Мэллори.

-- Четверо или пятеро. -- Браун все еще не мог отдышаться. -- Может, больше. Фонарей было не то четыре, не то пять. Сейчас сами увидите. -- Он снова ткнул назад, но тут же удивленно повернулся к капитану. -- Что за чертовщина! Исчезли. Могу поклясться...

-- Не надо, -- мрачно отозвался Мэллори. -- Вы не ошиблись. Я ждал гостей. Приближаясь, они не хотят рисковать... Далеко ли они?

-- Метров сто-- полтора, не больше.

-- Найдите Миллера и живо назад.

Подбежав к Андреа, капитан опустил на колени.

-- Они идут, Андреа, -- произнес он торопливо. -- Слева. Человек пять, а то и больше. Минуты через две будут здесь. Где Стивенс? Видишь его?

-- Вижу, -- с олимпийским спокойствием произнес грек. -- Перелез через карниз... -- Остальные слова заглушил оглушительный раскат грома. Но Мэллори увидел Стивенса. Находясь посередине между карнизом и началом похожей на раструб расселины, тот, словно ветхий старик, с трудом перебирал руками.

-- Что это с ним? -- выругался Мэллори. -- Так ему и суток не хватит... -- Осекшись, капитан сложил ладони рупором. -- Стивенс! Стивенс! -- Но юноша, казалось, не слышал его и продолжал двигаться размеренно, словно робот.

-- Из сил выбился, -- спокойно произнес Андреа. -- Даже головы не поднимает. Если альпинист не смотрит вверх, его песенка спета. -- Пожав плечами, грек прибавил: -- Спускаюсь, помогу.

-- Не надо. -- Мэллори положил ему руку на плечо. -- Оставайся здесь. Я не могу рисковать вами обоими... В чем дело? -- спросил он Брауна, наклонившегося над ним.

-- Скорее, сэр, -- произнес тот, тяжело дыша. -- Скорее, ради Бога! -- глотнув воздуха, добавил. -- Они в двух шагах отсюда!

-- Ступайте с Миллером к валунам, -- скомандовал Мэллори. -- Прикройте нас... Стивенс! Стивенс! -- Но ветром,

поднимавшимся вверх по скале, слова его отнесло.

-- Стивенс! Ради Бога, старина! Стивенс! -- громким шепотом повторил капитан. Видно, в голосе Мэллори прозвучало нечто такое, что проникло сквозь оцепенение, объявшее усталый мозг юноши: Энди остановился и, подняв голову, приложил к уху ладонь.

-- Немцы приближаются! -- произнес Мэллори, сложив руки рупором. -- Доберись до раструба и спрячься. И ни одного звука. Ты меня понял?

Усталым движением Стивенс вскинул руку, опустил голову и стал подниматься. Двигался он еще медленнее, движения его были неуверенными и неуклюжими.

-- Как думаешь, он понял? -- озабоченно спросил Андреа.

-- Наверно. Точно не могу сказать, -- Мэллори замер и схватил друга за руку. Заморосим дождь, сквозь редкую его пелену капитан заметил прикрытый ладонью луч света. Огонек прыгал по камням метрах в тридцати слева от них.

-- Скинь веревку с краю обрыва, -- прошептал новозеландец. -- В нижней части раструба вбит крюк. Он выдержит Стивенса. Скорей. Надо убираться!

Стараясь не задеть даже камешка, Мэллори с Андреа отодвинулись от края обрыва и, круто повернувшись, поползли на четвереньках к груде валунов, находившихся в нескольких метрах. Не имея в руках хотя бы пистолета, Мэллори чувствовал себя совершенно незащищенным, хотя и понимал, что опасность грозит не им, а солдатам. Первый же немец, направивший на них луч фонаря, будет тотчас убит. Браун и Миллер не подведут... Но самое главное -- чтобы их не обнаружили. Дважды, шаря по земле, луч света направлялся в их сторону, последний раз скользнув мимо ближе чем в метре. И всякий раз оба прижимались лицами к промокшей почве, чтобы отсвет луча не упал на них. Наконец, они добрались до валунов и оказались в безопасности.

Мгновение спустя словно тень рядом возник Миллер.

-- Не очень-то вы торопились, -- насмешливо заметил капрал. -- Подождали бы еще с полчаса. -- Он показал в сторону, где мелькали огни фонарей и слышались гортанные голоса. -- Отойдем подальше. Они ищут его среди камней.

-- Ты прав. Его или телефон, -- согласился Мэллори. -- Не заденьте автоматами о камни. Захватите с собой поклажу... Если немцы посмотрят вниз и увидят Стивенса, придется идти ва-банк. Хитрые планы разрабатывать некогда. Пускайте в ход автоматы.

Энди Стивенс услышал Мэллори, но не понял, что тот сказал. Не потому, что испугался или был чересчур подавлен, ибо страх прошел. Страх -- порождение сознания, а сознание его под воздействием крайней степени усталости, сковавшей все его тело свинцовым панцирем, перестало функционировать. Юноша этого не понимал, но пятнадцать метрами ниже он ударился головой об острый выступ, до кости разбредив рану на виске. С потерей крови Стивенс все больше обессилевал.

Он слышал, как Мэллори что-то говорит о раструбе, до которого он теперь добрался, но до сознания его смысл сказанного не дошел. Он знал лишь одно: однажды начав подниматься, надо продолжать, пока не доберешься до вершины. Так внушали ему отец и старшие братья. Добраться до вершины.

Чтобы добраться до вершины, предстояло преодолеть половину раструба. Стивенс опирался о крюк, вбитый Кейтом Мэллори в трещину. Вцепившись пальцами в расщелину, Энди посмотрел вверх, на устье раструба. Осталось метра три. Ни удивления, ни восторга не было. Он знал одно: надо идти до конца. Он слышал доносившиеся сверху голоса. Непонятно, почему товарищи его не предпринимают никаких попыток помочь ему, сбросили вниз веревку, с помощью которой было бы легче преодолеть последние метры. Но горечи он не испытывал. Возможно, друзья хотят его испытать. Да и какое это имеет значение? В любом случае ему нужно добраться до вершины.

И он добрался. Старательно, как до него -- Мэллори, отгреб землю и галечник, впился пальцами в край скалы и, встав на тот же выступ, о который опирался ногой Мэллори, приподнялся. Он увидел, как мелькают лучи фонарей, услышал возбужденные голоса. Вновь вернулся страх. Энди понял, что это голоса врагов, что друзья его убиты. Понял, что остался один, что это конец, что все было напрасно. И вновь туман обволок его сознание, остались лишь пустота и отчаяние. Медленно, как у тонущего, который выпускает из рук брусok дерева, пальцы Стивенса разжались. Страх исчез, осталось безграничное равнодушие. Юноша соскользнул со склона и, камнем полетев вниз, застрял на шести метровой высоте в сужении раструба.

Ни звука не сорвалось с его губ: от боли он потерял сознание, но до настороженного слуха товарищей его, укрывшихся среди валунов, донесся глухой жуткий треск: словно гнилой сук, сломалась правая нога Энди.

Глава шестая. В ПОНЕДЕЛЬНИК НОЧЬЮ. 02.00--06.00

Произошло именно то, чего опасался Мэллори: немецкий дозор действовал энергично, быстро и чрезвычайно старательно. Хуже того, молодой и толковый унтер-офицер обладал воображением.

Немцев было всего четверо -- сапоги, шлемы, дождевики маскировочной расцветки -- в зеленых, черных и коричневых пятнах. Отыскав телефонный аппарат и связавшись со штабом, унтер-офицер отправил двух солдат осмотреть участок длиной в двести метров вдоль края обрыва. Сам же с третьим солдатом принялся осматривать каменную гряду, идущую параллельно обрыву. Поиски были неторопливыми и доскональными. Унтер-офицер, вполне разумно, рассудил так. Если часовой уснул или заболел, то вряд ли он стал бы забираться в глубь нагромождения камней. Поэтому Мэллори и его товарищам не угрожала никакая опасность.

Потом был предпринят тщательный методический осмотр поверхности скалы. Хуже того, осмотр начали от кромки обрыва. Надежно поддерживаемый за ремень солдатом, которого, в свою очередь, держали, сцепясь руками, двое его товарищей, унтер-офицер медленно двигался по краю скалы, обшаривая узким лучом фонаря каждый дюйм почвы. Внезапно остановившись, он издал возглас и наклонился к самой земле. Несомненно, он заметил глубокую выемку от веревки, которую Андреа закрепил за основание валуна... Мэллори и трое его товарищей, выпрямившись, вскинули автоматы, высунув стволы в отверстия между камнями или положив их на валуны. Стоит кому-нибудь из солдат направить хотя бы случайно карабин вниз, где лежит тяжелораненый или мертвый Энди Стивенс, всем четверым немцам уготована смерть.

Удерживаемый за ноги двумя солдатами, унтер-офицер лег на живот и принялся осматривать раструб, освещая его фонарем. Секунд десять, а то и все пятнадцать не было слышно ничего, кроме завывания ветра да шума дождя, хлеставшего по чахлой траве; затем немец отполз от края обрыва и поднялся на ноги, качая головой. Жестом Мэллори приказал своим товарищам спрятаться. Отчетливо слышался баварский говорок унтер-офицера.

-- Бедняга Эрлих. -- В голосе немца звучало странное сочетание сочувствия и гнева. -- Сколько раз я его предупреждал, чтобы не подходил близко к краю. Почва здесь очень рыхлая. -- Невольно отступив от кромки обрыва, унтер-офицер снова посмотрел на выемку в почве. -- Вот след от его каблука, а может, от приклада. Теперь это неважно.

-- Как вы полагаете, господин унтер-офицер, он погиб? -- спросил солдат, совсем мальчишка, с испуганным, несчастным лицом.

-- Трудно сказать... Взгляни сам.

Молодой солдат неуклюже лег на край и осторожно заглянул вниз. Остальные переговаривались, обмениваясь короткими

фразами. Повернувшись к Миллеру, капитан спросил его на ухо, не в силах сдержать бушевавшие его чувства:

-- Стивенс был в черной одежде?

-- Да, -- ответил шепотом янки. -- Кажется, в черной. -- Помолчав, поправился: -- Да нет, что же это я. Мы ж потом оба надели прорезиненные плащи с маскировочной расцветкой.

Мэллори кивнул. Плащи у немцев мало чем отличаются от их плащей, а волосы у часового были черны, как смоль, такого же цвета, как и крашенные волосы Стивенса. Неудивительно, что унтер-офицер, увидев плащ и темноволосую голову, решил, что это часовой. Ошибка его была закономерна.

Юный солдат отполз от края и осторожно поднялся на ноги.

-- Вы правы, господин унтер-офицер. Это действительно Эрлих, -- дрожащим голосом проговорил солдат. -- Мне кажется, он жив, я заметил, как шевельнулся плащ. Это не ветер, я уверен.

Мэллори почувствовал, как лапа Андреа стиснула ему руку. Его охватило чувство облегчения и радости. Слава Богу, Стивенс жив! Они спасут мальчишку. Андреа сообщил новость и остальным. В следующую минуту Мэллори опомнился. Вряд ли Дженсен разделит их радость. Ведь Стивенс выполнил свою задачу: привел судно по назначению, поднялся на утес. Теперь же, став калекой, он будет обузой. Шансы на успех, и без того небольшие, будут из-за него сведены почти к нулю. Начальству, которое ведет игру, битые пешки только мешают, загромождавая шахматную доску. Как было неосмотрительно со стороны Стивенса не разбиться насмерть! Сбросили бы его тогда с обрыва вниз, и концы в воду... Стиснув кулаки, Мэллори поклялся, что Энди будет жить и вернется домой. К черту тотальную войну и ее людоедские принципы!.. Ведь это ребенок, испуганный, затравленный ребенок, оказавшийся самым смелым из всей их группы.

Молодой унтер уверенным и решительным голосом отдавал своим подчиненным одно распоряжение за другим.

Нужен врач, шины, специальные носилки, стрела с оттяжками, веревки, крючья. Знающий свое дело аккуратист не упустил из виду ничего. Мэллори заботил вопрос, сколько солдат останется караулить раненого, ведь их придется убрать, и тем самым группа выдаст свое присутствие. Проблемы же, как это сделать тихо и незаметно, не существовало. Стоит шепнуть Андреа на ухо, и у часовых останется не больше шансов уцелеть, чем у ягнят, в загон к которым ворвался голодный волк. Пожалуй, даже меньше, ведь ягнята могут метаться и блеять, пока не настанет их черед.

Вопрос был решен без участия Мэллори. Решительность, знание своего дела и грубая бесцеремонность, благодаря которым среднее командное звено немецкой армии по праву считают лучшим в мире, предоставили новозеландцу возможность, о которой он не смел и мечтать. Не успел унтер отдать последний приказ, как к нему подошел молоденький солдат и, тронув его за рукав, показал вниз.

-- Как быть с беднягой Эрлихом, господин унтер-офицер? -- спросил он неуверенно. -- Может, кому-нибудь из нас остаться с ним?

-- А какой будет прок, если ты останешься? -- насмешливо спросил унтер. -- Руку ему протянешь? Если он зашевелится и упадет, то упадет и без тебя. Тут и сто зевак ему не помогут. А ну, шагом марш! Да не забудь прихватить кувалду и костыли, чтоб треногу закрепить.

Все трое повернулись и, ни слова не говоря, быстрым шагом пошли в восточном направлении. Подойдя к аппарату, унтер-офицер доложил кому-то о происшествии, потом отправился в противоположную сторону. Видно, проверить соседний пост. Не успел он раствориться во мраке, как Мэллори приказал Миллеру и Брауну занять прежние свои позиции. Еще слышно было, как хрустит гравий под сапогами немца, а капитан и Андреа уже спускались по веревке, едва успев закрепить ее.

Упав на острый, как бритва, край скалы, Стивенс лежал без сознания, похожий на бесформенную грудку. Щека кровоточила, из раскрытого рта вырывалось хриплое дыхание. Нога неестественно загнута. Упершись в обе стенки раструба и поддерживаемый греком, Мэллори осторожно выпрямил ногу юноши. Тот дважды застонал от боли. Стиснув зубы, Мэллори осторожно засучил штанину на раненой ноге лейтенанта и в ужасе зажмурил глаза. Из рваной багровой раны торчала большеберцовая кость.

-- У него сложный перелом, Андреа. -- Мэллори аккуратно ощупал ногу, потрогал щиколотку. -- Господин -- пробормотал он. -- Еще один, над самой лодыжкой. Плохи у парня дела.

-- Это правда, -- мрачно произнес Андреа. -- И ему нельзя ничем помочь?

-- Невозможно. Но сначала надо поднять его наверх. -- Выпрямясь, новозеландец посмотрел на отвесную стену. -- Только как это сделать, скажи на милость?

-- Я вытаску парня. -- В голосе Андреа не было и тени сомнения. -- Если сможешь привязать его к моей спине.

-- Это со сломанной-то ногой, которая болтается на клочке кожи и поврежденной мышце? -- возмутился Мэллори. -- Стивенс не выдержит. Он умрет, если мы это сделаем.

-- Он умрет, если мы этого не сделаем, -- буркнул грек.

Посмотрев долгим взглядом на раненого, капитан кивнул:

-- Ты прав. Иного выхода нет...

Оттолкнувшись от скалы, он соскользнул по веревке и очутился чуть ниже того места, где лежал Стивенс. Дважды обмотав веревку вокруг пояса юноши, он посмотрел вверх.

-- Готов, Андреа? -- спросил он вполголоса.

-- Готов, -- Андреа нагнулся, подхватил раненого под мышки и с помощью Мэллори стал его поднимать. Пока Энди поднимали, у него раза два вырвался мучительный стон. С бледным, запрокинутым назад лицом, по которому струились, смешиваясь с кровью, потоки дождя, юноша походил на сломанную куклу. Несколько мгновений спустя Мэллори уже умело связывал Стивенсу руки. Он не заметил, что бранится, видя лишь одно -- как беспомощно болтается из стороны в сторону голова юноши. Под дождем краска на волосах почти смылась. "Подсунули второсортную ваксу вместо краски для волос, -- возмутился Мэллори. -- Пусть Дженсен об этом знает. Такой прокол может стоить человеку жизни". Он снова выругался, на этот раз досадуя на себя за то, какие пустяки лезут ему в голову.

Теперь руки у Андреа оказались свободными -- голову он продел в связанные в кистях руки Стивенса, а тело юноши капитан привязал ему к спине. Спустя полминуты -- выносливость Андреа, казалось, не имеет границ, -- он был на вершине скалы. Лишь однажды, когда сломанная нога задела о край утеса, из уст юноши вырвался приглушенный крик боли. Капитан всю орудовал ножом, разрезая веревку, которой Стивенс был привязан к спине грека.

-- Скорей тащи его к валунам, Андреа, -- прошептал новозеландец. -- Жди нас на ближайшем участке, свободном от камней.

Андреа кивнул и, посмотрев на юношу, которого он держал на руках, словно бы насторожился. Мэллори тоже прислушался к жалобному вою ветра, который то усиливался, то ослабевал, к шуму дождя со снежной крупой, и зябко повел плечами. Спohватясь, он повернулся к обрыву и начал сматывать веревку, укладывая ее кольцами у ног. Тут он вспомнил, что у основания раструба остался крюк, к которому привязана веревка длиной в несколько десятков метров.

Мэллори настолько устал и озяб, что не в силах был даже разозлиться на себя, однако, взглянув на Стивенса, представил, как тот страдает, сразу вострепнулся. С угрюмым выражением лица пинком ноги новозеландец снова сбросил веревку вниз, спустился по раструбу, отвязал вторую веревку и швырнул крюк в темноту. Не прошло и десяти минут, как Мэллори, надев на плечо мокрую связку, зашагал вместе с Миллером и Брауном к хаотическому нагромождению камней.

Стивенса обнаружили у громадного валуна метрах в ста от берега на расчищенном от камней пятачке размером не больше бильярдного стола. Он лежал на мокрой от дождя гравийной почве, на которую постлали дождевое платье, закрытый плащом из маскировочной ткани. Холод был собачий, но каменная глыба защищала юношу от ветра и дождя, смешанного со снегом. Все трое спрыгнули в углубление и опустили поклажу на землю. Засучив штанину выше колена, Андреа разрезал ботинок и снял его с изувеченной ноги Стивенса.

-- Раны господни! -- вырвалось у Миллера при виде кошмарного зрелища. Опустившись на колено, капрал наклонился, чтобы получше разглядеть, что произошло. -- Ну и дела! -- пробормотал он и, оглянувшись, добавил: -- Надо что-то делать, шеф. Нельзя терять ни минуты, а то мальчишке конец.

-- Понимаю. Мы должны спасти парня, Дасти. Просто обязаны, -- ответил озабоченный Мэллори, опускаясь на колени. -- Надо взглянуть, что с ним.

-- Я сам им займусь, командир. -- Голос Миллера прозвучал уверенно и властно, и Мэллори промолчал. -- Медицинскую сумку скорей. И палатку распакуйте.

-- А ты справишься? -- с облегчением спросил капитан. Мэллори не сомневался в капрале, он был ему благодарен, но решил все-таки что-то сказать. -- И что ты собираешься предпринять?

-- Слушай, командир, -- спокойно ответил американец. -- Сколько я себя помню, у меня было три занятия: шахты, туннели и взрывчатка. Занятия довольно опасные. На своем веку я видел сотни ребят с изувеченными руками и ногами. И лечил их чаще всего я. -- Криво усмехнувшись, Миллер добавил: -- Ведь я сам был начальником. Лечить своих рабочих было для меня что-то вроде привилегии.

-- Вот и отлично, -- похлопал его по плечу капитан. -- Займись парнем. Но как быть с палаткой? -- Он невольно посмотрел в сторону утеса. -- Я хочу сказать...

-- Ты не так меня понял, командир. -- Своими уверенными, сильными руками, руками человека, привыкшего к точной и опасной работе, Миллер ловко обрабатывал раны тампоном, пропитанным дезинфицирующим раствором. -- Я вовсе не собираюсь развертывать полевой госпиталь. Мне нужны шесты от палатки. Чтобы шину ему на ногу наложить.

-- Ах, вот что. Шесты. Мне и в голову это не пришло. Я думал совсем о другом...

-- Но есть кое-что поважнее, чем шина. -- Прикрыв ладонью фонарь, американец достал из сумки все необходимое. -- Нужен морфий, чтобы избежать шока. Нужно какое-то укрытие, тепло, сухая одежда...

-- Тепло! Сухая одежда! Скажешь, тоже, -- прервал Миллера капитан. -- Посмотрев на Стивенса, Мэллори подумал, что именно по его вине они остались без керосинки и горючего. Губы его скривились в горькой усмешке: Энди сам себя наказал, и как жестоко наказал. -- Где мы все это достанем?

-- Не знаю, командир, -- проронил янки. -- Но достать надо. И не только затем, чтобы облегчить ему страдания. С таким переломом, промокший до нитки, он непременно схватит воспаление легких. Сколько ни сыпь на рану дезинфицирующего состава, но малейшее загрязнение, и парню... -- Не закончив фразу, Миллер умолк.

-- Делай, как знаешь, командир, -- подражая тягучей речи янки, проговорил, поднимаясь с земли, Мэллори. Капрал поднял глаза, удивление сменилось весельем, затем снова склонился над раненым. Занятый делом, янки не замечал, что его бьет дрожь. Мэллори вспомнил, что, несмотря на плащ, Миллер, странное дало, насквозь мокрый.

-- Занимайся им, а я поищу укрытие, -- сказал капитан, решив, что в горе с щебенистой осыпью у подножия наверняка отыщется какое-то убежище, если не пещера. Правда, в дневное время. А сейчас можно рассчитывать лишь на счастливый случай...

Кейси Браун с посеревшим от усталости и угарного газа лицом, покачиваясь, поднялся на ноги и направился к проходу в камнях.

-- Куда вы, главстаршина?

-- Принесу остальное барахло, сэр.

-- Один справитесь? -- пристально посмотрел на Брауна капитан. -- Вид ваш мне не очень-то по душе.

-- Мне тоже, -- ответил Браун. Посмотрев на капитана, он добавил: -- Не обижайтесь, сэр, но и вы давно не видели себя в зеркале.

-- В ваших словах есть смысл, -- согласился Мэллори. -- Ну, пошли. Я с вами.

Минут десять на пятачке у каменной глыбы стояла тишина, иногда нарушаемая негромкими голосами Миллера и Андреа, которые накладывали шину, да стонами раненого, испытывавшего адскую боль и тщетно пытавшегося вырваться у них из рук. Наконец, морфий подействовал, и Миллер смог работать без помех после того, как Андреа натянул над ними плащпалатку. Она служила двум целям: защищала от мокрого снега и экранировала узкий пучок фонаря, который держал в свободной руке Андреа. Вправив, забинтовав сломанную ногу и наложив на нее надежную шину, Миллер поднялся на ноги, выпрямляя занемевший позвоночник.

-- Слава Богу, закончили, -- произнес он устало и кивнул на Стивенса. -- Я и сам чувствую себя не лучше его. -- И замер, предостерегающе подняв руку. -- Слышу какой-то звук, -- прошептал он Андреа на ухо.

-- Это Браун возвращается, дружище, -- засмеялся грек. -- Я уже с минуту слышу его шаги.

-- Почему ты думаешь, что это именно Браун? -- удивился американец, досадуя на себя самого, и убрал пистолет в карман.

-- Браун знает, как следует передвигаться в горах, -- объяснил Андреа, -- но он устал. Что же касается капитана Мэллори... -- Грек пожал плечами. -- Мне дали кличку Большая кошка, но среди гор и скал капитан ступает легче кошки. Он движется как призрак. На Кипре его так и звали. Лишь когда Мэллори коснется твоего плеча, ты узнаешь, что он рядом.

-- Вы бы, ребята, не очень-то тут ползали, -- зябко поежился Миллер. Подняв глаза, он увидел Брауна, который появился из-за валуна. Тот двигался неверной походкой выбившегося из сил человека. -- Привет, Кейси. Как дела?

-- Ничего. Бывает хуже, -- ответил Браун, поблагодарив грека, который снял у него с плеча и легко опустил на землю ящик с взрывчаткой. -- Это последний. Капитан меня с ним отправил. Неподалеку от обрыва мы услышали голоса. Он остался, чтобы послушать, что скажут немцы, заметив исчезновение Стивенса. -- Кейси тяжело опустился на ящик. -- Может, узнает, чтоб они намерены предпринять.

-- Лучше б тебя там оставил, а сам пер этот треклятый ящик, -- проворчал янки, разочарованный в Мэллори. -- Сил-то сохранил побольше. Черт бы его побрал, он... -- Миллер умолк и болезненно поморщился. Пальцы Андреа клещами впились ему в локоть.

-- Напрасно ты так о нем отзываешься, приятель, -- укоризненно проговорил грек. -- Похоже, ты забыл, что Браун не понимает по-немецки?

Сердясь на себя, Миллер потер локоть и покачал головой.

-- Вечно я со своим длинным языком, -- сокрушенно произнес капрал. -- Не зря меня прозвали: "Миллер-Который-Любит-Высовываться". Прошу прощения... Что у нас теперь на повестке дня, джентльмены?

-- Капитан велел уходить в скалы по правому отрогу горы. -- Большим пальцем Кейси ткнул в сторону темного пятна, грозно нависшего над ними. -- Минут через пятнадцать он нас догонит. -- Браун устало улыбнулся, посмотрев на капрала. -- Сказал, чтоб мы оставили ему ящик и рюкзак.

-- Помилуй, -- взмолился Миллер. -- Я и сам себе кажусь ростом с гнома. -- Посмотрев на Стивенса, лежащего без сознания под тентом, перевел взгляд на грека. -- Пожалуй, Андреа...

-- Конечно, конечно, -- тот быстро нагнулся, закутал в

дождевик юного лейтенанта и без труда выпрямился.

-- Пойду впереди, -- вызвался Миллер. -- Может, поровней дорогу вам со Стивенсом выберу. -- Закинув через плечо взрывную машинку и рюкзаки, капрал даже присел: он и не подозревал, что настолько сдал. -- Для начала, -- поправился он. -- А потом ты нас обоих потащишь.

При расчете времени, необходимого для того, чтобы догнать Брауна и остальную группу, Мэллори namного ошибся. Прошло больше часа, а он все не мог напасть на след своих товарищей. С двумя пудами на спине не очень-то поспешишь.

Не только он был повинен в задержке. Оправившись от неожиданного открытия, немцы снова принялись осматривать поверхность утеса, действуя дотошно и медленно. Мэллори опасался, что кто-нибудь из солдат вздумает спуститься по раструбу вниз. Отверстия от крючьев тотчас бы выдали присутствие диверсионного отряда. Но никому из немцев мысль эта и в голову не пришла. Они, видно, решили, что часовой сорвался и разбился насмерть. После бесплодных поисков солдаты о чем-то долго совещались, но тем дело и закончилось. Поставив нового дозорного, немцы собрали свою поклажу и двинулись вдоль утеса.

Что-то уж очень быстро оторвались от него друзья. Правда, рельеф местности улучшился. Метров через пятьдесят рассыпанные у подножия склона валуны стали попадаться гораздо реже, сменившись щебенистой осыпью и влажно блестящей галькой. Может, он с ними разминуся? Вряд ли. Сквозь пелену смешанного с градом дождя замечен был голый склон, но никого на нем не было видно. Кроме того, Андреа не станет останавливаться, пока не отыщет хотя бы сносное укрытие, а здесь, на каменистых отрогах, нет ничего, и отдаленно похожего на убежище.

На друзей и их укрытие Мэллори наткнулся совершенно случайно. Он перелезая через узкую длинную грядку, как вдруг откуда-- то снизу услышал гул голосов и заметил тусклое пятно фонаря, пробивавшегося сквозь ткань брезента, который свешивался с карниза над нишей у его ног.

Почувствовав на своем плече чью-то руку, Миллер вздрогнул всем телом и круто обернулся. Увидев капитана, он сунул пистолет снова в карман и оперся спиной о скалу.

-- Полегче с оружием! -- произнес Мэллори, снимая с натруженных плеч лямки, и удивленно посмотрел на улыбающегося грека. -- Что за веселье?

-- Сию минуту я объяснял одному нашему другу, -- снова усмехнулся Андреа, -- что он узнает, что ты рядом, лишь когда коснешься его плеча. А он, по-моему, не поверил.

-- Хотя бы кашлянул или как-то еще предупредил, -- оправдывался Миллер. -- Нервы у меня ник черту, шеф. Совсем не то, что двое суток назад.

Недоверчиво посмотрев на капрала, Мэллори хотел ему ответить, но осекся, увидев бледное как пергамент лицо Стивенса с рюкзаком под головой, обмотанной бинтом. Юноша пристально смотрел на капитана.

-- Наконец-то оклемался, -- улыбнулся Мэллори, глядя в бескровное, как у мертвеца, лицо. Стивенс в ответ раздвинул в улыбке бледные губы. -- Как себя чувствуешь, Энди?

-- Ничего, сэр. Нет, правда. -- В темных глазах юноши застыло страдание. Скользнув рассеянным взглядом по забинтованной ноге, лейтенант вновь поднял глаза. -- Очень виноват, что так вышло, сэр, -- растерянно произнес юноша. -- Как глупо получилось, черт побери.

-- Это была не глупость, -- медленно, с расстановкой произнес капитан. -- Преступная халатность. -- Мэллори понимал, что на него смотрят все, но его заботил один Стивенс. -- Преступная и непростительная халатность, -- продолжал он ровным голосом. -- И преступник этот -- я. Я предполагал, что ты потерял много крови еще в лодке, но не знал, что у тебя на лбу такая рана. А знать следовало. -- Криво усмехнувшись,

новозеландец продолжал: -- Послушал бы ты, что мне наговорили эти два недисциплинированных типа, когда мы поднялись на скалу... И они были правы. В таком состоянии тебя нельзя было оставлять внизу одного. Я, видно, рехнулся. -- Мэллори вновь усмехнулся. -- Надо было поднять тебя, как куль с углем, по примеру Миллера и Брауна, этого неустрашимого дуэта альпинистов... Не могу понять, как ты сумел подняться. Да ты и сам не знаешь, я в этом уверен. -- Подавшись вперед, Мэллори коснулся здорового колена юноши. -- Прости, Энди, честное слово, я не представлял себе, что тебе так досталось.

Стивенс смутился и в то же время обрадовался, бледные щеки его окрасились румянцем.

-- Не надо, сэр, -- умоляюще произнес он. -- Так уж получилось. -- Он умолк, пронизанный нестерпимой болью в изувеченной ноге. -- Похвалы я не заслуживаю, -- продолжал он спокойно. -- Вряд ли я помню, как поднимался.

Удивленно выгнув брови, Мэллори смотрел на юношу, не перебивая его.

-- Я перепугался до смерти, -- признался Стивенс, не удивляясь своим словам, которые прежде ни за что не осмелился бы произнести. -- Никогда еще за всю свою жизнь я не испытывал такого страха.

Качая головой, Мэллори поскреб щетинистый подбородок. По-видимому, он был действительно изумлен. Посмотрев на Стивенса, он лукаво улыбнулся.

-- Оказывается, ты еще новичок в этих играх, Энди. -- Капитан снова улыбнулся. -- Ты думаешь, я смеялся и распевал песни, поднимаясь по скале? Думаешь, я не испытывал страха? -- Закурив сигарету, новозеландец посмотрел сквозь клубы дыма на юношу. -- Страх -- это не то слово. Я цепенел от ужаса. Да и Андреа тоже. Мы повидали всякого, поэтому не могли не бояться.

-- Андреа? -- засмеялся Стивенс, ко тут же вскрикнул от боли в ноге. Мэллори решил было, что тот потерял сознание, но юноша продолжал хриплым голосом. -- Андреа! -- прошептал он. -- Не может быть.

-- Андреа действительно испытывал страх, -- ласково проговорил рослый грек. -- Андреа и сейчас испытывает страх. Андреа всегда испытывает чувство страха. Потому-то я и цел. -- Он посмотрел на свои большие руки. -- Потому-то столько людей погибло. Они не испытывали чувства страха. Не боялись того, чего следует постоянно бояться, забывали, что следует остерегаться, быть начеку. Андреа же боялся всего и ничего не упускал из виду. Вот и вся разгадка.

Посмотрев на юношу, грек улыбнулся.

-- На свете не бывает ни храбрецов, ни трусов, сынок. Храбрецы все. Для того чтобы родиться, прожить жизнь и умереть, нужно быть храбрецом. Мы все храбрецы, и все мы боимся. Человек, который слышит смельчаком, тоже храбр и испытывает страх, как и любой из нас. Только он храбр на пять минут больше. Иногда на десять или двадцать или столько, сколько требуется больному, истекающему кровью, испуганному мальчишке, чтобы совершить восхождение на скалу.

Стивенс молчал, потупив взор. Никогда еще он не был так счастлив, не испытывал такого внутреннего удовлетворения. Он давно понял, что таких людей, как Андреа и Мэллори, не проведешь, однако он не знал, что друзья не придадут никакого значения тому, что он боится. Стивенс хотел что-то ответить, но не находил слов. Ко всему, он смертельно устал. В глубине души он верил, что Андреа говорит правду, но не всю правду. Юноша был слишком измучен, чтобы разобраться, в чем же дело. Миллер громко прокашлялся.

-- Хватит трепаться, лейтенант, -- произнес он решительно.

-- Ложись, тебе надо поспать.

Стивенс изумленно посмотрел на американца, потом перевел взгляд на Мэллори.

-- Делай, что велено, -- улыбнулся тот. -- Слушай своего хирурга и врача-консультанта. Это он наложил тебе на ногу шину.

-- Неужели? Я и не знал. Спасибо, Дасти. Пришлось вам... нелегко со мной?

-- Для такого спеца, как я? -- небрежно взмахнул рукой Миллер. -- Обычный перелом, -- соврал он с легким сердцем. -- Любой бы справился... Помоги-ка ему лечь, Андреа. -- Кивнув головой капитану, янки произнес:-- На минуту, шеф.

Выйдя из пещеры, оба отвернулись .от ледяного ветра.

-- Нужен огонь и сухая одежда для парня, -- озабоченно проговорил Миллер. -- Пульс у него около ста сорока, температура под сорок. Началась лихорадка. Он слабеет с каждой минутой.

-- Знаю,-- ответил Мэллори с тревогой в голосе. -- Но где найдешь топливо на этой треклятой горе? Зайдем в пещеру, соберем сухую одежду, какая найдется.

Приподняв полог, капитан вошел. Стивенс не спал. Браун и Андреа лежали по бокам. Миллер присел на корточки.

-- На ночевку останемся здесь, -- объявил Мэллори. -- Поэтому устроимся поудобнее. Правда, мы слишком близко от утеса, но фрицы не знают, что мы на острове, да и с побережья нас не видно. Так что мы вправе позволить себе некоторый комфорт.

-- Шеф... -- начал было Миллер, но замолчал. Капитан удивленно посмотрел на него и заметил, что капрал, Браун и Стивенс смущенно переглядываются. Поняв, что стряслась беда, Мэллори требовательным голосом спросил:

-- В чем дело? Что случилось?

-- Неважные новости, шеф, -- издалека начал американец. -- Надо было сразу сказать. Но каждый понадеялся на другого... Помнишь часового, которого вы с Андрей сбросили со скалы?

Мэллори мрачно кивнул, поняв, что дальше скажет янки.

-- Он упал на риф метрах в шести или девяти от подножия утеса, -- продолжал капрал. -- Останки его застряли между двух каменных обломков. Причем прочно.

-- Понятно, -- пробормотал Мэллори. -- А я-то все ломал голову, как ты умудрился так промокнуть под прорезиненным плащом.

-- Четыре раза пробовал снять его с камней, шеф, -- спокойно ответил капрал. -- Ребята меня держали за веревку. -- Пожав плечами, он добавил: -- Ни черта не вышло. Все время волны отбрасывали меня к скале.

-- Часа через три-четыре рассветет, -- проговорил Мэллори. -- Четыре часа спустя немцы узнают, что мы на острове. Как только развиднеется, они заметят убитого и отправят лодку, чтобы выяснить, в чем дело.

-- Ну и что? -- возразил Стивенс. -- Разве часовой не мог упасть?

Отодвинув в сторону брезент, Мэллори выглянул наружу. Похолодало, шел снег. Капитан опустил полог.

-- У нас пять минут, -- произнес он рассеянно. -- Через пять минут уходим. -- Посмотрев на Стивенса, новозеландец слабо улыбнулся. -- Мы не сказали тебе. Дело в том, что Андреа убил часового ударом ножа в сердце.

Следующие несколько часов были сплошным кошмаром. Казалось, их путешествию не будет конца. Люди спотыкались, скользили, падали и вновь поднимались. Тело болело, мышцы сводило судорогой, поклажа падала. Приходилось отыскивать ее на ощупь в снегу. Людей мучил голод, жажда. Все вконец изнемогли.

Теперь группа возвращалась в ту же сторону, откуда отправилась в путь, двигаясь на восток-- север по отрогу горы. Наверняка немцы решат, что диверсанты ушли на север, к центру острова. Без компаса, не видя звезд и луны, которые послужили бы ориентирами, Мэллори шел по склону, руководствуясь инстинктом и запечатленной в памяти картой, которую показал ему в Александрии месье Влакос. Капитан был твердо уверен, что они обогнули гору и продвигаются тесной ложиной в глубь острова.

Главным их врагом был снег. Тяжелый и влажный, он кружил вокруг плотной серой массой, проникал за ворот, в ботинки,

попадал под одежду, в рукава, лез в глаза, уши, рот. От него стыло лицо, руин немели, превращаясь в ледышки. Доставалось всем, на больше других страдал Стивенс. Спустя несколько минут после того, как отряд покинул пещеру, он вновь потерял сознание. В мокрой одежде, прилипшей к телу, он был лишен даже того тепла, которое вырабатывает человек при движении. Дважды Андреа останавливался и наклонялся к юноше убедиться, что у него бьется сердце. Но жив ли он, узнать было невозможно: руки грека потеряли чувствительность, он выпрямлялся и, спотыкаясь, шел дальше.

Часов в пять утра, когда группа карабкалась вдоль ущелья по предательски скользкому склону к гребню горы, на которой росло несколько низкорослых рожковых деревьев, Мэллори решил, что в целях безопасности им следует связаться вместе. Минут двадцать группа гуськом поднималась по склону, становившемуся все круче. Идя впереди, Мэллори боялся оглянуться и посмотреть, каково приходится Андреа. Неожиданно подъем окончился, они очутились на ровной площадке, обозначавшей перевал, и, по-прежнему связанные друг с другом, стали пробиваться при нулевой видимости сквозь слепящую пелену снега, спускаясь, словно на лыжах, вниз.

До пещеры добрались на рассвете, когда в восточной части неба на фоне снежной круговерти стали возникать серые полосы -- приметы унылого, безрадостного утра. По словам мосье Влакоса, вся южная часть острова Наварено изрыта сотами пещер. Пещера, которую они обнаружили, была пока единственной. Точнее говоря, то был темный, узкий проход среди хаотически разбросанных глыб вулканического происхождения, засыпавших ущелье, спускающееся к обширной долине, которая осталась в трехстах или шестистах метрах от них, -- долине, все еще скрытой в ночной мгле.

Какое-никакое, но для замерзших, измученных людей, мечтающих о том, чтобы уснуть, то было укрытие. Места хватало всем, немногие щели, через которые проникал снег, быстро заткнули, вход завесили пологом, прижав его булыжниками. В тесноте и темноте со Стивенса сняли мокрую одежду и, засунув его в спальный мешок, снабженный сбоку молнией, влили в рот юноше бренди, а под голову, обмотанную бинтами в пятнах крови, сунули грудку сухого тряпья. Потом все четверо, даже неутомимый Андреа, рухнули на покрытую сырым снегом землю и уснули мертвецким сном, не чувствуя ни острых камней под собой, ни холода, забыв про голод. Уснули, не сняв мокрой, липнущей к телу одежды и не ощущая боли, когда начали отходить заочневшие руки и лица.

Глава седьмая. ВТОРНИК. 15.00--19.00

Тусклое, в ореоле лучей, солнце, пробивавшееся сквозь снеговые тучи, давно пройдя точку зенита, катилось на запад к заснеженному, словно нарисованному отрогу горы. Приподняв край полога, Андреа чуть отодвинул его в сторону и с опаской посмотрел вниз, куда сбегала лощина. Постоял неподвижно несколько мгновений, растирая затекшие мышцы ног и щурясь от ослепительного блеска снега. Потом выбрался из убежища, в несколько шагов достигнув края впадины, лег у края и осторожно выглянул.

Книзу открывалась панорама почти симметричной долины, словно вырвавшейся из тесных объятий крутых горных склонов и плавным изгибом уходившей на север. Андреа узнал похожую на крепость, возвышавшуюся справа над головой долины темную громаду. Вершина ее была покрыта шапкой снеговых туч. Это Костос, самая высокая на острове Навароне гора. Ночью они преодолели ее западный склон. На востоке, милях в пяти, уходила ввысь третья гора, лишь немногим ниже Костоса. Северный ее склон круто обрывался, переходя внизу в равнину, расположенную

в северо-восточной части острова. А милях в четырех, на северо-северо-востоке, много ниже снеговой линии и редких пастушьих хижин, в ложине, вдоль берега черной извилистой речки выстроились дома с плоскими крышами. Не иначе, как селение Маргарита.

Запечатлевая в памяти топографию долины, вглядываясь в каждую западину и расселину в скалах, Андреа пытался определить, какой именно посторонний звук две минуты назад прорвал оболочку сна, заставив его мгновенно очнуться и вскочить на ноги. И вот он снова возник, этот звук, трижды раздавшийся в течение трех секунд. Пронзительная трель свистка прозвучала повелительно и, отразившись от склонов горы Костос, умолкла, покатила эхом вниз. Отпрянув назад, Андреа спустился на дно овражка.

Полминуты спустя он вновь очутился у кромки овражка, прижимая к глазам окуляры бинокля системы Цейс-Икон. Нет, он не ошибся. По склону Костоса растянутой неровной цепочкой медленно поднимались двадцать пять -- тридцать солдат, осматривая каждую впадину, каждую грудку камней. На каждом солдате белый маскировочный халат с капюшоном, но даже с расстояния двух миль обнаружить их было несложно: у каждого из-за спины торчали лыжи; заостренные их концы, черневшие на фоне снежного покрова, качались, когда солдаты, словно пьяные, спотыкались и падали на скользком склоне. Время от времени немец, находившийся у середины цепочки, взмахивал альпенштоком, видно, давая какие-то указания. Он-то и свистел, догадался Андреа.

-- Андреа! -- послышалось из пещеры. -- Что-нибудь случилось?

Обернувшись, грек прижал палец к губам. Заросший щетиной, в мятой одежде, Мэллори тер ладонью налитые кровью глаза, пытаясь окончательно прогнать сон. Повинуясь жесту Андреа, капитан захромал в его сторону. Каждый шаг причинял боль. Стертые в кровь пальцы распухли и слиплись. С тех пор, как он снял ботинки с часового, новозеландец не разувался, а теперь и вовсе не решался взглянуть, что у него с ногами... С трудом вскарабкавшись по склону овражка, он опустился на снег рядом с Андреа.

-- Гости пожаловали?

-- Глаза бы мои не видели таких гостей, -- буркнул Андреа. -- Взгляни-ка, Кейт. -- Протянув капитану бинокль, грек показал в сторону подножия горы Костос. -- Твой друг Дженсен не предупредил, что они на острове.

Мэллори методично осматривал склон; внезапно в поле зрения бинокля возникла цепочка солдат. Приподняв голову, он нетерпеливо повернул фокусировочное кольцо и, бегло взглянув на солдат, медленно опустил бинокль, о чем-то задумавшись.

-- Горно-пехотная часть.

-- Да, это егеря, -- согласился Андреа. -- Из корпуса альпийских стрелков. Очень они не вовремя появились.

Мэллори кивнул, скребя заросший щетиной подбородок.

-- Уж они-то нас непременно отыщут. -- С этими словами капитан снова вскинул бинокль. Дотошность, с какой действовали немцы, настораживала. Но еще больше настораживала и пугала неотвратимость встречи с медленно приближающимися крохотными фигурками. -- Непонятно, что тут делают альпийские стрелки, продолжал Мэллори. -- Но факт тот, что они здесь. Должно быть, им известно, что мы высадились. Видно, все утро прочесывали седловину к востоку от Костоса -- самый короткий маршрут к центру острова. Ничего там не обнаружив, принимают за другой склон. Вероятно, они догадались, что с нами раненый и далеко уйти мы не могли. Рано или поздно они нас обнаружат, Андреа.

-- Рано или поздно, -- эхом отозвался грек. Взглянув на заходящее солнце на потемневшем небе, он заметил: -- Через час, самое позднее, полтора. Не успеет зайти солнце, как немцы нагрянут. Нам не уйти. -- Андреа пристально взглянул на капитана. -- Парня мы оставить не сможем. А если возьмем его с собой, то не сможем уйти от преследования, а он погибнет.

-- Здесь нам оставаться нельзя, -- решительно проговорил Мэллори. -- Если останемся, то все погибнем. Или очутимся в

одной из тех темниц, о которых рассказывал месье Влакос.

-- Иллюстрация преимущества больших чисел, -- кивнул головой Андреа. -- Так и должно быть, не так ли, Кейт? Цель оправдывает средства, как сказал бы каперанг Дженсен.

Мэллори пожал плечами, но ответил довольно твердым голосом:

-- Я тоже так считаю, Андреа. Арифметика простая; там тысяча двести, здесь один. Тут уж ничего не поделаешь, -- устало закончил новозеландец.

-- Понимаю. Но ты напрасно расстраиваешься, -- улынулся Андреа. -- Пошли, старина. Сообщим нашим друзьям приятное известие.

При появлении Андреа и Мэллори, которые вошли, запахнув за собой полог, капрал поднял глаза. Миллер расстегнул спальный мешок, в котором лежал Стивенс, и при свете карманного фонарика, лежавшего на спальном мешке, обрабатывал ему изувеченную ногу.

-- Когда мы позаботимся о мальчишке, командир? -- сердито произнес американец, ткнув пальцем в сторону спящего. -- Этот водонепроницаемый спальник, будь он неладен, насквозь промок. И мальчик тоже. Совсем закован. Я потрогал его ногу, она словно кусок мороженой говядины. Ему нужно согреться, шеф. Нужно теплое помещение и горячее питье, иначе ему крышка. В ближайшие же сутки. -- Зябко передернув плечами, Миллер медленно обвел взглядом неровные стены каменного их гнезда. -- Попади он даже в первоклассный госпиталь, шансы у него были бы невелики... В этом окаянном леднике он лишь силы последние теряет.

Миллер был недалеко от истины. Снег на валунах таял, и вода стекала сверху по липким замшелым стенам или капала на пол пещеры, покрытый снежной жижей, смешанной с полумерзшим гравием. Без вентиляции и стока воды воздух в убежище был сырым, спертым и холодным.

-- Как знать, может, он попадет в госпиталь раньше, чем ты думаешь, -- сухо заметил Мэллори. -- Как у него с ногой?

-- С ногой хуже, -- признался капрал. -- Много хуже. Я положил на рану еще горсть лекарства и снова ее перевязал. Это все, что в моих силах, командир. Мы напрасно тратим время... А что это за треп ты подпустил насчет госпиталя? -- спросил он недоверчиво.

-- Это не треп, -- откровенно ответил Мэллори, -- а суровая действительность. Сюда идет отряд егерей. С ними шутки плохи. Эти непременно нас найдут.

-- Этого еще не хватало, -- злобно выругался американец. -- И далеко они, командир?

-- Через час или чуть позже будут здесь.

-- А что делать с парнем? Может, оставить? Это для него единственная возможность уцелеть.

-- Стивенса возьмем с собой, -- решительно заявил капитан. Миллер посмотрел на него с осуждением.

-- Стивенса возьмем с собой, -- повторил янки. -- Будем таскать, пока не помрет -- а произойдет это скоро, -- тогда бросим его на снег. Так, да?

-- Да, так, Дасти. -- Рассеянным жестом Мэллори стряхнул с себя снег и вновь посмотрел на американца. -- Стивенс слишком много знает. Немцам известно, что мы на острове, но неизвестно, как мы намерены проникнуть в крепость и когда начнется эвакуация гарнизона Кероса. А Стивенсу это известно. Они заставят его говорить. Скополамин любому язык развяжет.

-- Скополамин? Умирающему? -- недоверчиво произнес Миллер.

-- А что тут особенного? Я сам бы прибегнул к этому средству. Если б ты был комендантом крепости и знал, что в любую минуту твои орудия и полгарнизона могут взлететь на воздух, то сделал бы то же самое. Посмотрев на капитана, Миллер покачал головой.

-- Опять я...

-- Знаю, знаю. Со своим длинным языком, -- засмеялся Мэллори и хлопнул американца по плечу. -- Мне это тоже не по душе, Дасти. -- Повернувшись, он направился в другой конец пещеры.-- Как себя чувствуете, главстаршина?

-- Ничего, сэр.-- Только что проснувшись, Браун дрожал от холода в своей мокрой одежде. -- Какие-нибудь неприятности?

-- Уйма, -- заверил его Мэллори. -- Сюда направляется поисковая группа. В течение получаса нам надо смотаться. -- Взглянув на часы, капитан произнес: -- Сейчас ровно четыре. Как думаете, сумеете связаться с Каиром?

-- Бог его знает, -- признался Браун, вставая на затекшие ноги. -- Вчера с рацией не слишком бережно обращались. Попытаюсь.

-- Спасибо, главный. Смотрите, чтобы антенна не высывалась выше кромки оврага. -- Мэллори собрался было выйти из пещеры, но тут взгляд его упал на Андреа, который сидел на камне возле самого входа в укрытие. Склонившись к автоматическому карабину системы "маузер" калибра 9,2 мм к прикрутив к его стволу оптический прицел, грек старательно заворачивал оружие в белый вкладыш от спальника.

Мэллори молча наблюдал. Вскинув на капитана глаза, Андреа улыбнулся и, поднявшись, протянул руку к рюкзаку. Через полминуты, надев белый маскировочный костюм и завязав под подбородком тесемки капюшона, он всунул ноги в эластичные голенища брезентовых сапог. Затем поднял карабин и с виноватой улыбкой произнес:

-- Схожу прогуляюсь, капитан. Конечно, с твоего разрешения.

Вспомнив недавно произнесенную Андреа фразу, Мэллори медленно кивнул.

-- Вот что ты имел в виду, говоря, чтобы я зря не расстраивался. Так бы сразу и сказал. -- Но в голосе Мэллори не было ни возмущения, ни досады за своеволие Андреа. Этому греку не очень-то прикажешь. Когда он ждет одобрения своих действий по тому или иному поводу или при каких-- то обстоятельствах, то делает это лишь из вежливости, как бы предупреждая, что именно намерен предпринять. На этот же раз капитан испытывал не возмущение, а чувство облегчения и признательности.

Капитан толковал с Миллером о том, что Стивенса придется нести с собой, а затем бросить. Говорил с деланным равнодушием, пряча свою боль и горечь. И лишь теперь, когда стало известно, что принимать такое решение нет нужды, Мэллори понял, как трудно было бы ему это сделать.

-- Прошу прощения, -- произнес Андреа со смущенной улыбкам. -- Конечно, следовало сказать. Но я думал, ты меня понял... Ведь это лучшее решение, верно?

-- Лучшее, -- согласился капитан. -- Хочешь отвлечь их, увести вверх?

-- Другого выхода нет. Если спускаться в долину, на лыжах они меня в два счета догонят. Разумеется, вернуться я смогу лишь, когда стемнеет. Вы останетесь здесь?

-- Кто-нибудь да останется. -- Мэллори посмотрел на Стивенса. Проснувшись, тот тер глаза и пытался сесть. -- Нам необходимы продовольствие и топливо, Андреа, -- продолжал вполголоса капитан. -- Ночью я хочу спуститься в долину.

-- Конечно. Надо сделать все, что в наших силах, -- едва слышно, с серьезным лицом ответил грек. -- Пока это возможно. Он еще так молод, почти мальчик... Может, не так и долго придется стараться. -- Отогнув полог, Андреа взглянул на вечернее небо.-- К семи вернусь.

-- К семи, -- повторил капитан. Небо темнело, как темнеет оно перед снегопадом. Поднялся ветер, гнавший пушистые белые облачка, которые забивались в лошину. Мэллори поежился и сжал крепкую руку товарища. -- Ради Бога, Андреа, -- негромко, но настойчиво произнес новозеландец. -- Побереги себя!

-- Побережись? Мне? -- безрадостно улыбнулся Андреа и осторожно высвободил свою руку из руки капитана.-- Обо мне не тревожься, -- спокойно проговорил он. -- Если хочешь помолиться, то моли Бога о спасении этих несчастных, которые

нас разыскивают. -- С этими словами грек опустил полог и исчез.

Постояв в нерешительности в устье пещеры, Мэллори смотрел невидящим взглядом сквозь щель между брезентом и скалой. Затем круто повернулся и, подойдя к Стивенсу, опустился на колени. Миллер бережно поддерживал голову юноши. В тусклых глазах лейтенанта застыло безразличие, пергаментные щеки ввалились. Новозеландец улыбнулся, чтобы скрыть, насколько он потрясен увиденным зрелищем.

-- Так, так, так. Проснулась спящая красавица. Лучше поздно, чем никогда. -- Открыв водонепроницаемый портсигар, протянул его раненому. -- Как себя чувствуешь, Энди?

-- Закоченел, сэр. -- Стивенс мотнул головой, отказываясь от сигареты. От жалкой его улыбки у капитана заныло сердце.

-- Как нога?

-- Тоже, думаю, закованела. -- Лейтенант скользнул равнодушным взглядом по забинтованной ноге. -- Совсем ее не чувствую.

-- Закоченела, скажет тоже! -- фыркнул Миллер, мастерски изображая уязвленную гордость. -- Какая неблагодарность, черт возьми! Где еще ты встретишь такое медицинское обслуживание?

На лице Стивенса мелькнула тень улыбки и тотчас исчезла. Он долго разглядывал свою ногу, потом в упор посмотрел на Мэллори.

-- К чему ломать комедию, сэр? -- негромким и монотонным голосом спросил лейтенант. -- Не хочу, чтоб вы сочли меня неблагодарным. И такого героя не хочу изображать. Но ведь я такая вам обуза, и поэтому...

-- Поэтому мы должны бросить тебя? -- прервал его Мэллори. -- Чтоб ты замерз или угодил в плен? Выбрось это из головы, приятель. Мы сумеем о тебе позаботиться... И эти проклятые пушки взорвем.

-- Но послушайте, сэр...

-- Обижает, лейтенант, -- снова скривился янки. -- Мы задеты в своих лучших чувствах. Кроме того, как специалист, я должен долечить своего пациента. Я не собираюсь это делать в вонючей немецкой камере...

-- Достаточно! -- поднял руку Мэллори. -- Вопрос решен. -- Увидев пятно румянца на худых скулах юноши, заметив благодарность, которая засветилась в потухших его глазах, капитан почувствовал отвращение к самому себе и стыд. Ведь раненый не понимал, что ими движет не забота о товарище, а опасение, что тот может их выдать... Наклонясь, Мэллори принялся расшнуровывать свои высокие штиблеты.

-- Дасте, -- проговорил он, не поднимая головы.

-- Чего?

-- Когда тебе надоест распространяться о своем лекарском искусстве, может, испробуешь его и на мне? Взгляни, что у меня случилось с ногами, ладно? Боюсь, от трофейных ботинок прок невелик.

Спустя пятнадцать минут, причинивших новозеландцу немало страданий, капрал обрезал неровные края липкого пластыря, обмотанного вокруг правой ступни Мэллори, и, выпрямившись, с удовлетворением посмотрел на дело своих рук.

-- Отличная работа, Миллер, -- похвалил он самого себя. -- Такой и в балтиморском госпитале Джона Гопкинса не увидишь...

-- Янки внезапно умолк, задумчиво уставясь на потолстевшие ступни Мэллори, и виновато кашлянул. -- Мне тут пришла в голову одна мыслишка, шеф.

-- Давно пора, -- хмуро ответил капитан. -- Как я теперь всуну ноги в эти проклятые башмаки? -- Он зябко повел плечами, натягивая толстые шерстяные носки, к которым прилип мокрый снег, и с отвращением посмотрел на немецкие штиблеты, которые держал в вытянутой руке. -- Седьмой размер, самое большое, да еще и узкие, будь они неладны!

-- Девятый, -- проронил Стивенс, протягивая капитану свои ботинки. Один из них сбоку был аккуратно разрезан. -- Залатать башмак пара пустяков. На кой бес они мне теперь. Прошу вас, сэр, не возражайте. -- Юноша была засмеялся, но тотчас скривился от адской боли в ноге и побелевшими губами прибавил:

-- В первый и, видно, последний раз поспособствую успеху операции. Интересно, какую медаль мне дадут за это, сэр?

Взяв ботинки, Мэллори внимательно посмотрел на Стивенса, но в эту минуту распахнулся брезентовый полог. Неуверенной походкой вошел Кейси Браун. Опустил на землю рацию и телескопическую антенну, достал портсигар. Окоченевшие пальцы не повиновались, и сигареты упали в грязь. Браун беззлобно выругался, ощупал нагрудные карманы и, не найдя того, что искал, махнул рукой, садясь на камень. Вид у Кейси был измученный и несчастный.

Закурив сигарету, капитан протянул ее шотландцу.

-- Как дела, Кейси? Удалось поймать Каир?

-- Меня самого поймали. Прием, правда, был отвратительный.

-- Браун с наслаждением затянулся. -- Они меня не слышали. Наверно, гора, что к югу от нас, мешает, будь она неладна.

-- Возможно, -- кивнул головой Мэллори. -- Что новенького сообщили наши каирские друзья? Призывают удвоить усилия? Подгоняют?

-- Ничего нового. Страшно обеспокоены нашим молчанием. Заявили, что будут выходить в эфир каждые четыре часа вне зависимости от того, получают от нас подтверждение или нет. Раз десять повторили, на этом передача закончилась.

-- Очень нам помогут, -- саркастически заметил Мэллори. -- Приятно знать, что они на нашей стороне. Самое главное -- это моральная поддержка. -- Ткнув большим пальцем в сторону устья пещеры, он присовокупил: -- Эти немецкие ищейки наложат полные штаны, узнав, кто за нами стоит... Ты хоть посмотрел на них, прежде чем прийти сюда?

-- А чего на них смотреть? -- хмуро отозвался Браун. -- Я слышал их голоса. Вернее, слышал, как кричал офицер, отдавая распоряжения. -- Машинально подняв автомат, Кейси загнал в магазин обойму. -- Они меньше чем в миле отсюда.

Цепь альпийских стрелков, сомкнувшись теснее, находилась меньше чем в полумиле от пещеры. Заметив, что правый фланг, поднимавшийся по более крутому южному склону, снова отстает, обер-лейтенант трижды свистнул, подтягивая солдат. Пронзительные трели дважды отразились от заснеженных склонов, а третий сигнал замер, перейдя в долгий залихватый вопль. Постояв несколько мгновений с искаженным мукой лицом, обер-лейтенант, словно подкошенный, ничком рухнул в наст. Находившийся рядом здоровяк унтер-офицер изумленно посмотрел на убитого; поняв, что произошло, открыл в ужасе рот, но успел лишь вздохнуть и упал нехотя на командира. Последнее, что он услышал, был резкий, как удар бича, хлопок карабина.

Укрывшись между двумя валунами, усыпавшими западный склон горы Костос, Андреа смотрел в оптический прицел на суетливые фигурки, двигавшиеся в надвигающейся темноте. Он зарядил уже третью обойму. Лицо его было бесстрастно и неподвижно, как и веки, которые ни разу не вздрогнули от выстрелов. В глазах грека не было ни жестокости, ни безжалостности. Они ничего не выражали. Ум его был словно закован броней: Андреа понимал, что задумываться нельзя. Убить человека -- смертный грех. Человек не вправе лишить ближнего дара жизни. Даже в честном бою. Сейчас же шел не бой, а преднамеренное убийство.

Всматриваясь сквозь клубы дыма, повисшие в морозном воздухе, Андреа медленно опустил карабин. Немцев не видно: одни спрятались за камни, другие закопались в снег. Но они никуда не исчезли и по-прежнему представляют собой опасность. Скоро немцы опомнятся: горно-пехотные части отличаются решительностью и стойкостью, это лучшие в Европе войска, подумал Андреа. И тогда они догонят его, схватят и убьют, если это в человеческих силах. Вот почему первым грек сразил офицера. Тот, возможно, и не стал бы его преследовать, разгадав причину неспровоцированного обстрела отряда с фланга.

Андреа инстинктивно пригнулся: по груди камней впереди ударила автоматная очередь; отскочив, пули с диким воем пронеслись над головой. Этого следовало ожидать. Испытанный прием. Ринуться вперед под прикрытием огня, залечь, прикрыть товарища и снова бросок. Андреа поспешно вставил новую обойму в

магазин карабина и, припав к земле, дюйм за дюймом пополз, прячась за грядой камней, тянувшейся на пятнадцать–двадцать метров вправо от него, заранее наметив новую позицию для засады. Укрывшись за крайним камнем, грек надвинул на глаза капюшон и с опаской выглянул из-за валуна.

По камням, среди которых он перед этим скрывался, хлестнула еще одна автоматная очередь, и человек шесть, по трое с каждого фланга цепи, пригнувшись, бросились вперед и снова залегли в снегу. Бросились они в разные стороны. Наклонив голову, Андреа потер щетину тыльной стороной ладони. Вот досада. Егеря вовсе не собираются атаковать в лоб. Они растягивают цепь, загибая фланги в виде полумесяца. Неприятно, но выход из положения есть: сзади Андреа вьется вверх по склону ложбинка, которую он успел обследовать. Но одного он не предусмотрел: западным своим флангом цепь наткнется на пещеру, в которой укрылись его товарищи.

Перевернувшись на спину, Андреа посмотрел на вечернее небо. Оно темнело с каждой минутой, как темнеет перед снегопадом, видимость ухудшалась. Повернувшись обратно, он посмотрел на крутой склон Костоса с кое-где разбросанными по нему валунами, неглубокими, похожими на ямочки на гладких щеках, впадинами. Снова выглянул из-за валуна, когда егеря вновь открыли огонь, и, увидев, что кольцо смыкается, не стал больше ждать. Стреляя напропалую, Андреа привстал и, не снимая пальца со спускового крючка, побежал по затвердевшему насту к ближайшему укрытию, находившемуся самое малое в сорока метрах. Впереди еще тридцать пять, тридцать, двадцать метров, но не слышно ни единого выстрела. Он поскользнулся на осыпи, тут же ловко вскочил. Осталось десять метров, а он все еще цел и невредим. В следующее мгновение он упал навзничь и так ударился грудью и животом, что не сразу смог вздохнуть.

Придя в себя, Андреа вставил в магазин еще одну обойму и, рискуя, приподняв голову над валуном, снова вскочил на ноги. На все ушло секунд десять. Держа наперевес автоматический карабин, грек, не целясь, открыл огонь по карабкающимся вверх по склону егерям, занятый тем, чтобы не поскользнуться на уходящей вниз осыпи. В то мгновение, когда магазин у него опустел и от винтовки не было никакого прока, немцы разом открыли огонь. Пули свистели над головой, ударяясь о камень, поднимали ввысь слепящие облачка снега. Но на горы уже опускались сумерки, и на темном склоне Андреа казался быстро движущимся расплывчатым силуэтом. Попасть же в цель, находящуюся наверху, задача и в более благоприятных условиях непростая. Однако огонь немцев становился все ожесточеннее, медлить было нельзя ни секунды. Полы маскировочного халата взвились, точно крылья птицы, он нырнул вперед, пролетев последние три метра, и очутился в спасительной ложбинке.

Вытянувшись во весь рост, Андреа лег на спину, достал из нагрудного кармана стальное зеркало и приподнял над головой. Сначала он ничего не увидел: тьма на склоне сгущалась, да и зеркальце запотело. Но на морозном воздухе пленка пропала, и Андреа разглядел сначала двух, потом трех, потом еще шестерых солдат, которые, оставив укрытие, неуклюже карабкались по склону. Двое из преследователей приближались, оторвавшись от правого фланга цепи. Опустив зеркало, грек облегченно вздохнул, сощурился в улыбке. Посмотрел на небо, заморгал глазами; на веки падали первые хлопья снега. И снова улыбнулся. Неторопливо достал обойму, вставил ее в магазин.

-- Командир! -- Голос Миллера прозвучал невесело.

-- Да. В чем дело? -- Стряхнув снег с лица и ворота, Мэллори вглядывался в снежную мглу.

-- Когда ты учился в школе, ты читал про то, как люди во время бурана сбивались с пути и целыми днями кружили вокруг одного и того же места?

-- В Куинстауне у нас была такая книга, -- признался

новозеландец.

-- Кружили до тех пор, пока не гибли? -- продолжал капрал.

-- Брось болтать чепуху! -- нетерпеливо произнес Мэллори.

Даже в просторных ботинках Стивенса у него нестерпимо болели ноги. -- Как можем мы кружить, если мы все время спускаемся вниз? Мы что, черт побори, спускаемся по винтовой лестнице?

Обидевшись, Миллер шел, не говоря ни слова, рядом с капитаном. Три часа, прошедшие с того момента, как Андреа отвлек отряд егерей, шел сырой снег, прилипавший к ногам. Даже в середине зимы, насколько помнил Мэдлорн, в Белых горах на Крите не бывало такого снегопада. А еще твердят о вечно залитых солнцем островах Греции, подумал он с досадой. Капитан не ожидал такой grimасы природы, когда решил отправиться в Маргариту за продовольствием и топливом, и все равно он не переменил бы своего решения. Хотя Стивенс не так страдал теперь, он слабел с каждым часом, поэтому вылазка эта была крайне необходима.

Поскольку небо было затянуто снеговыми тучами, из-за чего видимость не превышала трех метров, ни луны, ни звезд наблюдать было нельзя, так что без компаса Мэллори был как без рук. Он не сомневался, что отыщет селение: надо лишь спускаться по склону, пока не наткнешься на ручей, сбегаящий по долине. А потом идти вдоль него на север до самой Маргариты. Другое дело -- как в такой снегопад отыскать на обширном склоне крохотное убежище...

Мэллори с трудом удержался, чтобы не вскрикнуть; схватив его за руку, капрал заставил новозеландца опуститься на колени в снег. Даже в эту минуту неведомой опасности капитан почувствовал досаду на самого себя за то, что витал мыслями в облаках... Прикрыв ладонью глаза от снега, он стал вглядываться в темноту сквозь влажную снежную кисею. Внезапно метрах в двух-трех от себя он заметил очертания приземистого строения. Они с Миллером едва не наткнулись на него.

-- Та самая хижина, -- шепнул на ухо капралу Мэллори. Капитан заметил ее еще днем. Хижина находилась на полпути и почти в створе между пещерой и селением. Новозеландец почувствовал облегчение и уверенность: не пройдет и получаса, как они достигнут селения. -- Надо уметь ориентироваться, дорогой капрал, -- пробормотал он. -- Вот тебе и кружили на одном месте, пока шли! Не надо падать духом...

Мэллори умолк на полуслове: пальцы американца впились ему в руку.

-- Я слышал чьи-то голоса, шеф, -- прошелестел голос Миллера.

-- Ты уверен? -- спросил Мэллори, заметив, что капрал не стал доставать из кармана свой пистолет с глушителем.

После некоторого раздумья янки раздраженно ответил:

-- Ни в чем я не уверен, командир. Что мне только не мерещится теперь! -- С этими словами он снял капюшон и, прислушавшись, прошептал: -- И все же мне что-то послышалось.

-- Давай-ка выясним, в чем там дело. -- Мэллори снова вскочил на ноги. -- По-моему, ты ошибся. Вряд ли это ребята из горно-пехотного батальона. В последний раз, когда мы их видели, они были на полпути к вершине склона. А пастухи живут в таких хижинах лишь в летние месяцы. -- Сняв с предохранителя кольт калибром 0,455 дюйма, Мэллори, сопровождаемый капралом, согнувшись, с опаской подошел к хижине. Оба прижались к тонкой, обитой толем стене.

Прошло десять, двадцать, тридцать секунд. Мэллори облегченно вздохнул:

-- Там никого нет. А если и есть, то ведет себя тихо, как мышь. Но рисковать не стоит. Ты иди в ту сторону, я -- в эту. Встретимся у двери. Она на противоположной стороне, обращена к долине... От углов подальше держись, чтоб врасплох не застали.

Минуту спустя оба оказались внутри. Закрыв за собой дверь, Мэллори включил фонарь и, прикрыв его ладонью, осмотрел все углы жалкой хибары. Земляной пол, грубо сколоченные нары, полуразвалившийся камелек, на нем -- ржавый фонарь, и больше ничего. Ни стола, ни стула, ни дымохода, ни даже окна.

Капитан подошел к камельку, поднял керосиновый фонарь,

понюхал...

-- Им не пользовались несколько недель. Правда, полностью заправлен. Пригодится для нашего каземата. Если только отыщем его, будь он неладен...

Капитан застыл на месте, наклонил голову, весь превратясь в слух. Осторожно опустил лампу, неслышными шагами подошел к Миллеру.

-- Напомни мне, чтоб я потом извинился, -- проронил он. -- Действительно, тут кто-то есть. Дай мне твой пугач и продолжай разговаривать.

-- Снова дает о себе знать Кастельроссо, -- посетовал вслух капрал, не поведя и бровью.-- Это мне начинает надоедать. Китаец. Ей-богу, на сей раз китаец... -- разговаривал он сам с собой.

С пистолетом наготове, ступая, как кошка, Мэллори обходил хижину, держась в метре с небольшим от ее стен. Он уже огибал третьей угол, когда краешком глаза заметил, как от земли отделилась какая-то фигура и, замахнувшись, кинулась на него. Капитан сделал шаг, уклоняясь от удара, и, резко повернувшись, нанес нападающему сильный удар под ложечку. Со стоном, лоя ртом воздух, незнакомец согнулся пополам и рухнул наземь. В последнюю долю секунды Мэллори удержался от того, чтобы не опустить на него тяжелый кольт.

Снова взяв пистолет за рукоятку, капитан немигающим взглядом смотрел на лежащего грудой человека. Самодельная дубинка в правой руке, за спиной -- примитивная котомка. Нацелившись в злоумышленника, он стоял, раздумывая. Слишком все просто, слишком подозрительно. Прошло с полминуты, но упавший не шевелился. Шагнув поближе, Мэллори точным и сильным движением пнул лежащего по наружной части правого колена. Старый, но испытанный прием. Боль непродолжительна, но знать о себе дает. Однако незнакомец не подавал никаких признаков жизни.

Наклонясь, свободной рукой Мэллори ухватился за лямки вещмешка и поволок незнакомца к двери. Тот был легок как пушинка. Немцев на острове гораздо больше на душу населения, чем на Врите, так что здешним жителям приходится затягивать пояса, с сочувствием подумал новозеландец. Как же иначе. Зря он так врезал бедняге.

Ни слова не говоря, Миллер взял незнакомца за ноги и вместе с капитаном бесцеремонно швырнул на нары, стоявшие в дальнем углу.

-- Ловко ты его, шеф,-- одобрительно произнес американец. -- Я даже не услышал звука. Кто этот тяжеловес?

-- Представления не имею, -- покачал головой Мэллори. -- Кожа да кости, одна кожа да кости. Закрой-ка дверь, Дасти, посмотрим, что это за птица.

Глава восьмая. ВТОРНИК. 19.00--00.15

Прошла минута, другая. Человечек зашевелился и со стоном сел, поддерживаемый капитаном под локоть. Щурясь, встряхнул головой, в которой еще стоял туман. Подняв глаза, при тусклом свете керосинового фонаря перевел взгляд с Мэллори на капрала, потом обратно.

На смуглых щеках появился румянец, густые темные усы сердито ошетились, в глазах вспыхнул гнев. Человечек оторвал от себя руку капитана.

-- Кто такие? -- произнес он по-английски почти без акцента.

-- Прошу прощения, но чем меньше будете знать, тем лучше. -- Мэллори улыбнулся, чтобы фраза прозвучала не так обидно. -- Для вас же самих. Как себя чувствуете?

Потирая солнечное сплетение, коротышка согнул ногу и

скривился от боли:

-- Здорово вы меня шарахнули.

-- Что поделать? -- Протянув назад руку, капитан поднял с пола дубинку. -- Вы же сами меня этой палкой намеревались огреть. Что же, мне следовало шляпу снять, чтобы удар был покрепче?

-- А вы шутник, -- ответил человечек, снова попробовав согнуть ногу. -- Колено болит, -- укоризненно посмотрел он на Мэллори.

-- Сначала о главном. Зачем вам эта дубина?

-- Хотел сбить вас с ног и посмотреть, кто таков, -- нетерпеливо ответил коротышка. -- Это самый надежный способ. Вдруг вы из горно-пехотного батальона... Почему у меня колено так болит?

-- Упали неудачно, -- без тени смущения солгал новозеландец. -- Что вы тут делаете?

-- А кто вы такой? -- спросил в свою очередь человечек.

-- Интересный у вас разговор, шеф, -- кашлянул Миллер, нарочно посмотрев на часы.

-- Ты прав, Дасты. Не ночевать же нам здесь. -- Протянув назад руку, капитан поднял котомку незнакомца и швырнул американцу. -- Загляни-ка, что там у него.

Странное дело, незнакомец даже не пытался протестовать.

-- Харч! -- благоговейно произнес капрал. -- И какой харч! Жаркое, хлеб, сыр и еще -- вино. -- Неохотно завязав котомку, Миллер окинул пленника любопытным взглядом. -- Ну и выбрал времечко для пикника!

-- Так вы американец, янки! -- улыбнулся человечек. -- Уже хорошо!

-- Что ты хочешь этим сказать? -- подозрительно спросил капрал.

-- Убедись сам, -- благодушно ответил незнакомец, небрежно кивнув в дальний угол. -- Взгляни туда.

Мэллори оглянулся. Поняв, что его обвели вокруг пальца, повернулся назад. Подавшись вперед, осторожно коснулся руки американца.

-- Не делай резких движений, Дасты. И не трогай свою пушку. Похоже на то, что наш приятель пришел не один. -- Сжав губы, Мэллори молча обругал себя за свое легкомыслие. Ведь Дасты говорил, что слышит голоса. Видно, из-за усталости он не придал этому значения...

В дверях встал высокий худой мужчина. Липа его из-под белого капюшона не разглядеть, но в руках карабин. Системы "ли энфилд", механически отметил Мэллори.

-- Не стреляй! -- торопливо произнес по-гречески низенький. -- Я почти уверен, это те, кого мы ждем, Панаис.

Панаис! Мэллори облегченно вздохнул. Одно из имен, которые назвал месье Влакос во время их встречи в Александрии.

-- Теперь мы поменялись ролями, не так ли? -- улыбнулся низенький, глядя на капитана прищуренными глазами. Усы его задиристо встопорщились. -- Еще раз спрашиваю, кто вы такие?

-- Мы из диверсионной группы, -- ответил не мешкая Мэллори.

-- Вас каперанг Дженсен прислал?

Новозеландец с чувством облегчения опустил на нары.

-- Мы среди друзей, Дасты. -- Посмотрев на низенького грека, он проговорил: -- Вы, должно быть, Лука. Первый платан на площади в Маргарите?

Человек просиял и с поклоном протянул руку.

-- Лука. К вашим услугам, сэр.

-- А это, конечно, Панаис?

Стоявший в дверном проеме темноволосый мрачный верзила коротко кивнул, но не сказал ни слова.

-- Мы те самые, кто вам нужен! -- радостно улыбался маленький грек. -- Лука и Панаис. Выходит, о нас знают в Александрии! -- произнес он с гордостью.

-- Разумеется! -- спрятал улыбку Мэллори. -- О вас очень высокого мнения. Вы и прежде оказывали союзникам неоценимые услуги.

-- И снова окажем, -- живо отозвался Лука. -- Что же мы время-то теряем? Немцы уже по горам рыщут. Чем можем мы вам помочь?

-- Продовольствием, Лука. Нам позарез нужна еда.

-- Еды сколько угодно, -- с гордым видом указал на котомки маленький грек. -- Мы вам ее в горы несли.

-- Нам, в горы?... -- воскликнул пораженный Мэллори. -- А как вы узнали, где мы находимся? И вообще, что мы высадились на остров?

-- Дело нехитрое, -- небрежно махнул рукой грек. -- Едва рассвело, в южном направлении по улицам деревни прошел отряд немецких солдат. Они направились в горы. Все утро прочесывали восточный склон Костоса. Мы сообразили: высадилась какая-то группа, ее-то солдаты и ищут. Кроме того, мы узнали, что немцы поставили посты с обоих концов дороги вдоль южного берега острова. Выходит, вы пришли сюда со стороны западного перевала. Фрицы этого не ожидали, вы их одурачили. Вот мы и отправились вас искать.

-- Вам бы ни за что не удалось нас найти.

-- Мы бы непременно вас отыскали, -- уверенно заявил Лука. -- Мы с Панаисом изучили на острове каждый камень, каждую травинку. -- Передернув плечами, грек невесело посмотрел на снежную круговерть. -- Хуже не могли выбрать погоду.

-- Лучше не могли выбрать, -- угрюмо отозвался Мэллори.

-- Да, вчера ночью погода была подходящей, -- согласился Лука. -- Кому пришлось бы в голову, что вы полетите при таком ветре, под таким ливнем. Кто бы услышал шум самолета или допустил мысль, что вы станете прыгать с парашютом...

-- Мы прибыли морем, -- прервал его новозеландец, небрежно махнув в сторону побережья. -- Поднимались по южному утесу.

-- Что? По южному утесу! -- недоверчиво воскликнул Лука. -- Никому не удавалось преодолеть этот утес. Это невозможно!

-- Добравшись примерно до половины скалы, мы тоже так подумали, -- признался Мэллори. -- Даста может подтвердить. Так все и было.

Отступив на шаг, грек категорически заявил:

-- А я утверждаю, это невозможно. -- Лицо его было непроницаемо.

-- Он правду говорит, Лука, -- спокойно произнес Миллер. -- Ты что, газет не читаешь?

-- Как это -- не читаю! -- ошетинился маленький грек. -- Что же я -- как это называется -- неуч?

-- Тогда вспомни, о чем писали в газетах перед самой войной, -- посоветовал янки. -- Вспомни, что писали про Гималаи, про альпинистов. Ты наверняка видел его фотографии -- не раз и не два, а все сто. -- Капрал изучающим взглядом посмотрел на Мэллори. -- Только тогда он выглядел посимпатичней. Ты должен помнить. Это же Мэллори, Кейт Мэллори из Новой Зеландии.

Капитан молчал, наблюдая за Лукой. Лицо грека выражало изумление. Смешно сощурив глаза, человек наклонил голову набок. Видно, внутри ее сработало какое-то реле, лицо засияло радостными морщинами. Недоверчивости как не бывало. Протянув в приветствии руку. Лука шагнул навстречу капитану.

-- Ей-богу, ты прав! Мэллори! Ну, конечно же, это Мэллори! -- восторженно воскликнул грек и, вцепившись новозеландцу в руку, принялся трясти ее. -- Американец действительно правду говорит. Заросли вы щетиной... Да и выглядите старше своих лет.

-- Я и чувствую себя старше, -- угрюмо произнес Мэллори. Кивнув в сторону янки, прибавил: -- Это капрал Миллер, гражданин Соединенных Штатов.

-- Тоже знаменитый альпинист? -- обрадованно спросил Лука. -- Тоже горный тигр, да?

-- Он совершил такое восхождение на вершину южной скалы, какого свет не видывал, -- признался капитан. Посмотрев на часы, в упор взглянул на маленького грека. -- В горах нас ждут товарищи. Нам нужна помощь, Лука. Очень нужна, причем сию же минуту. Вы знаете, какая вам грозит опасность, если выяснится, что вы нам помогали?

-- Опасность? -- пренебрежительно махнул рукой грек. -- Чтобы Луке и Панаису, лисам острова Навароне, могла угрожать какая-то опасность? Это невозможно! Мы ночные призраки. -- Накинув на плечи лямки вещмешка. Лука произнес: -- Пошли. Отнесем еду вашим товарищам.

-- Одну минуту! -- положил ему на плечо свою руку Мэллори. -- Это еще не все. Нам нужно тепло -- печку и горючее, и еще нам нужны...

-- Тепло! Печку! -- в изумлении воскликнул Лука. -- Что там у вас за вояки? Собище старых баб, что ли?

-- И еще нам нужны бинты и лекарства, -- терпеливо объяснил капитан. -- Один из наших друзей получил тяжелое увечье. Точно не знаем, но опасаемся, что он умирает.

-- Панаис! -- скомандовал Лука. -- Живо в селение! -- Лука говорил по-гречески. Отдав нужные распоряжения, он заставил капитана описать место, где находится их убежище, и, убедившись, что Панаис все понял, постоял в нерешительности, накручивая кончики усов. Наконец, поднял взгляд на Мэллори.

-- Сами сумеете отыскать пещеру?

-- А Бог его знает, -- простодушно ответил новозеландец. -- Вряд ли.

-- Тогда я должен вас проводить. Видите ли, Панаису будет тяжело. Я велел ему захватить постель. Так что не знаю...

-- Я с ним пойду, -- предложил свои услуги капрал. Он тотчас вспомнил адский труд на каике, восхождение на утес, вынужденный марш-бросок через горы. -- Разминка мне не повредит.

Лука перевел слова Миллера Панаису, глядевшему исподлобья, -- видно, тот не понимал ни бельмеса по-английски. К удивлению капрала, его предложение вызвало бурю протеста со стороны мрачного грека.

-- Что с этим голубком? -- спросил Миллер капитана. -- Видно, не очень-то рад моему обществу.

-- Он заявляет, будто превосходно справится один, -- перевел слова Панаиса новозеландец. -- Считает, что ты будешь задерживать его при подъеме. -- Шутливо покачав головой, Мэллори прибавил: -- Как будто есть на свете сила, которая может помешать Дасти Миллеру во время восхождения!

-- Вот именно! -- воскликнул Лука. Ощетинившись, как ежик, он набросился на своего товарища, тыча в воздух пальцем для пущей убедительности. Миллер с опаской посмотрел на капитана.

-- Что это он ему втолковывает, шеф?

-- Чистую правду, -- торжественно заявил Мэллори. -- Говорит, что тот, дескать, должен быть польщен оказанной ему честью идти рядом с мосье Миллером, всемирно известным американским скалолазом. -- Мэллори с улыбкой добавил; -- Панаис теперь в лепешку разобьется, доказывая, что житель острова Навароне не уступит никому в искусстве карабкаться по горам.

-- О Господи! -- простонал американец.

-- Когда будете возвращаться, не забудь протянуть ему руку на особенно крутых участках.

К счастью для Мэллори, ответ американца унесло снежным зарядом.

Ветер, принесший тот заряд, с каждой минутой усиливался. Снежные хлопья хлестали в лицо, выбивали слезы из-под часто моргающих век, проникали в малейшую прореху в одежде и таяли. Промокнув до нитки, люди окоченели и чувствовали себя несчастными. Мокрый снег прилипал к горным ботинкам, тяжелым, как гири, от их веса болели мышцы ног. То и дело спотыкаясь, ползли, как черепахи. Видимость ничтожная: люди не видели даже собственных ног. Мутно-белая пелена превращала путешественников в бесформенные пятна. Лука поднимался наискось по склону с олимпийским спокойствием, словно гуляя по дорожке своего сада.

Маленький грек оказался ловким и неутомимым, как горный

козел. Языком он работал столь же проворно, сколь и ногами. Донельзя обрадованный возможностью заняться хоть каким-то делом, лишь бы навредить врагу, он болтал без умолку. Он рассказал Мэллори о трех последних попытках союзников высадиться на остров и о том, какой жестокий урон был нанесен им. О том, что кто-то заранее оповестил немцев о предстоящей высадке с моря; как противник готовился к подходу отряда кораблей особого назначения и десантно-диверсионных групп. Как две группы воздушных десантников вследствие ошибки и серии непредвиденных и неблагоприятных обстоятельств были заброшены в расположение частей противника. Как они с Панаисом дважды едва не заплатились жизнью. В последний раз Панаис даже был схвачен, но ему удалось убить обоих часовых и уйти неопознанным. Рассказал о дислокации немецких частей и застав на территории Навароне, о местонахождении контрольных пунктов на обоих дорогах острова. Наконец, сообщил капитану те скудные сведения о крепости, которыми располагал сам. Панаис же, по словам Луки, побывал в крепости дважды, оставшись в ней один раз на всю ночь, и с точностью до дюйма запомнил, что где находится: орудия, командные пункты, солдатские казармы, помещения для офицеров, склад боеприпасов, турбогенераторные, сторожевые посты.

Мэллори аж присвистнул. Узнал он гораздо больше, чем мог рассчитывать. Предстоит, правда, оторваться от преследователей, добраться до крепости, проникнуть в нее, -- а Панаис знает, как это сделать, -- и тогда... Наклонясь пониже, Мэллори бессознательно ускорил шаг.

-- Ваш друг Панаис, должно быть, замечательная личность, -- проговорил он задумчиво. -- Расскажите мне о нем поподробнее, Лука.

-- Что мне вам рассказать? -- ответил грек, стряхнув снег с капюшона. -- Что я знаю о Панаисе? Кто вообще что-то знает о нем? Что он удачлив, как бес; смел, как безумец, и что скорее лев ляжет мирно рядом с ягненком, скорее голодный волк пощадит стадо, чем Папане станет дышать с немцами одним воздухом? Знаю одно. Слава Богу, что я не родился немцем. Панаис нападает исподтишка, под покровом ночи, и наносит противнику удар ножом в спину. -- Лука перекрестился. -- У него руки по локоть в крови.

Мэллори невольно поежился. И все же в личности этого темноволосого, угрюмого грека с бесстрастным лицом и глазами, скрытыми под капюшоном, было что-то таинственное.

-- Наверняка, это неполный портрет Панаиса, -- упорствовал Мэллори. -- Вы же оба жители Навароне.

-- Это верно.

-- Остров невелик, вы всю жизнь прожили бок о бок.

-- Вот тут-то, майор, вы и ошибаетесь! -- Несмотря на протесты и объяснения Мэллори, Лука по собственному почину повысил новозеландца в звании и упорно продолжал так к нему обращаться.

-- Я, Лука, много лет прожил за рубежом, находясь на службе у месье Влакоса. Месье Влакос, -- заметил с гордостью маленький грек, -- очень важный государственный чиновник.

-- Знаю, -- кивнул головой Мэллори. -- Консул. Мы с ним встречались. Очень славный господин.

-- Как! Вы встречались с месье Влакосом? -- восторженно воскликнул Лука. -- Это хорошо! Это великолепно! Вы должны мне все рассказать. Он великий человек. Я вам рассказывал...

-- Мы говорили о Панаисе, -- напомнил маленькому греку капитан.

-- Ах, да, Панаис. Я уже сообщал вам, что долгое время жил за границей. Когда я вернулся на остров, то Панаиса на нем не застал. Отец его умер, мать снова вышла замуж, и Панаис переехал на Крит, где жил вместе с отчимом и двумя сводными сестричками. Отчим, занимавшийся рыбным промыслом и хлебопашеством, погиб, сражаясь с немцами близ Кандии в начале войны. Панаис, унаследовав от отчима судно, помог спастись многим союзникам. В конце концов немцы его поймали и подвесили за кисти рук на площади в деревне, где жили его родные, это

недалеко от Кастелли. В назидание его землякам Панаиса пороли до тех пор, пока не обнажились ребра и позвоночник. Сочтя его мертвым, беднягу в таком виде и бросили. Потом деревню немцы сожгли. Семья Панаиса исчезла. Поняли, каким образом, майор?

-- Понял, -- мрачно ответил Мэллори. -- Ну, а Панаис?

-- Он должен был умереть. Но этого парня не так-то просто сломать. Он крепче нароста на стволе рожкового дерева. Ночью друзья его перерезали веревки и унесли его в горы, где он скрывался, пока не поправился. А потом вернулся на остров Навароне. Каким образом, одному Богу известно. Наверно, перебирался с острова на остров на тузике. Зачем он вернулся, он мне не сказал. Может, убивать немцев на его родном острове Панаису доставляет больше удовольствия? Я этого не знаю, майор. Знаю одно: ни еда, ни сон, ни сияние солнца, ни женщины или вино -- ничто не радует эту черную душу. -- Лука снова осенил себя крестным знаменем. -- Он слушается меня, потому что я управляющий имения Влакосов. Но даже я его побаиваюсь. Убивать, убивать и снова убивать -- единственная цель его жизни.

На мгновение маленький грек остановился, приняв хиваясь, словно охотничья собака, напавшая на след, сбил с подошв налипший снег и уверенно пошел вверх по склону. Умение его безошибочно ориентироваться казалось сверхъестественным.

-- Еще далеко, Лука?

-- Метров двести, майор. Не больше. -- Сдув с густых усов снег. Лука выругался. -- Я не очень-то расстроюсь, если доберусь до пещеры.

-- Я тоже, -- произнес Мэллори, чуть ли не с любовью вспомнив жалкое, продуваемое ветром убежище, где со стен течет вода. Когда они оба выбрались из седловины, стало заметно холоднее. Ветер усиливался, с завыванием повышаемой ноты за нотой. Чтобы преодолеть сопротивление ветра, приходилось сгибаться чуть ли не надвое. Вдруг оба застыли на месте. Прислушиваясь, переглянулись, наклонив головы, но вокруг была снежная круговерть. Оба так и не поняли, что заставило их насторожиться.

-- Вы тоже слышали какой-то звук? -- спросил грека Мэллори.

-- Это всего лишь я. -- Резко повернувшись при звуках густого баса, Мэллори увидел, как из снега выросла дородная фигура в белом маскхалате. -- Повозка, груженная молочными бидонами, которая едет по булыжной мостовой, производит меньше шума, чем ты и твой приятель. Снег заглушал ваши голоса, и я не сразу разобрал, кто это.

-- Как ты здесь очутился, Андреа? -- с любопытством посмотрел капитан на товарища.

-- Пошел за дровами, -- принялся тот объяснять. -- На закате, когда снегопад чуть поутих, на склоне Костоса я заметил небольшую хибару. Она пряталась в ложине неподалеку отсюда. Ее темный силуэт четко выделялся на фоне снега. Вот я и пошел...

-- Совершенно верно, -- оборвал его Лука. -- Это хижина полоумного старика Лери. Он пас коз. Мы все его предупреждали, но он никого, кроме коз, и знать не желал. Вот его хибарку и накрыло оползнем.

-- Нет худа без добра... -- пробормотал Андреа. -- Старый Лери нас сегодня согреет. -- Внезапно остановившись у края разверзшегося перед ним оврага, плечистый грек ловко, словно горный баран, соскользнул на дно. Дважды пронзительно свистнув, прислушался и, дождавшись ответного сигнала, стал торопливо карабкаться вверх. Опустив автомат, Кейси Браун, встретивший их возле устья пещеры, отодвинул в сторону брезентовый полотно.

Оплывая с одного боку из-за ледяного сквозняка, сальная свеча чадила, освещая своим неровным пламенем пещеру. От свечи почти ничего не осталось. Капающий фитиль беспомощно сник, касаясь камня, и Лука, сняв маскировочный халат, зажег от умирающего пламени новый огарок. На мгновение вспыхнули обе свечи, и при их свете Мэллори впервые разглядел своего спутника. Невысокого роста, коренастый, темно-синяя куртка, отделанная черной тесьмой по швам и вышитая цветистыми узорами на груди, перетянута малиновым кушаком. Смуглое улыбающееся

лицо, украшенное великолепными усами, развевавшимися как знамя. Веселый шевалье, миниатюрная копия вооруженного до зубов д'Артаньяна. Тут взгляд Мэллори упал на глаза маленького грека, окруженные мелкими морщинками, темные и прозрачные. В них застыли печаль и усталость. Новозеландец был поражен, еще не понимая причины, но огарок вспыхнул и погас, и лицо Луки снова оказалось в тени.

Вытянувшись во весь рост в своем спальном мешке, Стивенс дышал с хрипом, часто. При возвращении товарищей он проснулся, но ни есть, ни пить не стал, а, отвернувшись к стене, снова забылся нездоровым, тревожным сном. Со стороны казалось, он совсем не испытывает никаких страданий. Опасный симптом, подумал Мэллори. Самое худшее, что может быть. Скорее бы возвращался Миллер...

Запив глотком вина последние крошки хлеба, Кейси Браун неуклюже поднялся на ноги. Отодвинув полог, мрачным взглядом впился в снежную пелену. Зябко повел плечами, опустил полог. Закинув за плечи рацию, захватил моток веревки, фонарь и кусок брезента. Мэллори взглянул на часы. До полуночи пятнадцать минут. Скоро сеанс связи с Каиром.

-- Хотите снова попытать счастья, Кейси? В такую ночь хороший хозяин и собаку из дома не выгонит.

-- Я бы тоже не выгнал, -- с мрачным видом произнес Браун. -- Но попробовать стоит, сэр. Прохождение сигнала ночью гораздо лучше. Хочу подняться повыше, чтобы эта окающая гора не экранировала. А днем меня сразу бы приметили.

-- Вы правы, Кейси. Вам лучше знать. -- Мэллори с любопытством взглянул на Брауна. -- А эти причиндалы зачем?

-- Спрячу рацию под брезент, а потом и сам заберусь с фонариком, -- объяснил радист. -- А веревку прикреплю к колышку и буду вытравливать по дороге. Хочется когда-нибудь вернуться назад.

-- Молодчина, -- похвалил его капитан. -- Будьте осторожны. Эта лощина сверху сужается, превращаясь в настоящее ущелье.

-- Обо мне не беспокойтесь, сэр, -- решительно произнес Браун. -- Что может случиться с Кейси Брауном?

Ворвался снежный заряд, хлопнул полог, и Браун исчез.

-- Что ж, если Кейси не боится метели... -- произнес Мэллори, поднявшись на ноги и натягивая маскировочный костюм. -- Прогуляюсь-ка я за дровами, джентльмены. К хижине старика Лери. Кто хочет составить компанию?

Андреа и Лука вскочили одновременно, но капитан отрицательно покачал головой.

-- Хватит одного. Кому-то надо остаться со Стивенсом.

-- Он спит крепким сном, -- возразил Андреа. -- Пока ходим, с ним ничего не случится.

-- Я не об этом. Просто нельзя допустить, чтобы Энди попал в руки к немцам. Они ему развяжут язык. И в том не будет его вины. Но рисковать мы не вправе.

-- Фи! -- прищелкнул пальцами Лука. -- Напрасно беспокоитесь, майор. На несколько миль вокруг нет ни одного немца. Можете на меня положиться. Помолчав, Мэллори наконец усмехнулся.

-- Вы правы. Мне черт-то что лезет в голову. -- Наклонясь к Стивенсу, капитан легонько потряс его. Юноша застонал, с трудом открывая глаза.

-- Мы пошли за дровами, -- объяснил ему Мэллори. -- Через несколько минут вернемся. Не возражаешь?

-- Конечно, нет, сэр. Что может за это время произойти? Оставьте рядом автомат и свечку погасите. -- С улыбкой добавил:

-- Не забудьте назваться, когда вернетесь,

Нагнувшись, Мэллори дунул на свечу. Полночный мрак поглотил и людей, и предметы, находившиеся в пещере. Мэллори повернулся на каблуках, приоткрыв полог, выбрался наружу, за ним Андреа и Лука. Мела поземка, заноса слоем снега дно оврага.

На то, чтобы отыскать хижину старого пастуха, ушло минут десять. Еще пять -- на то, чтобы Андреа смог сорвать с расшатанных петель дверь и разбить ее на удобные для переноски

обломки. То же произошло с нарами и топчаном. Еще десяток минут понадобилось на то, чтобы стянуть веревкой дрова в вязанки и доставить их в пещеру. Северный ветер швырял в лицо пригоршни мокрого снега, достигая штормовой силы. Добравшись до лощины, путешественники оказались под защитой крутых ее откосов.

Возле устья пещеры Мэллори негромко подал голос. Не услышав ни единого звука, он снова позвал Стивенса и напряженно прислушался. Спустя несколько секунд повернулся и взглянул на Андреа и Луку. Аккуратно опустив вязанку на снег, достал кольт и фонарь, отодвинув полог, вошел. Переводчик–предохранитель и выключатель на фонаре щелкнули одновременно.

Луч фонаря упал на пол пещеры у самого входа, переместился дальше, задержавшись на одном месте, затем устремился в дальний угол пещеры, вернулся назад и застыл, упершись в середину. На полу валялся скомканный спальник. Энди Стивенса не было.

Глава девятая. ВО ВТОРНИК НОЧЬЮ. 00.15--02.00

-- Выходит, я ошибся, -- растерянно проговорил Андреа. -- Он тогда не спал.

-- Конечно, нет, -- угрюмо отозвался Мэллори. -- Он и меня провел. Ко всему, он слышал мои слова. -- Губы капитана скривились в горькой усмешке. -- Мальчишка понял, почему мы так о нем печемся. Понял, что был прав, заявив, что тянет нас ко дну. Не хотел бы я испытать те чувства, которые он сейчас испытывает.

-- Нетрудно понять, почему он ушел, -- кивнул Андреа.

Бросив взгляд на часы, Мэллори выбрался из пещеры.

-- Прошло всего двадцать минут. Далеко он уйти не мог. Может, даже меньше двадцати. Он хотел убедиться, что мы ушли. Прополз он не больше полуста метров. Через четыре минуты найдем. Включите фонари и капюшоны снимите. В такую пургу, будь она неладна, нас никто не увидит. Поднимайтесь всеором вверх по склону. Я пойду посередине лощины.

-- Вверх по склону? -- удивленно спросил Лука, положив ладонь на предплечье новозеландца. -- Но ведь у него нога...

-- Я сказал: вверх, -- нетерпеливо оборвал его Мэллори. -- Стивенс парень сообразительный. И смелее, чем мы думаем. Он решил, что мы пойдем в том направлении, где ему будет легче двигаться. -- Помолчав, капитан угрюмо продолжал: -- Умирающий, который не хочет быть обузой, выбирает самый трудный вариант. Пошли!

Лейтенанта нашли спустя ровно три минуты. Он, видно, сообразил, что Мэллори на удочку не попадется, а возможно, слышал, как карабкаются по склону его преследователи, и поэтому ухитрился выкопать себе нору в сугробе, нависшем над верхней кромкой лощины. Лучшее укрытия не сыщешь. Но Стивенса выдавала раненая нога. В свете фонаря наметанный глаз Андреа заметил темневшую на снегу струйку крови. Юноша потерял сознание -- не то закован от холода, не то выбившись из сил, не то от боли в изувеченной ноге, а наиболее вероятно, от всего вместе.

Доставив раненого в пещеру, Мэллори попытался влить юноше в рот немного "узо" -- жгучего, как огонь, напитка местного изготовления, от которого перехватывает дыхание. Он не был твердо уверен, что средство это безопасно в данных обстоятельствах. Но лучше такое средство, чем ничего. Стивенс поперхнулся и почти все выплюнул обратно, но хоть какая-то часть "узо" попала по назначению. С помощью Андреа Мэллори потуже затянул шину, остановив кровотечение, и обложил раненого сухой одеждой, какую удалось найти в пещере. Закончив работу, устало откинулся на спину, достал из герметичного портсигара сигарету. До возвращения Миллера вместе с Панайсом из селения предпринять что-то еще было невозможно. Да и Дасти Миллер вряд ли сумеет сделать большее. Помочь Стивенсу уже не сможет никто.

У самого устья пещеры Лука успел развести костер. Сухое, как трут, дерево горело жарким пламенем с яростным треском и почти без дыма. В пещере тотчас стало тепло, все трое придвинулись поближе к огню. На каменистое, усыпанное гравием дно пещеры потекли сверху струйки воды, и вскоре пол напоминал вязкое болото. Но для обитателей пещеры, особенно Мэллори и Андреа, такие неудобства были сущими пустяками по сравнению с возможностью впервые за тридцать часов согреться. Мэллори ощутил, как по нему разливается благодатное тепло, как тело наливается истомой, а веки слипаются.

Опершись спиной о стену убежища, Мэллори дремал, не выпуская изо рта дымящуюся сигарету, когда в пещеру ворвался снежный вихрь. С усталым видом Браун снял с плеч ремни рации. Угрюмое лицо его осветилось при виде огня. Он весь посинел и дрожал от холода. Шутка ли -- полчаса проторчать без движения, согнувшись в три погребели, на обледенелой вершине. Ни слова не говоря, Кейси присел на корточки, по привычке достал сигарету и устоявшись, о чем-то задумавшись, на огонь, не обращая внимания ни на облака пара, которые тотчас окутали его, ни на вонь тлеющей одежды. Вид у него был какой-то пришибленный. Протянув руку, Мэллори достал бутылку, налил в кружку тепловатого "ретсимо" -- изготовленного на материке вина с сильным смолистым привкусом -- и передал ее Брауну.

-- Опрокиньте залпом, -- посоветовал он. -- Тогда не почувствуете привкуса. -- Ткнув носком в приемопередатчик, капитан поинтересовался: -- Снова неудача?

-- Станцию поймал без труда, сэр, -- поморщился Браун, ощутив во рту липкую приторную жидкость. -- Слышимость была отличная. И здесь, и в Каире.

-- Вы-таки связались со штабом? -- оживился Мэллори. Подавшись вперед, добавил: -- Ну как, в штабе обрадовались, получив весточку от своих блудных сыновей?

-- Не знаю. Первым делом велели немедленно прекратить передачу и помалкивать в тряпочку, -- ответил Браун, задумчиво поправляя дрова ботинком, от которого поднимался пар. -- Не знаю, каким образом, сэр, но в штабе стало известно, что в течение последних двух недель на остров доставлено оборудование для монтажа двух или трех станций радиоперехвата.

-- Станции радиоперехвата! -- выругался Мэллори. -- Этого еще не доставало! -- Он вспомнил, сколько им с Андреа пришлось помучиться, скрываясь в Белых горах на Мрите, из-за таких вот станций. -- Черт подери, Кейси. На этом островке, размером не больше суповой тарелки, они засекут нас в два счета!

-- Вполне, сэр, -- угрюмо кивнул Браун.

-- Вы ничего не слышали про эти станции, Лука? -- спросил новозеландец.

-- Ничего, майор, -- пожал плечами маленький грек. -- Я даже не знаю, про что вы тут толкуете.

-- Я так и понял. Но это не имеет значения. Выяснять слишком поздно. Что еще хорошего сообщите, Кейси?

-- Это почти все. Мне строго-настрого запрещено работать в режиме передачи. Разрешено применять лишь кодовые сигналы, -- утверждение, отрицание, повтор, подтверждение и тому подобное. Длительная передача разрешена лишь в экстренных случаях или если скрываться более невозможно.

-- Например, очутившись в камере смертников, -- буркнул Мэллори. -- Не ждите меня, мама, я на посту погиб.

-- Простите, сэр, но смешного мало, -- угрюмо заметил Браун. -- Десантные суда немцев -- в основном каики и торпедные катера, -- вышли сегодня из Пирея, -- продолжал он. -- Около четырех часов утра. Каир предполагает, что этой ночью они направятся к Цикладским островам.

-- До чего проницательный народ в Каире. Куда же еще им направляться, черт побори? -- закурив очередную сигарету, Мэллори уныло смотрел в костер. -- Что ж, приятно узнать, что немецкие суда в пути. Это все, Кейси?

Тот молча кивнул.

-- Вот и отлично. Большое спасибо за работу. А теперь прилягте, сосните, пока есть возможность... По мнению Луки, до

рассвета нам надо добраться до Маргариты и день переждать в этом селении. Он подыскал нам заброшенный колодец. А завтра ночью отправимся в город Навароне.

-- Господи! -- простонал Браун. -- Сегодня ночуем в пещере, где нас заливают сверху. Завтра -- отсиживаемся в заброшенном колодце, видно, наполовину заполненном водой. А в городе где остановимся, сэр? В склепе на местном кладбище?

-- При нынешних обстоятельствах это было бы самое надежное жилье, -- сухо заметил капитан. -- Будем надеяться на лучшее. Снимаемся где-то около пяти. -- Увидев, что Браун лег рядом со Стивенсом, Мэллори переключил свое внимание на маленького грека. Сидя на ящике у огня, тот время от времени выкатывал нагретый пламенем булыжник, заворачивал его в тряпку, а затем прикладывал к заочневшим ногам юноши, после чего с блаженным видом протягивал руки к костру. Заметив, что за ним наблюдают, он посмотрел на Мэллори.

-- У вас озабоченный вид, майор, -- с раздражением заметил грек. -- Похоже, вы чем-то... как это называется?... Обеспокоены. Вам что, мой план не по душе? А я-то думал, мы обо всем договорились.

-- Меня беспокоит не ваш план, -- признался новозеланец. -- Ни даже вы сами. Беспокоит ящик, на котором вы пристроились. В нем такое количество взрывчатки, что на воздух взлетит и линейный корабль. А вы на нем сидите меньше чем в метре от огня. Такое занятие не очень-то полезно для здоровья.

Лука поежился, дергая себя за кончики усов.

-- А я слышал, будто тол можно бросить в огонь, он сгорит, как смолистое полено, только и всего.

-- Совершенно верно, -- согласился новозеланец. -- Тол можно деформировать, крошить, пилить напильником, резать ножовкой, прыгать по нему, дробить кувалдой. И ничего не произойдет, разве только разомнете свои мышцы. Но если он начинает отпотевать, очутясь в жарком, сыром помещении, то начинается кристаллизация этой испарины. Что тогда будет, братец ты мой! А в нашей норе становится слишком жарко и сыро.

-- Убрать его отсюда! -- воскликнул Лука, пятясь в самый дальний угол. -- Убрать! -- Помолчав, он прибавил. -- Если только от снега и от влаги...

-- Тол можно погрузить в морскую воду хоть на десять лет, и ничего с ним не случится, -- назидательно проговорил Мэллори.

-- Но вот запалы могут отсыреть. Не говоря о детонаторах в ящике, который стоит около Андреа. Все это добро надо вынести из пещеры и закрыть плащом.

-- Фу! Лука придумал кое-что получше! -- Низенький грек уже надевал свой маскировочный халат. -- Отнесем ящики в хижину старого Лери. Лучше места о не найти. А когда понадобится, можно будет в любое время забрать. Так что, если потребуется срочно оставить пещеру, возиться с взрывчаткой не придется. -- Прежде чем Мэллори успел возразить. Лука наклонился, с трудом поднял ящик и, пошатываясь под его тяжестью, обошел вокруг костра. Не дав ему сделать и трех шагов, Андреа с решительным видом отобрал у островитянина взрывчатку и взял ящик под мышку.

-- Позвольте...

-- Ни в коем случае! -- воскликнул обиженно Лука. -- Я сам справлюсь. Это для меня суший пустяк.

-- Знаю, -- успокоил его Андреа. -- Но это взрывчатка. Ее нужно нести особенным способом. Меня этому специально обучали, -- объяснил он.

-- Ах, вот как! Я и не знал. Пусть будет по-вашему. А я тогда понесу детонаторы, -- согласился Лука, самолюбие которого осталось не задетым, и, подхватив зеленый ящичек, торопливой походкой пошагал за своим земляком.

Мэллори взглянул на циферблат. Ровно час ночи. С минуты на минуту должны вернуться Миллер и Панаис. Ветер дул не столь свирепо, снегопад почти прекратился. Идти будет легче, но на

снегу останутся следы. Неприятно, но не смертельно. Когда рассветет, их группы здесь уже не будет. Они кратчайшим путем спустятся к подножию склона. Там снег сойдет. А если где-то он и останется лежать, можно будет пройти по ручью, выходящему по долине, и не оставить следов...

Пламя угасало, в пещеру вновь вползала стужа. Одежда у Мэллори не успела высохнуть, и его била дрожь. Бросив в костер еще несколько обломков досок, капитан смотрел, как огонь вспыхнул и осветил пещеру. Кейси Браун спал, свернувшись калачиком на куске брезента. Спина к нему неподвижно лежал Стивенс. Дышал он прерывисто и часто. Кто знает, много ли ему осталось жить. Юноша умирал. Но умирать -- понятие растяжимое. Если изувеченный, казалось бы, стоящий одной ногой в могиле человек решит не умирать, он становится самым стойким, самым выносливым на земле существом. Мэллори доводилось встречать таких людей. Но, может быть, Стивенс не хочет жить? Жить, переносить эти невероятные страдания означает утвердить себя в собственных глазах и в глазах своих товарищей. Он еще достаточно молод, хотя и успел хлебнуть горя, и это самоутверждение может оказаться самым главным в жизни юноши. Но, с другой стороны, Энди сознает, какой он стал обузой. От него, Мэллори, он это и узнал. Стивенс также понимает, что командир группы беспокоится не о его, лейтенанта, здоровье, а опасается, как бы Энди не попал в плен к неприятелю и под пытками не "раскололся". Он слышал, как капитан говорил об этом, и решил, что подвел товарищей. И чем кончится этот спор с самим собой, предсказать очень сложно. Покачивая головой, Мэллори вздохнул, закурил еще одну сигарету и поближе придвинулся к огню.

Не прошло и пяти минут, как вернулись Андреа и Лука. Почти тотчас же пришли Миллер и Панаис. О своем возвращении янки оповестил издали: скользя, падая и снова поднимаясь на ноги, он, не переставая, бранился, когда карабкался вверх по лошине с громоздким тяжелым грузом на плечах. Ввалившись в пещеру, капрал устало опустился у костра. Судя по его виду, американцу досталось на орехи. Мэллори сочувственно улыбнулся товарищу.

-- Как дела, Дасты? Надеюсь, Панаис не очень от тебя отставал?

Миллер, видно, не слышал слов капитана. Он бессмысленно уставился на огонь. И без того худое лицо его еще больше вытянулось. Наконец, до него дошло, в чем дело.

-- Тысяча чертей! Вы только посмотрите! -- выругался он сердито. -- Я, как дурак, целую ночь лезу по этой идиотской горе, пружу на собственном горбу камелек и столько керосина, что впору слона в нем купать! И что же я вижу? -- Набрав полную грудь воздуха, капрал в соответствующих выражениях сообщил, что именно он увидел. И умолк, все еще кипя от негодования.

-- В твоём возрасте нужно следить за кровяным давлением, -- посоветовал Мэллори. -- А как с остальным получилось?

-- По-моему, все в порядке. -- В руках капрала появилась кружка "узо", и лицо его немного прояснилось. -- Притащили постельные принадлежности, аптечку...

-- Если дашь мне постель, я уложу в нее парнишку, -- оборвал его Андреа.

-- А как с продовольствием?

-- В порядке, шеф. Харч тоже притащили. Харча навалом. Панаис -- не человек, а золото. Достал хлеба, вина, брынзы, чесночной колбасы, риса... Словом, всего.

-- Риса? -- На этот раз удивился Мэллори. -- Но риса на островах теперь днем с огнем не сыщешь, Дасты.

-- Панаис сыщёт, -- не скрывая восторга, произнес Миллер. -- Достал его на кухне немецкого коменданта. Одного малого по фамилии Шкода.

-- Немецкого коменданта? Ты шутишь!

-- Истинная правда, шеф! -- опрокинув полкружки "узо" одним залпом, капрал удовлетворенно крикнул. -- Бедный старый Миллер стоит у черного хода ни жив ни мертв. Коленки стучат, как кастаньеты у Кармен. Готов драпануть при малейшем шорохе. А этот малыш спокойно подходит и взламывает дверь. С такими

способностями у нас в Штатах он стал бы миллионером. Минут через десять возвращается, прет этот стебучий чемодан. -- Миллер небрежно махнул в сторону. -- Мальй не только выгреб начисто комендантскую кладовку, но еще и продуктовую сумку у него одолжил. Нет, шеф, если я еще пообщаюсь с этим чудачком, то меня инфаркт хватит.

-- Но разве не было охраны, часовых?

-- На ночь охрану, видно, сняли. Из Панаиса клещами слова не вытянешь. А если что и скажет, так я все равно не пойму. Думаю, теперь там все с ног сбились, нас разыскивают...

-- Добрались до деревни и вернулись обратно, не встретив ни души? -- Мэллори налил капралу кружку вина. -- Молодчина, Дасти.

-- Это Панаис молодчина. А я только погулять вышел. Кроме того, нам-таки попались два его приятеля. Верно, он сам их отыскал. Похоже, те его о чем-то предупредили. Панаис прыгал от возбуждения, пытался мне что-то втолковать. -- Миллер грустно пожал плечами. -- Но мы ж в разных диапазонах работаем, шеф.

Мэллори мотнул головой в другой конец пещеры. Лука и Панаис стояли рядом. Низенький грек только слушал, а товарищ его вполголоса что-то торопливо объяснял, размахивая при этом руками.

-- Чем-то очень взволнован, -- задумчиво произнес капитан. Повысив голос, спросил: -- Стряслось что-нибудь, Лука?

-- Беда стряслась, майор, -- сердито дернул себя за усы маленький грек. -- Придется уходить. Панаис хочет исчезнуть сию же минуту. Он узнал, что немцы часа в четыре утра начнут прочесывать дом за домом.

-- Это не обычная проверка? -- поинтересовался Мэллори.

-- Уже много месяцев такого не бывало. Видно, они решили, что ваша группа ускользнула от дозорных и прячется в деревне, -- хмыкнул Лука. -- Думаю, немцы в полной растерянности. Вам-то облава не страшна. Вы там не будете. А если б и были, фрицы вас бы не нашли. Вам облава даже на руку. Меньше риска появиться в Маргарите после проверки. Но нам с Панаисом непременно надо быть дома. Иначе несдобровать.

-- Конечно. Рисковать нельзя. Времени у вас достаточно. Через час будете дома. Но прежде всего поговорим о крепости. -- Мэллори извлек из нагрудного кармана карту, составленную Эженом Влакосом, и, обратясь к Панаису, заговорил с ним на диалекте островитян. -- Послушайте, Панаис. Я слышал, вы изучили крепость не хуже, чем Лука свой огород. Мне и самому многое известно, но хотелось бы, чтоб вы рассказали все, что знаете, -- о ее планировке, орудийных позициях, артиллерийских складах, энергетических установках, казармах, системе охраны, выходах, сигнализации. Нас интересуют даже мелочи; где тени более и где менее густы, словом, все. Хотя какие-то подробности могут показаться вам несущественными, сообщите и о них. Скажем, где-то дверь открывается внутрь, а не наружу. Такая деталь может спасти тысячу жизней.

-- А сам майор как намерен попасть в крепость? -- любопытствовал Лука.

-- Сам не знаю. Надо сначала взглянуть на нее. -- Заметив пристальный взгляд Андреа, новозеландец отвернулся. Согласно плану, им следовало проникнуть в крепость на борту торпедного катера. В этом изюминка всей операции, о ней должно знать как можно меньше людей.

Почти полчаса Мэллори вместе с тремя греками изучали карту при свете костра. Капитан проверял данные, добросовестно наносил карандашом новую информацию, полученную от Панаиса, а знал тот очень много. Просто невозможно, как человек сумел столько запомнить, всего два раза, да еще ночью, побывав в крепости. Он обладал фотографической зрительной памятью. Мэллори считал, что виной тому -- неистребимая ненависть Панаиса к немцам. Уверенность в успехе операции крепла в нем с каждой секундой.

Неясный гул голосов нарушил тревожный сон Кейси Брауна. Он подошел к Энди Стивенсу. Тот сидел, прислонясь к стене и что-то говорил. Временами он рассуждал здраво, временами нес ахинею.

Кейси понял, что тут ему делать нечего; раненым уже занимался Миллер. Тот обрабатывал раны, менял повязки. Помогал ему Андреа, и помогал умело. Приблизясь к устью пещеры, Кейси рассеянно послушал разговор по-гречески, затем вышел из укрытия, чтобы глотнуть свежего ночного воздуха. Из-за того, что в пещере, где не было вентиляции, собралось сразу семь человек и постоянно горел костер, там стало невыносимо душно.

Полминуты спустя Браун вернулся и плотно задернул полог.

-- Тихо, все! -- прошептал он. -- Неподалеку от пещеры я слышал какой-то звук. Дважды, сэр.

Выругавшись вполголоса, Панаис вскочил, словно дикая кошка. В руке его сверкнул длинный обоюдоострый нож. Никто не успел и слова произнести, как грек выскользнул из пещеры. Андреа хотел было последовать его примеру, но Мэллори жестом остановил его.

-- Оставайся на месте. Наш друг Панаис чересчур опрометчив, -- негромко произнес капитан. -- Возможно, там никого и нет. А может, это уловка... Проклятье!

В эту минуту Стивенс громко забормотал.

-- Началось. Сделай что-нибудь...

Но Андреа уже наклонился над больным. Взяв его руку в свою, принялся второй рукой гладить горячий лоб больного, его волосы, что-то твердя негромким, успокаивающим голосом. Сначала Стивенс не обращал на него внимания, продолжая говорить несвязные, бессмысленные слова. Но затем, под гипнотическим воздействием рук, ласкового голоса бормотание стало стихать и смолкло. Внезапно юноша очнулся и, открыв глаза, произнес здраво:

-- В чем дело, Андреа? Почему вы...

-- Тсс! -- прижал к губам палец Мэллори. -- Кто-то идет...

-- Это Панаис, сэр, -- проронил Браун, посмотрев в щель.

-- Поднимается по лощине.

Минуту спустя, вернувшись в пещеру. Панаис сел на корточки у огня.

-- Никого там нет, -- сказал он сердито. -- Одни козы. В нижней части склона. И все.

Мэллори перевел его слова товарищам.

-- На коз не похоже, -- упрямылся Браун. -- Звук был не такой.

-- Пойду взгляну, -- проговорил Андреа. -- Выясню, что там такое. Не думаю, чтоб Угрюмый ошибся. -- Прежде чем Мэллори успел возразить, рослый грек скрылся во тьме. Минуты через три он вернулся. -- Панаис прав. Никого там нет. Я и коз-то не увидел.

-- Наверно, это были козы, Кейси, -- сказал Мэллори. -- И все-таки что-то тут неладно. Снег почти перестал, ветер ослаб, а по долине бродят немецкие дозоры. Думаю, вам обоим пора уходить. Только будьте начеку. Если кто-то попытается вас задержать, бейте наповал. Все равно на нас подумают.

-- Наповал! -- презрительно усмехнулся Лука. -- Излишне об этом напоминать, майор, если с нами Угрюмый. Иначе он и не умеет стрелять.

-- Вот и отлично. Ну, ступайте. Чертовски жаль, что вы влипли в эту историю. Но раз уж так получилось, низкий вам поклон за все, что вы для нас сделали. В половине седьмого увидимся.

-- В половине седьмого, -- эхом отозвался Лука. -- Оливковая роща на берегу ручья, к югу от селения. Будем вас там ждать.

Спустя две минуты обоих греков не было ни видно, ни слышно. Лишь легкое потрескивание угольков в догорающем костре нарушало тишину, воцарившуюся в пещере. Браун занял наружный пост. Энди забылся тревожным горячечным сном. Склонившись над раненым, капрал посмотрел на него долгим взглядом, затем неслышным шагом подошел к Мэллори. В правой руке он держал ком окровавленных бинтов.

-- Понюхай-ка, шеф! -- проронил янки. -- Да не очень спешит. Подавшись вперед, капитан тотчас же отшатнулся.

-- Ну и вонь, Дасты! -- брезгливо поморщился он. Помолчав,

спросил, заранее зная ответ. -- Что это, черт побори?

-- Гангрена. -- С усилием опустившись рядом с Мэллори, американец швырнул бинты в огонь. Усталым, подавленным голосом добавил: -- Газовая гангрена. Распространяется со скоростью лесного пожара. А парень и без того-то одной ногой в могиле. Зря я только старался.

Глава десятая. ВО ВТОРНИК НОЧЬЮ. 04.00--06.00

Немцы захватили всех в самом начале пятого. Смертельно устав, не успев очнуться от сна, диверсанты не могли оказать ни малейшего сопротивления. И план, и координация действий, и осуществление операции были безупречны. Обитателей пещеры застали врасплох.

Первым проснулся Андреа. Те клетки мозга, которые постоянно бодрствуют, зарегистрировали посторонние звуки; грек мгновенно поднялся на локтях и схватил заряженный автомат, стоявший на боевом взводе. Но белый сноп света, вспоровший темноту, ослепил его, и сжимавшая ложу рука застыла прежде, чем раздалась отрывистая команда.

-- Всем лежать! -- проговорил человек с фонарем на безукоризненном, с почти незаметным акцентом, английском языке. В ледяном голосе прозвучала угроза. -- Кто двинется с места, будет убит!

Вспыхнул еще один фонарь и еще. В пещере стало светло как днем. Сна у Мэллори ни в одном глазу. Он лежал неподвижно, щурясь от ярких лучей. Бледное их отражение освещало нечеткие силуэты автоматчиков.

-- Руки за голову, спиной к стене! -- властно произнес немец. -- Всмотритесь в них хорошенько, унтер-офицер. -- Это был уже не приказ, а предложение, но ни луч фонаря, ни ствол автомата не колыхнулись. -- Спокойны, как манекены, даже бровью не повели! Опасный народ, унтер-офицер. Англичане умеют готовить головорезов!

Почти осязаемое чувство горечи охватило Мэллори. Он ощущал его на вкус. На мгновение потеряв над собой контроль, он представил себе, что вот-вот должно случиться. Но тут же усилием воли отбросил эту мысль. Нужно думать о настоящем! Еще не все потеряно, если с ними Андреа. Любопытно, заметил ли, услышал ли немцев Кейси и что с ним. Капитан хотел было справиться о нем, но в последнюю минуту спохватился: а вдруг тот на свободе.

-- Как вам удалось нас отыскать? -- спокойно спросил он.

-- Только неумные люди жгут можжевельник, -- презрительно ответил офицер. -- Мы целый день и почти всю ночь находились на горе Костос. Этот запах почуял бы и мертвец.

-- На горе Костос? -- недоверчиво покачал головой Миллер. -- Каким это вас образом...

-- Хватит разговаривать! -- оборвал его офицер и, обернувшись, приказал кому-то по-немецки: -- Сорвать брезент! Прикройте нас с обеих сторон. -- Снова повернувшись к обитателям пещеры, он почти незаметным движением руки показал в сторону устья: -- Вы, трое! Выходить, живо! Да не вздумайте валять дурака. Мои солдаты только и ждут предлога, чтобы пристрелить вас, гнусных убийц! -- со злобой и ненавистью в голосе добавил немец.

С трудом, по-прежнему держа руки на затылке, все трое поднялись на ноги. Едва Мэллори сделал один шаг, как немец скомандовал:

-- Стоять! -- Ткнув лучом фонаря в лежащего без сознания Стивенса, нетерпеливым тоном приказал греку: -- Ну-ка, в сторону! Кто таков? -- спросил он затем.

-- Вам его нечего опасаться, -- спокойно произнес Мэллори. -- Этот человек из нашей группы, он получил тяжелое увечье. Он

при смерти.

-- Сейчас выясним, -- сухо ответил офицер. -- Отойти в глубь пещеры! -- Подождав, пока все трое, перешагнув через Стивенса, удалятся, немец сменил автомат на пистолет. Опустившись на колени, так, чтобы не мешать, в случае нужды, ведению огня, офицер стал осторожно приближаться к раненому, держа в одной руке фонарь, в другой -- пистолет. За ним по пятам двигались два автоматчика. Действия их были столь четки и согласованны, что Мэллори пал духом.

Протянув вперед руку с пистолетом, офицер резким движением сорвал с юноши одеяло. Тот дрогнул всем телом, застонав от боли, и замотал головой. Офицер наклонился к раненому. В свете фонаря видны были правильные волевые черты его лица и прядь белокурых волос. Кинув беглый взгляд на похудевшее, искаженное страданием лицо Стивенса, посмотрев на его изувеченную ногу, немец сморщил нос: до него донесся гангренозный запах. Аккуратно закрыв раненого, офицер снова присел на корточки.

-- Вы не лжете, -- произнес он негромко. -- Мы не варвары. Мы не сводим счеты с умирающими. Оставьте его здесь. -- Поднявшись на ноги, немец стал медленно пятиться. -- Остальным выйти.

Снег перестал, на предрассветном небе замерцали звезды. Ветер ослаб, и температура заметно повысилась. К полудню почти весь снег растает.

Мэллори как бы нехотя оглянулся. Кейси Брауна нигде не видно. Добрый признак. Для участия в операции главстаршину Брауна рекомендовали очень большие чины. Два ряда орденов колодок, заслуженных им по праву, хотя он никогда их не носил, свидетельствовали о его отваге. Он проявил себя как опытный и умелый боец, участвуя в партизанских действиях. В руке у него автомат. Скорее бы Кейси появился... Словно прочитав его мысли, немец насмешливо спросил:

-- Уж не часового ли ищите? Не бойтесь, англичанин. Он неподалеку, спит на посту. Причем очень крепким сном.

-- Вы его убили? -- до боли сжал кулаки Мэллори. Немецкий офицер безразлично пожал плечами.

-- Точно не знаю. А получилось все очень просто. Один из моих солдат лежал в лощине и стонал. Даже меня разжалобил. Попавшись на крючок, ваш лопух вздумал выяснять, в чем дело. А чуть повыше притаился еще один мой солдат, держа автомат за ствол. Палица получилась на славу, уверяю...

Медленно разжав кулаки, капитан уныло смотрел на убегающую вниз лощину. Кейси должен был попасться на удочку. Не желая выставить себя на посмешище снова, он решил посмотреть, что произошло. Но, может, Кейси действительно слышал тогда посторонний звук. Правда, Панаис не похож на человека, который может ошибаться, да и у Андреа никогда не было проколов. Мэллори снова обернулся к офицеру.

-- А куда вы нас ведете?

-- В Маргариту. Но сначала нужно решить одну проблему. -- Немец оказался одного с ним роста. В левой руке пистолет, на правой болтается фонарь. -- У меня к вам пустяковый вопрос, англичанин. Где взрывчатка? -- последние слова офицер чуть ли не выплюнул.

-- Взрывчатка? -- недоуменно нахмурил брови Мэллори. -- Какая еще взрывчатка? -- с глупым видом спросил он, но в ту же секунду отшатнулся и упал на землю. Описав дугу, тяжелый фонарь с размаху опустился. Удар пришелся по правой скуле. Качая, как пьяный, головой, капитан с трудом встал на ноги.

-- Взрывчатка, -- произнес ласковым голосом немец, поигрывая фонарем. -- Я вас спрашиваю, где взрывчатка?

-- Не понимаю, о чем вы там толкуете, -- ответил Мэллори. Выплюнув сломанный зуб, вытер с разбитых губ кровь. -- Так-то вы обращаетесь с военнопленными, -- презрительно проронил он.

-- Молчать!

И снова удар. На этот раз Мэллори попытался самортизировать его. И все равно фонарь угодил чуть пониже виска, так что в голове загудело. Спустя несколько мгновений капитан с усилием поднялся. Вся правая щека горела словно в

огне, все перед глазами поплыло.

-- Мы ведем честную игру! -- тяжело дышал офицер, едва сдерживая ярость. -- Женевскую конвенцию соблюдаем. Но конвенция распространяется на солдат, а не на подлых убийц и шпионов...

-- Мы не шпионы! -- оборвал немца Мэллори. Голова у него раскалывалась на части.

-- Почему ж вы тогда не в форме? -- требовательно спросил офицер. -- Повторяю, вы шпионы. Мерзкие убийцы, которые наносят удар в спину и режут людям глотки! -- голос немца дрожал от гнева. Возмущение его было неподдельным.

-- Режут глотки? -- недоумевающе спросил Мэллори. -- О чем вы, черт побери?

-- Моего вестового зарезали. Совсем мальчишку. Он был даже не вооружен. Всего час назад мы нашли его с перерезанным горлом. Да что с вами разговаривать! -- Немец умолк, увидев двух человек, поднимающихся по лощине. Постояв мгновение, проклиная судьбу, по милости которой пути несчастного посыльного и Панаиса пересеклись -- кроме него сделать это некому, -- Мэллори проследил за взглядом офицера. Напрягая зрение, он рассмотрел согнутую фигуру, бесцеремонно подталкиваемую немцем, вооруженным винтовкой с примкнутым шттыком. Капитан облегченно вздохнул. Левая щека Брауна покрыта запекшейся кровью, которая сочилась из раны чуть выше виска. Но в остальном он цел и невредим.

-- Вот и превосходно! Всем сесть на снег! -- Кивнув в сторону пленных, офицер приказал солдатам: -- Связать им руки!

-- Уж не расстреливать ли нас собираетесь? -- Спокойно спросил Мэллори. Крайне важно знать, какова их судьба. Понятно, что ничего, кроме смерти, их не ждет. Но хотелось бы умереть стоя, с оружием в руках. Сейчас же сопротивление означало бы самоубийство.

-- К сожалению, не сейчас. Мой начальник, гауптман Шкода, желает сам с вами познакомиться. Думаю, для вас было бы лучше, если б я вас сам расстрелял. Но я еще подчиняюсь и герру коменданту, начальнику гарнизона крепости и острова Навароне. -- Немец насмешливо улыбнулся. -- Небольшая отсрочка, англичанин. Не успеет солнце зайти, как вы будете болтаться под перекладиной. У нас на острове Навароне расправа с шпионами коротка.

-- Но послушайте, герр гауптман! -- умоляюще вскинул руки Андреа, сделав шаг вперед, но тут же застыл на месте. В грудь ему уперлись дула двух винтовок.

-- Я не гауптман, а обер-лейтенант, -- поправил офицер грека. -- Обер-лейтенант Турциг к вашим услугам. Что тебе надо, толстяк? -- спросил он пренебрежительно.

-- Вы говорите: шпионы! А я не шпион! -- торопливо, словно боясь, что не успеет выговориться, начал Андрей. -- Ей-богу, никакой я не шпион! Я не из ихней компании. -- Глаза его были выпучены, губы беззвучно шевелились после каждой с трудом произнесенной фразы. -- Я всего лишь грек. Простой бедный грек. Меня силой увели с собой, заставили служить у них переводчиком. Клянусь, господин обер-лейтенант. Чтоб мне провалиться на месте!

-- Ах ты, желтая образина! -- прошипел Миллер, но тотчас застонал от боли; удар приклада пришелся по спине немного выше почек. Споткнувшись, капрал упал на четвереньки. Только сейчас до него дошло, что Андреа ломает комедию. Ведь стоило бы Кейту Мэллори произнести несколько слов по-гречески, как немцу стало бы ясно, что толстяк лжет. Янки погрозил греку кулаком, делая вид, что страшно разгневан. -- Ах ты, двуличный продажный туземец! Сволочь поганая, я тебе сейчас... -- Тяжелый горный ботинок угодил янки чуть не в самое ухо.

Мэллори молчал, даже не посмотрев на капрала. Беспомощно сжав кулаки и стиснув зубы, он прищуренными глазами свирепо смотрел на Андреа. Понимая, что немец наблюдает за ним, новозеландец решил подыгрывать товарищу. Он еще не разгадал игру Андреа, но был полон решимости идти с ним до конца.

-- Ах вот как! -- задумчиво проговорил Турциг. -- Шайка на

глазах разваливается. -- Мэллори почудилась нотка сомнения в голосе Турцига, но тот продолжал: -- Ничего не напишешь, толстяк. Ты сам решил свою судьбу, связавшись с этими убийцами. Как говорится, кто с ворами попадется, и для того веревка найдется. -- Окинув равнодушным взглядом тучного грека, офицер прибавил: -- Но виселицу тебе подберем попрочнее.

-- Нет, нет, нет! -- взвизгнул Андреа. -- Вы должны мне верить. Я не из их компании. Господин обер-лейтенант. Богом клянусь, я не из их компании, -- твердил Андреа, ломая руки. Лунообразное лицо его страдальчески исказилось: -- Почему я должен безвинно умереть? Я не хотел с ними идти. Я ведь не боец, господин обер-лейтенант!

-- Вижу, -- сухо заметил Турциг. -- Вижу, что не боец. Гигантская грудa дрожащего студня, обтянутая шкурой. И каждый дюйм этой шкуры тебе дороже всего на свете. -- Посмотрев на Мэллори и Миллера, все еще лежащего, уткнувшись лицом в снег, офицер проронил: -- Ну и помощничка нашли себе твои друзья.

-- Я вам все расскажу, господин обер-лейтенант! Я вам все расскажу! -- настойчиво твердил Андреа, увидев тень сомнения на лице немца. -- Я совсем не сторонник союзников... Я вам это докажу... И вы тогда...

-- Ах ты, иуда проклятый! -- попытался броситься на грека Мэллори, но в ту же секунду два коренастых солдата схватили его за руки и вывернули их назад. Он попытался вырваться, но вскоре затих. Недобрый взглядом посмотрев на Андреа, прибавил: -- Попробуй только вякни. Не доживешь и до...

-- Молчать! -- ледяным тоном скомандовал Турциг. -- Надоела мне ваша грызня. Еще слово, и окажешься на снегу рядом со своим другом. -- Посмотрев молча на Мэллори, немец перевел взгляд на грузного грека. -- Я ничего не обещаю. Но выслушаю тебя, -- добавил он, не скрывая антипатии.

-- Вы уж сами решайте, -- произнес Андреа с облегчением, к которому примешивались желание угодить, надежда и нотка самоуверенности. Помолчав для вящего эффекта, грек театральным жестом показал на Мэллори, Миллера и Брауна. -- Это не простые солдаты. Они из отряда особого назначения, который находится под началом Джеллико!

-- Расскажи мне что-нибудь поинтереснее. Об этом я и сам догадался, -- рыкнул Турциг. -- Этот английский аристократ сидит у нас в печенках. Если тебе нечего больше сообщить мне, толстяк...

-- Погодите! -- вскинул руку Андреа. -- Это не простые десантники. Это отборные бойцы, диверсионная группа, как они себя называют. В воскресенье ночью их доставили на самолете из Александрии в Кастельроссо. Той же ночью они отплыли из Кастельроссо на моторной лодке.

-- На торпедном катере, -- поправил его Турциг. -- Это нам уже известно. Продолжай.

-- Известно! Но каким образом?..

-- Неважно. Выкладывай дальше.

-- Конечно, конечно, господин обер-лейтенант, -- подавив вздох облегчения, произнес Андреа. Пронесло, слава Богу. Николаи, конечно, предупредил немцев, но не счел нужным указать на присутствие в группе рослого грека. Да и то сказать, зачем было лазутчику предупреждать о нем особо? Но если бы он это сделал, то их песенка была бы спета. -- Торпедный катер высадил их на каких-то островах севернее Родоса. Где именно, не знаю, они украли каик, прошли на нем вдоль турецкого берега. Там им попался немецкий сторожевой катер. Они его потопили... -- Андреа помолчал, чтобы произвести впечатление. -- Я рыбачил на своей лодке меньше чем в полумиле от них.

-- Как им удалось потопить такое большое судно? -- подавшись вперед, спросил немец. Странное дело, Турциг не сомневался, что катер потоплен.

-- Они притворились безобидными рыбаками. Вроде меня. Перед этим немцы задержали меня, осмотрели лодку и отпустили, -- убедительно соврал Андреа. -- Ваш сторожевик подошел к их посудине. Совсем близко подошел. Тут с обоих судов затрещали автоматы, в катер полетели две коробки. Наверное, они угодили в

машинный отсек. Бах-х! -- вскинул вверх руки Анд-- реа. -- И готово!

-- А мы-то думали...--проронил Турциг. -- Ладно, продолжай.

-- Что вы думали, господин обер-лейтенант? -- спросил грек. Глаза Турцига сузились, и Андреа поспешно продолжал: -- Ихнего переводчика убили во время перестрелки. Не заметив ловушки, я заговорил по-английски: я несколько лет жил на Кипре. Силой затащили меня на свой каик, а сыновей отпустили на моей лодке.

-- А зачем им переводчик? -- подозрительно спросил Турциг. -- Многие английские офицеры говорят по-гречески.

-- Я как раз об этом, -- нетерпеливо произнес Андреа. -- Черт возьми, как же я закончу свою историю, если вы то и дело меня перебиваете? На чем я остановился? Ах, да. Они силой затащили меня к себе. Потом у них поломался мотор. Не знаю, что с ним произошло, меня заперли в трюме. Потом, кажется, зашли в какую-то бухту чинить мотор. Там они начали пьянствовать. Вы не поверите, господин обер-лейтенант, предстоит такая опасная операция, а они пьяны в стельку. Потом мы поплыли дальше.

-- Наоборот, я тебе верю, -- медленно кивал Турциг, видно, что-то сопоставляя. -- Верю, что ты говоришь сущую правду.

-- Нет, правда, верите? -- Андреа изобразил сомнение. -- Затем мы попали в страшный шторм. Каик разбило о южный утес острова Навароне. По этому утесу мы и поднялись...

-- Хватит! -- резким движением Турциг отпрянул назад. В глазах его вспыхнул гнев. -- Я чуть не поверил тебе. Я верил тебе, потому что нам известно больше, чем ты думаешь. До сих пор ты не лгал. Но сейчас другое дело. Хитер ты, толстяк, но и мы не лыком шиты. Ты упустил из виду одно обстоятельство. Возможно, ты и не знаешь о нем. Дело в том, что мы егеря из *Wuerttembergische Gebirgsbataillon*, то есть из Вюртембергского горно-пехотного батальона. Горы, приятель, для нас дом родной. Сам я пруссак, но я совершал восхождения на все приличные вершины Альп и Трансильвании. И я тебе заявляю, что южный утес покорить невозможно!

-- Может, для вас и невозможно, -- грустно покачал головой Андреа. -- Все-таки эти окаянные союзники победят вас. Они такие хитрые, господин обер-лейтенант, такие хитрые!

-- Объясни, что ты имеешь в виду, -- повелительно произнес Турциг.

-- А вот что. Они знали, что южный утес считается неприступным. Потому-то и решили подниматься именно в этом месте. Вам не пришло бы в голову, что диверсионная группа может попасть на остров таким путем. Поэтому союзники сделали ход конем. Нашли человека, который сумел бы возглавить эту группу. Правда, он по-гречески не говорит, но в нем важно другое. Им нужен был скалолаз. И они нашли такого человека. Известного во всем мире альпиниста, -- Андреа сделал паузу, потом картинно вскинул руку, -- это тот самый скалолаз, господин обер-лейтенант! Вы сами альпинист, так что должны его знать. Его зовут Мэллори. Кейт Мэллори из Новой Зеландии!

Немец удивленно воскликнул. Щелкнув выключателем, шагнул вперед и направил свет фонаря чуть ли не в глаза Мэллори. Секунд десять разглядывал его профиль, прищуренные глаза, затем медленно опустил руку. На снегу у его ног возникло яркое светящееся пятно. Обер-лейтенант закивал головой, что-то припоминая.

-- Ну, конечно же! -- вырвалось у него. -- Мэллори... Кейт Мэллори! Разумеется, я его знаю. В моем *Abteilung* [Подразделение (нем.)] вы не найдете ни одного егеря, который бы не слышал о Кейте Мэллори. -- Покачав головой, он добавил: -- Я же должен был его узнать. Должен был узнать его тотчас же. -- Опустив голову, носком ботинка офицер ковырял в снегу. Потом вскинул глаза. -- До войны, даже во время войны я считал бы для себя честью познакомиться с вами. Но не теперь и не здесь. Лучше бы послали сюда кого-нибудь другого, а не вас. -- Помолчав, офицер хотел что-то добавить, но передумал и повернулся к рослому греку. -- Прими мои извинения, толстяк. Ты действительно не врешь. Продолжай.

-- Ну, конечно! -- расплылось в довольной улыбке круглое лицо Андреа. -- Как я уже сказал, мы поднялись по утесу. Правда, при этом получил тяжелое увечье парень, который остался в пещере. Убрали часового. Это Мэллори его убил, -- без стеснения солгал Андреа. -- Но в честном бою. Мы шли почти всю ночь, чтобы преодолеть перевал, и перед рассветом наткнулись на эту пещеру. Мы валились с ног, голодные, холодные. Так в ней и сидели.

-- И ничего за все это время не произошло?

-- Ну, как же, -- обрадовался Андреа, видя себя в центре всеобщего внимания. -- К нам приходили два человека. Кто такие, не знаю. Лица свои они все время прятали. Откуда пришли, тоже не знаю.

-- Хорошо, что ты это сказал, -- мрачно произнес Турциг. -- Я понял, что тут побывал кто-то посторонний. Я узнал камелек. Его украли у гауптмана Шкоды.

-- Неужели? -- вежливо удивился Андреа. -- А я и не знал. Так вот. Они немного поговорили, а потом...

-- Тебе не удалось подслушать, о чем они говорят? -- прервал его обер-лейтенант. Вопрос был задан столь естественным тоном, что Мэллори затаил дыхание. Западня была расставлена мастерски. Андреа непременно попадется в нее. Но грек на наживку не клонул.

-- Подслушать? А зачем мне было подслушивать? -- обиженно скривил губы грек, воздев очи горе. -- Господин обер-лейтенант, сколько раз вам надо повторять, что я у них за переводчика. Без меня они бы и не поняли друг друга. Конечно, я знаю, о чем был разговор. Эти типы собираются взорвать большие пушки, установленные в бухте.

-- А я-то думал: они на курорт приехали! -- с издевкой проговорил Турциг.

-- Да, но вы не знаете, что у них есть план крепости. Не знаете, что высадка на остров Керос произойдет в воскресенье утром. Не знаете, что они постоянно поддерживают связь с Каиром по радио. Вы не знаете, что британские эсминцы войдут в Майдосский пролив в ночь с пятницы на субботу, как только будут уничтожены орудия. Вы не знаете...

-- Достаточно! -- хлопнул в ладоши обер-лейтенант. -- Британские эсминцы, да? Превосходно! Превосходно! Вот это-то нам и надо было выяснить. Но достаточно. Остальное расскажешь гауптману Шкоде и коменданту крепости. Надо идти. Только у меня еще один вопрос. Где взрывчатка?

Андреа с расстроенным видом развел руками. Плечи его уныло опустились.

-- Увы, господин обер-лейтенант, этого я не знаю. Они ее вытащили и куда-то унесли. Сказали, что в пещере слишком жарко.

-- Ткнув пальцем куда-то в западном направлении, противоположном той стороне, где находилась хижина Лери, он произнес: -- Кажется, куда-то туда. Но точно сказать не могу. Они мне не сообщили. -- Укоризненно посмотрев на Мэллори, грек заметил: -- Эти британцы одним миром мазаны. Никому-то они не доверяют.

-- И я их вполне понимаю! -- брезгливо посмотрел на толстого грека обер-лейтенант. -- Сейчас мне особенно хочется увидеть тебя под перекладной на самой высокой виселице в крепости. Но Herr Kommandant человек добрый, доносчиков он жалует. Может даровать тебе жизнь, чтобы ты и впредь предавал своих товарищей,

-- Спасибо, спасибо! Я знал, вы человек справедливый. Обещаю вам, господин обер-лейтенант...

-- Заткнись! -- оборвал его презрительно Турциг. Затем перешел на немецкий. -- Фельдфебель, прикажите их связать. Толстяка тоже! Потом его развяжем, пусть несет раненого к нам в штаб. Оставьте караульного. Остальные пойдут со мной, нужно взрывчатку найти.

-- А может, заставим их язык развязать, господин обер-лейтенант? -- посоветовал фельдфебель.

-- Тот, кто готов сообщить, где взрывчатка, не знает этого. Все, что знает, он уже выложил. Что касается остального,

я был неправ в отношении их, фельдфебель. -- Повернувшись к Мэллори, офицер слегка поклонился и по-английски произнес: -- Я ошибся в отношении вас. Herr Мэллори. Все мы очень устали. Готов извиниться за то, что ударил вас. -- Повернувшись на каблуках, офицер стал ловко подниматься по склону. Через две минуты с пленными остался лишь один караульный.

В который раз Мэллори поменял позу, пытаясь порвать веревку, связывавшую ему руки, и в который раз убедился в тщетности своих усилий. Как новозеландец ни извивался и ни крутился, он добился лишь одного: вся одежда промокла насквозь, сам он продрог до костей и дрожал от холода. Солдат, вязавший узлы, знал свое дело. С тех пор, как Турциг и его подчиненные отправились на поиски, прошло больше часа. Неужели всю ночь будут болтаться?

Перестав дергаться, Мэллори откинулся на снежную перину, покрывавшую склон, и задумчиво посмотрел на сидевшего, понурясь, чуть повыше его, рослого грека. Часовой жестом велел лечь всем на снег. Андреа попытался порвать веревку. Мэллори видел, как ходят ходуном плечи товарища, как врезаются в плоть узлы. Но теперь Андреа сидел спокойно, заискивающе улыбаясь часовому с видом человека, которого незаслуженно обидели. Андреа не стал искушать судьбу. У Турцига глаз наметанный, он сразу заметит распухшие, кровоточащие кисти рук -- картина, несовместимая с образом предателя, который пытался внушить офицеру грек.

Мастерский спектакль. Тем более что создавался он экспромтом, по наитию, размышлял капитан. Андреа сообщил немцу столько достоверных сведений или таких, которые можно проверить, что невозможно не поверить и всему остальному. Однако Андреа не сказал Турцигу ничего существенного, ничего такого, о чем немцы не могли бы узнать и сами. Не считая, правда, планов эвакуации гарнизона острова Керос на кораблях британского флота. Мысленно усмехнувшись, Мэллори вспомнил, как он расстроился, когда Андреа начал рассказывать немцу о предстоящем походе кораблей. Но Андреа не настолько прост. Ведь немцы и сами могли догадаться о намеченной операции. Нападение диверсионной группы на оружейные установки в тот же день, когда немцы осуществят налет на Керос, не может быть простым совпадением. Ко всему, возможность убежать из плена зависит от того, в какой мере Андреа удастся убедить немцев, что он тот, за кого себя выдает, и от сравнительной свободы, которую при этом получит. Совершенно определенно, именно сообщение о планах эвакуации гарнизона острова Керос перевесило чашу весов в его пользу в глазах Турцига. А то, что операция, по словам Андреа, будет осуществлена в субботу, придаст словам грека особый вес, поскольку именно в этот день, согласно первоначальным сведениям, имевшимся в распоряжении у Дженсена, немцы осуществят налет на остров. Очевидно, агенты Дженсена были дезинформированы германской контрразведкой, которая понимала, что приготовления к операции скрыть невозможно. Наконец, не сообщив Андреа обер-лейтенанту об эсминцах, ему не удалось бы убедить немца, что он действительно немецкий прихвостень. Дело кончилось бы тем, что всех их вздернули бы в крепости Навароне, орудия остались бы целы и невредимы и в конце концов пустили бы британские эсминцы ко дну.

Мыслей было столько, что голова раскалывалась. Вздыхнув, Мэллори перевел взгляд на остальных двух своих товарищей. Браун и успевший прийти в сознание Миллер сидели выпрямясь, со связанными сзади руками, и порой наматывали головой, словно пьяные. Мэллори понимал их состояние. У него самого нестерпимо болела вся правая сторона лица. Всем досталось, с досадой подумал Мэллори, а толку никакого. Каково в эту минуту Энди Стивенсу? Бросив взгляд в сторону зияющего устья пещеры, Мэллори так и обмер.

Медленно, не подавая виду, что потрясен представшим его взору зрелищем, новозеландец отвел взгляд, уставился на часового, который сидел на рации Брауна, положив на колени "шмайсер", палец на спусковом крючке, и наблюдал за пленными. "Господи, только бы он не оглянулся! Господи, только бы он не

оглянулся", -- мысленно твердил Мэллори. Пусть он еще посидит, пусть еще посидит..." Но взгляд вновь и вновь невольно устремлялся к пещере.

Волоча изувеченную ногу, из укрытия выползал Энди Стивенс. Даже при тусклом свете звезд было видно, сколько страданий доставляет ему каждое движение. Упираясь руками, он приподнимал туловище, затем, опустив голову, переносил тяжесть тела вперед и таким образом передвигался по рыхлому влажному снегу. Силы его таяли на глазах. Хотя юноша ослаб и измучен страданиями, но котелок у него варит: на плечах и спине белая простыня, в правой руке зажат альпинистский крюк. Должно быть, Энди слышал отрывки фраз, сказанных Турцигом. В пещере оставалось два или три автомата. Стивенс без труда снял бы часового и не выходя из пещеры. Но, заслышав выстрел, немцы вернулись бы раньше, чем он сумеет проползти лощину, не то чтобы освободить от пут хотя бы одного из товарищей.

Стивенсу осталось проползти самое большее метров пять. По дну лощины прошелестел принесшийся с юга ветер, но, кроме него да дыхания пленников, не слышно ни звука. Иногда кто-то из сидящих ворочался, расправляя отекающую ногу. Хотя снег не скрипит, немец непременно услышит Стивенса. Опустив голову, Мэллори закашлялся. Сначала часовой лишь удивленно поднял глаза, потом, видя, что кашель не прекращается, раздраженно произнес по-немецки:

-- Прекрати! Сейчас же прекрати кашлять!

-- Huesten? Huesten? Кашлять, что ли? Как я перестану? -- возразил по-английски Мэллори и снова закашлялся. На этот раз еще громче. -- Все твой Ober-leutenant, -- произнес он, ловя ртом воздух. -- Половину зубов выбил. -- И снова зашелся в приступе кашля. Пересилив себя, с вызовом произнес: -- Я же не виноват, что собственной кровью захлебываюсь.

Стивенс находился ближе чем в трех метрах от часового, но уже выбился из сил. Не в состоянии до конца выпрямлять руки, он продвигался лишь на какие-то несколько дюймов. А потом и вовсе замер и с полминуты лежал неподвижно. Мэллори решил было, что юноша потерял сознание, но тут Стивенс приподнялся -- на этот раз на всю длину рук. Попытавшись оттолкнуться вперед, он не выдержал веса собственного тела и рухнул в снег. Мэллори снова закашлялся, но было поздно. Вмиг вскочив с ящика, немец круто повернулся, уперов дуло "шмайсера" в распростертое почти у самых его ног тело. Убедившись, что это раненый, часовой опустил автомат.

-- Ах, вот что! -- проронил он. -- Птенчик вылетел из гнезда. Бедный маленький птенчик! -- Мэллори вздрогнул, увидев, как взвился над головой Стивенса приклад. Но часовой оказался человеком не злым: замахнулся он, лишь повинуясь защитной реакции. Не донеся приклад до искаженного страданием лица, он наклонился и, почти бережно вынув из решительно сжатых, но ослабевших пальцев альпинистский крюк, швырнул его в снег. Аккуратно приподняв раненого под мышки, подложил под голову потерявшего сознание Стивенса скомканную простыню, невесело покачал головой и снова уселся на ящик.

Гауптман Шкода оказался щуплым человечком лет под сорок. Щеголеватый, форма с иголочки, внешне веселый и злой в душе. Отталкивающее впечатление производила его тощая, длинная шея в поперечных складках, которая торчала из ворота мундира с ватными плечами. Впечатление это усугублялось маленькой, яйцеобразной, точно у черепахи, головкой. Когда тонкие бескровные губы его раздвигались -- а улыбался гауптман часто, -- обнажались два ряда превосходных зубов. Но ослепительная улыбка не освещала лицо гауптмана, а лишь подчеркивала нездоровую бледность его кожи, обтягивавшей острый нос, широкие скулы и собиравшей в складки шрам от сабельного удара, который рассекал левую щеку от брови до подбородка. Однако, улыбался ли гауптман или был серьезен, зрачки глубоко посаженных его глаз

всегда оставались черными и пустыми. Несмотря на ранний час -- не было и шести, -- он был безукоризненно одет, свежесбриг. Редкие темные волосы с глубокими залысинами напояжены и аккуратно зачесаны назад. Хотя над единственным столом в караульном помещении, вдоль стен которого тянулись скамьи, возвышалась лишь небольшая часть туловища гауптмана, всякий бы догадался, что бриджи его отутюжены, а сапоги начищены до зеркального блеска.

Гауптман был улыбчив. После того как обер-лейтенант Турциг закончил доклад. Шкода тоже улыбнулся. Откинувшись назад в кресле, гауптман опустил подбородок на переплетенные пальцы и весело оглядел присутствующих. Ничто не ускользнуло от взгляда этих невыразительных, пустых глаз -- ни караульный возле двери, ни двое солдат, стоящих позади связанных узников, ни Андреа, сидящий на скамье, на которую тот положил Энди Стивенса.

-- Молодцом, обер-лейтенант! -- промурлыкал гауптман. -- Операция проделана блестяще! -- Он задумчиво разглядывал трех пленников, стоящих перед ним. Лица в синяках, кровоподтеках. Затем перевел взгляд на раненого юношу, находящегося в полубессознательном состоянии, и снова улыбнулся, соизволив приподнять брови. -- Были некоторые сложности, Турциг? Пленные оказались не слишком... э... сговорчивы?

-- Никак нет, господин гауптман. Пленные не оказали никакого сопротивления, -- сухо отрапортовал обер-лейтенант. И тон, и манера обращения к начальнику безукоризненно корректны, но в глазах скрытая враждебность. -- Мои солдаты несколько переусердствовали.

-- Все правильно, обер-лейтенант, все правильно, -- проворковал одобрительно Шкода. -- Это опасные люди, а с опасными людьми иначе нельзя. -- Отодвинув кресло, гауптман легко поднялся на ноги, обойдя стол, остановился перед Андреа.

-- Опасны, кроме этого типа, не так ли, обер-лейтенант?

-- Он опасен лишь для своих приятелей, -- кивнул Турциг. -- Я вам о нем уже докладывал, господин гауптман. Он и мать родную продаст, лишь бы шкуру спасти.

-- И клянется нам в преданности? -- задумчиво произнес Шкода. -- Вот каков один из наших доблестных союзников, обер-лейтенант. -- Вытянув руку, гауптман резко опустил ее. На щеке Андреа остался кровавый след от перстня с печаткой, надетого на средний палец. Вскрикнув от боли, грек схватился одной рукой за лицо, а другой инстинктивно закрыл голову.

-- Весьма ценное приобретение для вермахта, -- вымолвил гауптман. -- Вы не ошиблись, обер-лейтенант. -- Заячья душа. Реакция на удар -- вернейший тому симптом. Любопытно, -- задумчиво продолжал немец, -- как часто крупные люди оказываются малодушными. Очевидно, природа как бы компенсирует приобретение одного качества потерей другого... Как тебя зовут, мой храбрый друг?

-- Папагос, -- угрюмо пробурчал Андреа. -- Петрос Папагос. -- Отняв от лица руку, он посмотрел на нее расширившимся от ужаса взглядом и принялся суетливо тереть ее о штаны. Шкода с насмешкой наблюдал его испуг.

-- Не переносишь вида крови, Папагос? -- спросил гауптман. -- Особенно своей?

После краткой паузы Андреа поднял голову. Казалось, он вот-вот заплачет.

-- Я всего лишь бедный рыбак, ваше благородие! -- воскликнул грек. -- Вы надо мной смеетесь, говорите, что я, мол, не выношу вида крови. Так оно и есть. Страдания и войну я тоже не выношу. Не нужно мне это ничего! -- чуть не взвизгнул он, бессильно сжав огромные кулаки. Лицо его болезненно сморщилось. Отчаяние было изображено столь убедительным образом, что Мэллори было решил, что Андреа вовсе и не разыгрывает комедию. -- Оставьте меня в покое! -- продолжал он жалобным голосом. -- Видит Бог, никакой я не военный...

-- Весьма неточное определение, -- сухо произнес гауптман. -- Кто ты такой, видно каждому. -- С задумчивым видом постукивая по зубам темно-зеленым мундштуком, офицер продолжал: -- Так ты рыбак, говоришь?..

-- Это предатель, будь он проклят! -- вмешался Мэллори: слишком уж заинтересовался немец личностью Андреа. Круто повернувшись, гауптман остановился перед Мэллори и, заложив руки за спину и покачиваясь с пятки на носок, насмешливо оглядел новозеландца с ног до головы.

-- Вот как! -- произнес он после некоторого раздумья. -- Перед нами великий Кейт Мэллори! Совсем не то, что наш упитанный и робкий друг, который сидит там на скамье. Не правда ли, обер-лейтенант!? -- И, не дождавшись ответа, спросил: -- В каком вы чине, Мэллори?

-- Капитан, -- лаконично ответил новозеландец.

-- Ах, вот как! Капитан Кейт Мэллори, известнейший в мире альпинист, кумир довоенной Европы, покоритель самых неприступных вершин. -- Покачив головой. Шкода прибавил: -- И какой бесславный конец... Не уверен, что потомки сочтут ваше последнее восхождение выдающимся спортивным достижением. На виселицу ведут всего десять ступенек. -- Шкода усмехнулся. -- Мысль не из самых веселых, не так ли, капитан Мэллори?

-- Я об этом и не думал, -- любезно ответил новозеландец.

-- Я вот смотрю на ваше лицо и все пытаюсь вспомнить... -- Наморщив лоб, он продолжал: -- Где-то я видел нечто похожее... -- Тут капитан умолк.

-- Неужели? -- оживился Шкода. -- Может, в Бернских Альпах? До войны я часто там бывал...

-- Вспомнил! -- Лицо Мэллори просветлело. Он признавал всю рискованность затеянной им игры, но нужно во что бы то ни стало отвлечь внимание от Андреа, тут оправдан любой шаг. Сияя улыбкой, Кейт смотрел на гауптмана. -- Это было месяца три назад, в Каирском зоопарке. Там я увидел степного канюка, привезенного из Судана. Канюк, правда, старый и паршивый, -- извиняющимся тоном добавил Мэллори. -- Но такая же длинная шея, острый клюв, плешивая голова...

При виде искаженной злобой, с оскаленными зубами, физиономии гауптмана Мэллори отшатнулся. Не рассчитав в гневе силы удара. Шкода промахнулся и едва не потерял равновесие. Спустя мгновение гауптман взвыл от боли: тяжелый ботинок новозеландца угодил ему чуть выше колена. Не успел немец коснуться пола, как упруго, точно кошка, вскочил, сделал шаг, но ушибленная нога подвернулась, и он рухнул наземь.

На мгновение в комнате воцарилась тишина. Все словно окаменело. Опираясь о край громадного стола, Шкода с трудом поднялся. Он часто дышал, белые губы сжаты в прямую линию, на пергаментном лице алеет след от сабельного удара. Не глядя ни на Мэллори, ни на остальных присутствующих, гауптман со злобной неторопливостью двигался вокруг стола. Скользя по его обитой кожей крышке, ладони издавали неприятный звук, действовавший на нервы, и без того натянутые как струна.

Новозеландец с бесстрастным лицом наблюдал за гауптманом, мысленно проклиная себя за то, что переборщил. Он не сомневался, как не сомневался никто из присутствующих в караулке, в том, что Шкода намерен застрелить его. Но Мэллори не умрет. Умрут лишь Шкода и Андреа. Шкода будет пронзен метательным ножом: грек вытирал с лица кровь рукавом, кончики пальцев его всего в нескольких сантиметрах от ножен. Андреа же погибнет от пуль часовых; кроме ножа, иного оружия у него нет. Дурак ты, дурак! -- твердил мысленно капитан. -- Идиот безмозглый! Чуть повернув голову, краешком глаза он посмотрел на часового, который был ближе всех. Но и до него самое малое метра два. Часовой успеет прошить его насквозь. Но он попробует. Должен попробовать. Андреа он в беде не оставит.

Выдвинув ящик стола, гауптман достал пистолет. Автоматический, бесстрастно подумал Мэллори. Вороненый, короткий ствол, похож на игрушку. Но игрушка опасная. Иного оружия у Шкоды не могло и быть. Гауптман не спеша нажал на защелку магазина, проверил патроны, ударом ладони загнал магазин в рукоятку и, поставив оружие на боевой взвод, посмотрел на Мэллори. Выражение глаз у гауптмана не изменилось; они были так же холодны, темны и пусты. Бросив беглый взгляд на Андреа, новозеландец напрягся, готовый к броску. Сейчас это

произойдет. Вот как умирают такие болваны, как он, Кейт Мэллори. Внезапно, сам не зная почему, он обмяк. Глаза его были все еще направлены на Андреа, а глаза друга -- на него. Огромная ладонь спокойно скользнула вниз. Ножа в ней не было...

Возле стола началась возня. Обер-лейтенант прижал к столу пистолет, который держал Шкода.

-- Не надо, герр гауптман! -- умолял Турциг. -- Ради Бога, только не это!

-- Убери руки! -- прошипел Шкода, не отрывая неподвижного взгляда от лица Мэллори. -- Повторяю, убери руки, не то составишь компанию капитану Мэл-- лори.

-- Вы, не посмеете застрелить его, господин гауптман! -- упрямо твердил обер-лейтенант. -- Нельзя этого делать! Herr Kommandant дал четкие указания, гауптман Шкода. Командира группы приказано доставить к нему живым.

-- Он убит при попытке к бегству, -- хриплым голосом произнес Шкода.

-- Ничего не получится, -- помотал головой обер-лейтенант. -- Не можем же мы расстрелять всех. Остальные пленные доложат, как было дело. -- Отпустив руку гауптмана, Турциг добавил: -- Herr Kommandant велел доставить его живым. Но не сказал, в каком виде. -- Обер-лейтенант доверительно понизил голос. -- Предположим, нам никак не удавалось развязать капитану Мэллори язык.

-- Что? Как вы сказали? -- мертвая голова оскалила зубы, и Шкода вновь стал самим собой. -- Вы переусердствовали, обер-лейтенант. Не забывайте. Кого вы вздумали учить? Именно так я и намеревался поступить. Хотел припугнуть Мэллори, чтоб он стал поразговорчивее. А вы мне все дело испортили. -- Гауптман вновь улыбался, голос его звучал чуть ли не игриво. Но новозеландца не проведешь: молодой обер-лейтенант из Альпийского корпуса спас ему жизнь. Такой человек, как Турциг, достоин уважения и дружбы. Если бы не эта треклятая бессмысленная война!.. Положив пистолет на стол. Шкода вновь приблизился к капитану.

-- Может, хватит валять дурака, капитан Мэллори? -- зубы гауптмана блеснули при свете лампочки без абажура. -- Не ночевать же нам здесь.

Взглянув на Шкоду, новозеландец отвернулся. Хотя в тесном караульном помещении было тепло, почти душно, по спине его пробежал холодок. Капитан инстинктивно понял всю гнусность натуры этого немца.

-- Так, так, так... Что-то мы нынче неразговорчивы, друг мой. -- Вполголоса мурлыкая песенку, гауптман улыбнулся еще шире. -- Так где же взрывчатка, капитан Мэллори?

-- Взрывчатка? -- удивленно выгнул бровь новозеландец. -- Не понимаю, о чем вы.

-- Память отшибло?

-- Не понимаю, о чем вы говорите.

-- Ах, вот как! -- По-прежнему мурлыкая мелодию. Шкода подошел к Миллеру. -- Что скажешь ты, мой друг?

-- У меня с памятью в порядке, -- непринужденно ответил янки. -- Капитан все перепутал.

-- Вот и молодчина, -- промурлыкал Шкода. В голосе его прозвучала нотка разочарования. -- Продолжай, друг мой.

-- Очень уж ненаблюдателен капитан Мэллори, -- растягивая слоги, продолжал Дасти. -- В зоопарке мы с ним были вместе. Клевещет он на благородную птицу. То был вовсе не канюк, а стервятник.

На мгновение улыбка с лица Шкоды исчезла. Затем появилась вновь -- неживая, холодная, словно приклеенная.

-- Очень остроумный народ подобрался, вы не находите, Турциг? Просто группа конференсье из мюзик-холла. Пусть повеселятся, пока палач не надел им пеньковый галстук на шею...

-- Бросив взгляд на Кейси Брауна, гауптман спросил; -- Может, ты ответишь?

-- Ответишь, если себя в очко отметишь, -- прорычал Браун.

-- В очко? Не знаю такого выражения, но, полагаю, ничего для себя лестного я тут не найду. -- Достав из плоского

портсигара сигарету. Шкода постучал мундштуком по ногтю. -- Гм-м-м. Не скажу, что они чересчур покладисты. Как вы находите, обер-лейтенант?

-- Этих людей не заставишь говорить, -- с твердой уверенностью произнес Турциг.

-- Возможно, возможно, -- невозмутимо ответил Шкода. -- И все-таки я получу необходимую мне информацию. Через пять минут получу. -- Неторопливо подойдя к столу, гауптман нажал на кнопку, вставил в нефритовый мундштук сигарету и, скрестив ноги в начищенных сапогах, с надменной презрительностью оглядел пленных.

Неожиданно раскрылась боковая дверь, и, подталкиваемые дулом винтовки, в комнату, спотыкаясь, вошли два связанных, залитых кровью человека. Мэллори так и обмер, почти до боли впились его ногти в ладони. Это были Лука и Панаис! У Луки рассечена бровь, у Панаиса рана на голове. Их-таки схватили. Оба грека были без верхней одежды. Лука лишился великолепно расшитой куртки, пунцового кушака и обычного своего арсенала. Маленький грек выглядел нелепо: жалкий и убитый горем, он в то же время побагровел от гнева; усы его топорщились как никогда грозно. Мэллори посмотрел на него равнодушно, словно не узнавая.

-- Вот вы каков, капитан Мэляори, -- с укором смотрел на новозеландца гауптман. -- Что ж вы не здороваетесь со своими старыми друзьями? Не хотите? Или растерялись? -- продолжал он ласковым тоном. -- Не рассчитывали встретиться с ними так скоро, капитан?

-- На пушку хотите взять? -- презрительно отозвался Мэллори. -- Я этих людей в глаза никогда не видел. -- При этом он поймал на себе взгляд Панаиса, полный такой черной злобы и недоброжелательности, что ему стало жутко.

-- Как же иначе. У людей память такая короткая, не так ли, капитан Мэллори? -- театрално вздохнул Шкода, наслаждаясь своей ролью. Так играет кошка с мышью. -- Что ж, попробуем еще разок. -- Круто повернувшись, гауптман подошел к скамье, на которой лежал Стивенс и, прежде чем кто-либо успел понять, в чем дело, ребром ладони ударил по изувеченной ноге юноши чуть пониже колена... Энди дернулся всем телом, но не издал ни звука. Находясь в полном сознании, он с улыбкой смотрел на немца. Лишь из прокушенной губы сочилась кровь.

-- Напрасно вы это сделали, гауптман Шкода, -- произнес Мэллори едва слышным голосом, прозвучавшим неестественно громко в воцарившейся тишине. -- Вы за это умрете, гауптман Шкода.

-- Да неужто умру? -- насмешливо отозвался офицер, снова рубанув по сломанной ноге и снова не исторгнув ни единого стоны у англичанина. -- В таком случае мне следует умереть дважды, не так ли, Мэллори? Этот юноша очень мужествен, но ведь у его друзей сердца не каменные. Разве не так, капитан? -- Пальцы немца скользнули по ноге раненого и сомкнулись вокруг щиколотки. -- Даю вам пять секунд, капитан Мэллори, иначе придется менять шину... Gott im Himmel! [Господи! (Нем.)] Что с этим толстяком?

Сделав два шага вперед, Андреа остановился, шатаясь из стороны в сторону, меньше чем в метре от гауптмана.

-- Выпустите меня! Выпустите меня отсюда, -- задыхаясь, говорил грек. Одну руку он прижимал к горлу, другой держался за живот. -- Не могу видеть такие страсти! На воздух!

-- Ну нет, любезный мой Папагос! Ты останешься здесь и досмотришь все до конца... -- увидев, что Андреа закатил глаза, Шкода воскликнул: -- Капрал! Скорей! Этот олух сейчас упадет в обморок! Убери его, а то он нас задавит!

Мэллори увидел, как оба часовых кинулись вперед, заметил растерянность и презрение на лице Луки. Вслед за тем покосился на Миллера и Брауна. Американец едва заметно моргнул, Кейси чуть кивнул головой. Два солдата, подойдя к Андреа сзади, положили его вялые руки к себе на плечи. Скосив глаза влево, Мэллори увидел, что часовой, находящийся в метре с небольшим от него, как зачарованный смотрит на падающее тело верзилы-грека. Спокойно, еще спокойней... Автомат у него сбоку. Бить под дых,

пока не успел опомниться...

Словно замороженный, Мэллори смотрел на ладони Андреа, лежащие на шее у часовых, поддерживающих его. Увидев, как напряглись мышцы Андреа, капитан метнул свое тело назад и вбок, изо всей силы ударил плечом часового в солнечное сплетение. Раздалось громкое "ох!", удар о деревянную стенку. Не скоро придет в себя солдат!

Нанося удар, Мэллори услышал глухой жуткий стук столкнувшихся между собой голов. Придавленный навалившимися на него Миллером и Брауном, пытался вырваться еще один солдат. Выхватив "шмайсер" у потерявшего сознание охранника, находившегося справа от него, Андреа уже держал Шкоду на мушке.

Несколько мгновений в караульном царила полнейшая тишина, от которой звенело в ушах. Никто не пошевелинулся, не сказал ни слова, не дышал: так потрясло всех происшедшее.

Тишину разорвал оглушительный стук автомата. Целясь гауптману в сердце, Андреа трижды нажал на спусковой крючок. Человечек подпрыгнул и с размаху ударился спиной о стену. Долю мгновения постоял, раскинув руки, затем рухнул, похожий на манекен, навзничь, ударившись при этом головой о скамью. Такие же холодные и пустые, как при жизни, глаза его были широко открыты.

Поведя стволом автомата, Андреа уже держал Турцига и унтер-офицера на мушке. Достав из ножен на поясе Шкоды финку, гигант-грек разрезал веревки, связывавшие руки Мэллори.

-- Подержи-ка автомат, капитан. Согнув занемевшие пальцы, Мэллори кивнул и молча взял "шмайсер". В три прыжка Андреа оказался возле двери в прихожую. Прижавшись к стене, жестом велел Мэллори отойти в глубь помещения.

Внезапно дверь распахнулась. Греку видно было лишь дуло винтовки, выглядывавшее из проема.

-- Oberleutnant Turzig! Was ist los? Wer schoss? [Обер-лейтенант Турциг! В чем дело? Кто стрелял? (Нем.)] -- Голос оборвался на мучительной ноте: ударом каблука Андреа захлопнул дверь. Не успел немец упасть, как грек подхватил его и, оттащив в сторону, высунул голову в соседнее помещение. После беглого осмотра закрыл дверь и запер на засов.

-- Никого нет, капитан, -- доложил грек. -- Кроме караульного, не было никого.

-- Вот и превосходно! Разрежь и у остальных веревки. -- Повернувшись к Луке, Мэллори невольно улыбнулся при виде растерянного выражения на его лице, сменившегося улыбкой до ушей.

-- А где спят солдаты, Лука?

-- В казарме в центре лагеря, майор. Здесь офицерские помещения.

-- Лагеря, ты говоришь? Выходит...

-- Колочая проволока, -- лаконично ответил Лука. -- Высотой три метра.

-- Выходов сколько?

-- Один-единственный. Двое часовых.

-- Превосходно! Андреа, всех в соседнее помещение. Нет, вы, обер-лейтенант, сядете здесь, -- показал на кресло капитан.

-- Кто-нибудь непременно сейчас придет. Скажете, что убили одного из пленных при попытке к бегству. Затем вызовите часовых, охраняющих ворота.

Турциг ответил на сразу. Он рассеянно наблюдал за тем, как Андреа потащил за шиворот двух солдат, находившихся без сознания.

-- Должен разочаровать вас, капитан Мэллори, -- криво усмехнулся Турциг. -- И без того по моей вине наделано много глупостей. Напрасно рассчитываете на меня.

-- Андреа! -- негромко позвал Мэллори.

-- Слушаю, -- выглянул из дверей грек.

-- Кажется, кто-то идет сюда. Из той комнаты есть еще выход? Андреа молча кивнул.

-- Встань снаружи. Нож возьми. Если обер-лейтенант... -- Но последние слова его упали в пустоту. Беззвучно, как тень, Андреа уже выскользнул из комнаты.

-- Вы сделаете все в точности, как я скажу, -- проговорил вполголоса Мэллори, встав в проеме двери в соседнее помещение так, чтобы в щель между дверью и косяком можно было видеть выход. Дуло автомата смотрело на обер-лейтенанта. -- Если вы этого не сделаете, Андреа убьет человека, который сюда идет. Потом убьет вас и внутреннюю охрану. Затем мы зарежем караульных у ворот. Девять трупов ни за понюх табака. Мы все равно сбежим... Он уже здесь, -- прошептал Мэллори. Глаза его сверкнули сталью. -- Девять трупов, обер-лейтенант, -- такова цена вашей уязвленной гордости. -- Последнюю фразу Мэллори намеренно произнес на хорошем немецком языке. Заметив, как поникли плечи Турцига, Мэллори понял, что победил. Турциг хотел использовать свой последний шанс, рассчитывая на незнание капитаном немецкого. И вот теперь надежда эта исчезла.

Дверь распахнулась, на пороге стоял, тяжело дыша, солдат. Он был вооружен, но, несмотря на холод, в одной лишь нижней рубашке и брюках.

-- Господин обер-лейтенант! -- произнес вошедший по-немецки. -- Мы слышали выстрелы...

-- Все в порядке, фельдфебель. -- Турциг наклонился над открытым ящиком стола, делая вид, что ищет какие-то бумаги. -- Один из пленных попытался сбежать... Мы его задержали.

-- Может, вызвать санитара?

-- Боюсь, мы задержали его навеки, -- устало усмехнулся Турциг. -- Распорядитесь, чтобы утром его похоронили. А пока снимите с ворот караульных, пусть придут сюда. А затем в постель, а не то простудитесь и концы отдадите!

-- Смену прислать?

-- Да зачем? -- нетерпеливо произнес Турциг. -- Они нужны мне всего на одну минуту. Кроме того, те, от кого надо охранять лагерь, уже здесь. -- Губы его на мгновение сжались, до Турцига дошел иронический смысл случайно вырвавшейся фразы... -- Торопитесь, дружище! Каждая минута на счету! -- Дождавшись, когда стихнет грохот сапог, обер-лейтенант пристально взглянул на Мэллори. -- Удовлетворены?

-- Вполне. Искренне сожалею, -- негромко прибавил Мэллори, -- что вынужден обходиться подобным образом с таким человеком, как вы. -- Оглянувшись на вошедшего в караулку Андреа, капитан сказал: -- Андреа, узнай у Луки и Панаиса, где здесь телефонный коммутатор. Пусть разобьют его, а заодно и телефонные трубки. -- И усмехнулся: -- А потом назад, надо встретить гостей, которые дежурят у ворот. Депутации встречающих без тебя не обойтись.

Турциг поглядел грузному греку вслед.

-- Гауптман Шкода был прав. Мне еще учиться и учиться. -- В голосе обер-лейтенанта не было ни горечи, ни озлобленности. -- Обвел меня вокруг пальца этот громила.

-- Не вас первого, -- успокоил офицера Мэллори. -- Никто не знает, сколько человек он обвел вокруг пальца... Вы не первый, но, пожалуй, самый везучий.

-- Потому что уцелел?

-- Потому что уцелели, -- эхом отозвался капитан. Не прошло и десяти минут, как оба часовых, стоявших перед этим у ворот, очутились там же, где и их товарищи. Их схватили, разоружили, связали, заткнули кляпом рты так ловко и бесшумно, что Турциг, как профессионал, восхитился, несмотря на всю бедственность своего положения. Связанный по рукам и по ногам, он лежал в углу, пока без кляпа во рту.

-- Теперь понятно, почему ваше начальство остановило свой выбор именно на вас, капитан Мэллори. Будь задание выполнимо, вы бы его выполнили. Но, увы! Выше себя не прыгнешь. И все же группа у вас подобралась что надо.

-- Стараемся, -- скромно сказал Мэллори. Оглядев напоследок помещение, улыбнулся раненому: -- Готовы продолжить путешествие, молодой человек, или находите его несколько однообразным?

-- Если вы готовы, то готов и я. -- Улегшись на носилки, которые где-то раздобыл Лука, юноша блаженно вздохнул. -- На этот раз путешествую первым классом, как и подобает офицеру.

Каюта "люкс". В такой можно ехать сколько угодно!

-- Не говори за всех, -- буркнул Миллер, на которого приходилась основная тяжесть носилок. Легкое движение бровей, и фраза потеряла обидный для раненого смысл.

-- Тогда в путь. Еще один вопрос, обер-лейтенант: где тут в лагере радиостанция?

-- Хотите вывести ее из строя?

-- Совершенно верно.

-- Представления не имею.

-- А что, если я разmozжу вам голову?

-- Вы этого не сделаете, -- улыбнулся Турциг, но улыбка получилась невеселой. -- При известных обстоятельствах вы прищлепнули бы меня, как муху. Но за такой пустяк вы не станете убивать человека.

-- Того, что случилось с недоброй памяти гауптманом, с вами не произойдет, -- согласился Мэллори. -- Не так уж эта информация нам и нужна... Жаль, что приходится заниматься такими делами. Надеюсь, мы с вами больше не встретимся. Во всяком случае, пока идет война. Как знать, возможно, когда-нибудь мы пойдем с вами в одной связке. -- Жестом велел Луке вставить обер-лейтенанту кляп, Мэллори поспешно вышел. Через две минуты группа покинула расположение части и исчезла во мраке, чтобы укрыться в оливковых рощах, что к югу от селения.

Когда они вышли из оливковых рощ, чуть забрезжил день. На свинцовом предзакатном небе уже светлел силуэт горы Костос. Южный ветер принес тепло, и на склонах начал таять снег.

Глава одиннадцатая. СРЕДА. 14.00--16.00

Весь день группа пряталась в густых зарослях среди приземистых, сучковатых рожковых деревьев, прилепившихся к предательски осыпающемуся под ногами каменистому участку холма, который Лука называл "Чертовым пятачком". Хотя и ненадежное и неудобное, но это все-таки укрытие, где можно спрятаться и с успехом обороняться. С моря тянет легкий бриз, нагреваемый раскаленными скалами южного склона. Деревья защищали людей от лучей солнца, висевшего с утра до вечерних сумерек в безоблачном небе. В довершение всего взорам их предстало незабываемое зрелище сверкающего мириадами солнечных бликов Эгейского моря.

Поодаль, слева, сливаясь с блеклой дымкой голубых и сиреневых тонов, к невидимому горизонту уходила цепь островов Лерадского архипелага. Ближе всех -- подать рукой -- Майдос. На солнце белыми пятнами вспыхивали рыбацьи мазанки. А по этому узкому проливу через сутки с небольшим должны пройти корабли британского флота. Направо, еще дальше нечеткие очертания турецкого побережья, оттененного громадой Анатолийских гор и изогнутого наподобие ятагана в северном и западном направлениях. Прямо на севере, далеко в голубизну Эгейского моря, острием копыа выдавался мыс Демирджи. В ожерелье каменной гряды, он был испещрен бухточками, отороченными белыми песчаными пляжами. За ним в пурпурной дали дремал на поверхности моря остров Керос.

Дух захватывало при виде этой панорамы, от не поддающейся описанию красоты залитого солнцем моря щемило сердце. Но Мэллори было не до красоты. В начале третьего, меньше чем полчаса назад, заняв свой пост, капитан лишь мельком взглянул на это великолепие. Поудобнее устроившись под стволом дерева, он долго, пока не заболели глаза, смотрел. Смотрел туда, где была цель их экспедиции, разглядывал то, что так долго жаждал увидеть и уничтожить. Пушки крепости Навароне.

С населением в четыре-пять тысяч город Навароне раскинулся вдоль берега серповидной вулканического происхождения лагуны с

узким, как бутылочное горлышко, выходом в открытое море в северо-западной ее части. По обе стороны выхода из бухты были расположены прожекторные установки, минометные и пулеметные позиции. Со своего наблюдательного пункта Мэллори видел малейшие детали панорамы, каждую улицу, каждое здание, каждый каик и катер. Капитан так долго разглядывал эту картину, что она буквально врезалась ему в память. Он запомнил, как плавно спускается местность к западу от бухты к оливковым рощам, как сбегает к воде пыльные улицы. Заметил, что на юге рельеф местности круче, поэтому улицы идут параллельно берегу бухты. Разглядел и утесы на востоке, испещренные воронками от бомб, сброшенных эскадрилей "либерейторов" под командованием Торранса, скалы, круто взмывающие над водой метров на пятьдесят, повисая над бухтой, и массивную вершину, сложенную вулканическими породами, отделенную от раскинувшегося у ее подножия города стеной, которая упиралась в утес. Не упустил, наконец, из виду ни двойной ряд зениток, ни огромные радарные антенны, ни приземистые, с амбразурами окон, казармы, сложенные из крупных камней, возвышающиеся над местностью, ни зияющее в скале отверстие, над которым навис гигантского размера карниз.

Мэллори кивнул головой. Теперь все встало на свои места. Вот она какова, эта крепость, которую целых полтора года не удастся взять союзникам, -- крепость, которая определяет морскую стратегию в районе Спорад с тех самых пор, как немцы шагнули с материка на острова, и сковывает действия британского флота на участке площадью две тысячи миль между Лерадским архипелагом и побережьем Турции. Увидев крепость, Мэллори понял, в чем причина. С суши крепость не взять: крепость господствует над местностью; невозможно атаковать ее и с воздуха -- Мэллори понял, сколь опасной и бесполезной затеей было посылать эскадрилью Торранса на бомбежку огромных орудий, спрятавшихся под гигантским козырьком под защитой оцетинившихся стволами зенитных батарей. Захватить крепость с моря столь же бесполезная затея: недаром на острове Самос ждут своего часа эскадрильи "Люфтваффе". Джексен прав: хоть какой-то шанс на успех есть лишь у диверсионной группы. Шанс ничтожный, граничащий с самоубийством, но все же шанс. От этого никуда не денешься.

Задумавшись, Мэллори опустил бинокль, тыльной стороной ладони потер усталые глаза. Наконец-то стало ясно, какую ношу он взвалил на себя. Хорошо, что есть возможность изучить обстановку, местность, географические особенности города. Пожалуй, тут единственное на всем острове удобное для скрытного наблюдения место. Правда, заслуга в том не его, командира группы, а Луки и никого больше.

Маленькому греку с невеселыми глазами он обязан многим. Именно Лука посоветовал подниматься вверх по долине, с тем чтобы Андреа успел забрать взрывчатку из хижины старого Лари, а также убедиться, что немцы не успели поднять тревогу и начать погоню.

Таким образом, их группа смогла бы с боем отступать, прорываясь через оливковые рощи, чтобы затем укрыться у подножия горы Костос. Именно Лука провел группу еще раз мимо селения, когда диверсанты петляли, заматавая следы, и, велел остальным задержаться напротив деревни, вместе с Панаисом точно призрак исчез в предрассветной мгле, чтобы раздобыть себе одежду; а на обратном пути они проникли в немецкий гараж, оборвали провода зажигания на моторах штабной машины и грузовика -- единственное, чем располагал гарнизон Маргариты, -- на всякий случай разбив вдребезги и трамблеры. Именно Лука канавой привел их к дорожно-контрольному пункту в устье долины. Разоружить наряд -- не спал один лишь дежурный -- оказалось проще простого. Наконец, не кто иной, как Лука, настоял на том, чтобы двигаться прямо посередине размокшей грунтовой дороги до самой "щебенки", от которой до города было меньше двух миль. Пройдя по ней метров сто, группа свернула влево и начала спускаться по плато из застывшей лавы, чтобы не оставить следов и с восходом солнца добраться до рожковой рощи.

Уловка сработала. Их старания пустить преследователей по

ложному следу увенчались успехом. Миллер и Андреа, дежурившие поочередно до полудня, наблюдали, как немецкие солдаты из гарнизона крепости несколько часов рыскали по городу, переходя от одного дома к другому. Тем проще будет проникнуть в город на следующий день. Вряд ли немцы повторят облаву, а если и повторят, то уж не будут настолько дотошными. Лука свое дело знает.

Мэллори повернул голову, чтоб взглянуть на проводника. Маленький грек спал беспробудным сном вот уже пять часов, пристроившись к стволам двух деревьев. Хотя у капитана у самого болели натруженные ноги, а глаза слипались от усталости, не хотелось нарушать сон проводника. Лука его заслужил, да и накануне ночь не спал. Как и Панаис. Правда, мрачный грек уже проснулся. Откинув со лба прядь длинных крашенных волос, Кейт смотрел, как тот просыпается. В сущности, переход от сна к бодрствованию произошел мгновенно. Опасный, отчаянный, беспощадный к врагам человек. Но Мэллори Панаиса совсем не знал. Да и вряд ли когда-либо узнает, подумал капитан.

Чуть повыше, почти в центре рощи, из веток и прутьев, положенных на два дерева, находящихся метрах в полутора друг от друга, Андреа соорудил площадку шириной фута в четыре, заполнив валежником пространство между склоном и помостом, и постарался сделать его поровнее. Не снимая раненого с носилок, он положил на нее Стивенса. Юноша был все еще в сознании. С того самого момента, как отряд Турцига захватил их группу в пещере, Энди не сомкнул глаз. Ему, видно, было не до сна. От раны исходил тошнотворный запах гниющей плоти, от которой было нечем дышать. После того как отряд прибыл в рощу, Мэллори и Дасти сняли с ноги бинты, осмотрели рану и снова наложили повязку, с улыбкой заверив Стивенса, что рана заживает. Почти вся нога ниже колена почернела.

Вскинув бинокль, Мэллори хотел было еще раз взглянуть на город, но тут, съехав со склона, кто-то коснулся его рукава. Это был Панаис. Расстроенный, сердитый. Указав на перевалившее через точку зенита солнце, тот произнес по-гречески:

-- Который час, капитан Мэллори? -- Голос был низкий и хриплый, какой и следовало ожидать у поджарого, вечно хмурого островитянина. -- Который час? -- требовательно повторил тот.

-- Половина третьего или около того, -- удивленно поднял бровь новозеландец. -- Вы чем-то встревожены, Пацане?

-- Почему меня не разбудили? Надо было давно разбудить меня! -- рассердился Панаис. -- Мой черед дежурить.

-- Но вы же не спали всю ночь, -- рассудительно заметил Мэллори. -- Я решил, будет несправедливо...

-- Говорят вам: мой черед дежурить, -- упрямо повторил грек.

-- Хорошо, раз настаиваете. -- Зная, как вспыльчивы и обидчивы островитяне, когда речь идет о чести, капитан спорить не стал. -- Не знаю, что бы мы стали делать без Луки и вас... Я посижу тут еще, составлю вам компанию.

-- Так вот почему вы меня не разбудили! -- с обидой в голосе произнес грек. -- Не доверяете Панаису...

-- О Господи!.. -- раздраженно воскликнул Мэллори, но потом улыбнулся. -- Ну, конечно же, доверяю.

Пойду-ка я, пожалуй, вздремну, раз вы так любезны. Часика через два растолкайте меня, хорошо?

-- Конечно, конечно, -- обрадовался Панаис. -- Как же иначе?

Забравшись в глубь рощи, Мэллори выровнял небольшой участок и лениво растянулся на нем. Понаблюдал, как Панаис нервно ходит взад и вперед вдоль опушки рощи. Заметив, как Панаис взбирается на дерево, чтобы иметь лучший обзор, потерял к нему всякий интерес и решил соснуть, пока есть такая возможность.

-- Капитан Мэллори! Капитан Мэллори! -- звучало

настойчиво. Сильная рука трясла его за плечо. -- Вставайте! Да вставайте же!

Перевернувшись на спину, Мэллори открыл глаза и сел. К нему склонилось угрюмое встревоженное лицо Панаиса. Мэллори встряхнул головой, прогоняя сон, и тотчас вскочил на ноги.

-- В чем дело, Панаис?

-- Самолеты! -- торопливо проговорил тот. -- Сюда летит целая эскадрилья.

-- Самолеты? Какие еще самолеты? Чьи?

-- Не знаю, капитан. Они еще далеко. Только...

-- Откуда летят? -- оборвал его Мэллори.

-- С севера.

Оба побежали к опушке. Панаис показал на север, и Мэллори увидел, как полуденное солнце отражается от плоскостей, похожих на крылья чайки. Пикировщики, определил он, помрачнев. Семь, нет, восемь. Не больше трех миль отсюда. Самолеты летели на высоте шестьсот-семьсот метров двумя волнами -- по четыре в каждой... Лишь сейчас капитан заметил, что Панаис дергает его за рукав.

-- Скорей, капитан Мэллори! -- взволнованно повторял грек.

-- Нельзя терять времени. -- Повернув новозеландца, он вытянул руку в сторону угрюмых, поднимающихся в небо утесов. Скалы представляли собой нагромождение каменных глыб и были изрезаны лощинами и балками, которые тут и там кончались" так же неожиданно, как и начинались. -- Чертов пятачок! Нам надо туда! Скорей, капитан Мэллори!

-- На кой черт? -- удивленно посмотрел на него новозеландец. -- Нет причин полагать, что они ищут нас. Откуда им знать, что мы здесь? Этого не знает никто.

-- Что из того? -- упрямо стоял на своем Панаис. -- Я знаю. Не спрашивайте, откуда я знаю. Я и сам этого не понимаю. Лука подтвердит, что Панаис знает в этом толк! Это правда, капитан Мэллори, правда!

Мэллори растерянно посмотрел на грека, пораженный тревогой, звучащей в его словах. Напор слов перевесил в нем здравый смысл. Не отдавая себе отчета, что он делает, Мэллори уже взбирался по склону, спотыкаясь и скользя по осыпи. Остальные тоже были на ногах. Схватив автоматы, они в тревожном ожидании торопливо надевали рюкзаки.

-- Бегите к опушке, вон туда! -- крикнул Мэллори. -- Живо! Оставайтесь там и спрячьтесь. Попробуем пробиться к проходу в камнях. -- Он показал рукой на неправильной формы расщелину в скале, в каких-то сорока метрах от места, где он стоял, мысленно благословляя Луку за то, что тот нашел убежище, откуда можно незаметно уйти. -- Ждите, пока не позову. Андреа!.. -- Оглянувшись, он не стал продолжать: схватив юношу вместе с носилками и одеялами, тот взбегал по склону, лавируя между деревьями.

-- Что стряслось, шеф? -- спросил Миллер, догнав капитана.

-- Я ни черта не вижу!

-- Если заткнешься на минуту, то кое-что услышишь, -- мрачно ответил Мэллори. -- Посмотри вон туда.

Упав на живот, американец повернул голову в направлении вытянутой руки Мэллори. И тотчас обнаружил самолеты.

-- Пикировщики?! -- недоверчиво вымолвил он. -- Целая эскадрилья, будь они неладны! Не может быть, шеф!

-- Как видишь, -- угрюмо отозвался капитан. -- По словам Дженсена, фрицы сняли их с итальянского фронта. За последние недели перегнали больше двухсот машин. -- Прищулив глаза, новозеландец взглянул на эскадрилью, которая была уже меньше чем в полумиле. -- И направили этих гнусных птеродактилей в район Эгейского моря.

-- Но не нас же они ищут, -- возразил Миллер.

-- Боюсь, что нас, -- невесело ответил капитан. -- Оба эшелона бомбардировщиков перестроились в одну линию. -- Пожалуй, Панаис был прав.

-- Но... но... Но ведь они летят мимо...

-- Нет, не мимо, -- бесстрастно сказал Мэллори. -- И улетят не скоро. Посмотри на головную машину.

В этот момент первый в эскадрилье Ю-87 упал на левое крыло и, сделав полуразворот, с воем устремился с небес прямо на рощу.

-- Не трогать его! -- кричал Мэллори. -- Не стрелять!

Опустив закрылки, "юнкере" нацелился в середину рощи. Никакая сила не может его остановить, а попади в него случайно, рухнет им на голову. И так плохо, и так нехорошо. -- Закройте руками головы, головы к земле!

Сам он своему совету не последовал, следя как замороженный за падением бомбардировщика. Пятьсот... Четыреста... Триста футов... Крещендо могучего двигателя больно давило на барабанные перепонки. "Юнкерс" круто взмыл, выходя из пике. Бомбы под фюзеляжем не было.

Бомба! Мэллори сел, шурясь на голубизну неба. И не одна, а целая дюжина! Бомбы летели кучно, чуть ли не касаясь друг друга. Вонзились они в самую середину рощи, разнося в щепы узловые приземистые деревца, ломая ветки и закапываясь по самые стабилизаторы в щебенистую почву... Зажигалки! Мэллори подумал, что немцы пожалели своих врагов, не став швырять полутонные фугаски, но тут ожили, забулькали, зашипели, разбрызгивая вокруг сверкающую массу горящего магния, зажигательные бомбы, осветившие полумрак рощи. Через несколько секунд ослепительное пламя сменилось облаками зловонного черного дыма, сквозь который прорывались дрожащие красные языки пламени. Сначала небольшие, они мигом побежали вверх по смолистым стволам. И вот уже целые деревья охватило огнем. Машина все еще набирала высоту, а вся середина старой и сухой рощи яростно пылала.

Миллер толкал капитана локтем, стараясь привлечь к себе внимание.

-- Зажигалки, шеф! -- объявил он сквозь рев и треск.

-- А ты думал спички? -- парировал Мэллори. -- Хотят выкурить нас из рощи. Фугаски в лесу не годятся. В девяноста девяти случаях из ста они были бы эффективны. -- Закашлявшись, он посмотрел сквозь едкую пелену наверх. -- Но не на этот раз. Если нам повезет и фрицы дадут хоть полминуты передышки. Смотри, какой дымище!

Миллер поднял глаза. Густые спирали дыма, пронизанные раскаленными искрами, уже покрыли треть расстояния от рощи до скалы, подгоняемые легким бризом, дующим с моря. Настоящая дымовая завеса. Миллер кивнул:

-- Хочешь прорваться туда, шеф?

-- У нас нет выбора. Или будем прорываться, или останемся. В последнем случае нас изжарят или разнесут в клочья. А скорее всего и то, и другое. -- Повысив голос, он спросил: -- Кто видит, что там фрицы поделывают?

-- Выстраиваются в очередь, чтобы влупить нам еще разок, -- мрачно ответил Браун. -- Первый придурок все еще кружится.

-- Ждет, когда мы выбежим из укрытия. Ждать долго они не станут. Тут-то мы и снимемся. -- Он посмотрел на верхнюю часть склона, но едкий дым резал глаза. Определить, высоко ли поднялось облако дыма, невозможно, но оставаться дольше нельзя. Пилоты "юнкерсов" никогда не отличались выдержанным характером.

-- Эй, ребята! -- крикнул Мэллори. -- Бежим ярдов пятнадцать до той осыпи, потом вверх по ущелью. Пока не углубитесь хотя бы на сотню ярдов, не останавливаться. Ну, тронулись! -- Вглядываясь в плотную стену дыма, капитан спросил: -- А где Панаис?

Ответа не было.

-- Панаис! -- крикнул Мэллори. -- Панаис!

-- Может, он что-то забыл и вернулся? -- Миллер остановился и, повернувшись впол оборота, прибавил: -- А что, если я...

-- Живо в путь! -- зло сказал Мэллори. -- И если что-нибудь случится со Стивенсом, я тебе задам перцу... -- Но Миллер уже исчез вместе с Андреа, который спотыкался и кашлял.

Мэллори постоял в нерешительности. Затем бросился назад по склону, в самую середину рощи. Может, Панаис за чем-то пошел? А английского он не знает... Едва пройдя ярдов пять, он

остановился: пришлось закрыть голову и лицо руками -- жар был как в аду. Панаиса там быть не могло, он и несколько секунд там бы не пробыл. Судорожно хватая ртом воздух -- волосы трещат, одежда тлеет, -- Мэллори с трудом полз по склону, натываясь на деревья, скользя, падая, вновь поднимаясь.

Мэллори бросился к восточной опушке рощи. Там тоже никого. Кинулся обратно в лощину. Он почти ослеп -- раскаленный воздух кипятком обжигал глотку и легкие. Мэллори начал задыхаться. Ничего не поделаешь, продолжать поиски нет смысла. Впору самому спасаться. В ушах шумит от рева пламени. Бьется толчками сердце. Послышался душераздирающий вой "юнкера", входящего в пике. Новозеландец упал на осыпающийся под ногами гравий, хватая ртом воздух, вскочил и, несмотря на боль в ногах, стал карабкаться вверх. Воздух наполнился грохотом моторов: в атаку ринулась вся эскадрилья. Когда первые фугаски, подняв столб огня и дыма, ударили слева и чуть впереди, меньше чем в сорока метрах от Мэллори, он кинулся навзничь. Бомбы упали впереди! С трудом поднявшись на ноги, капитан вновь устремился вверх, проклиная себя. Дурак безмозглый! Болван! Послал людей на погибель! Котелком надо было варить! Мозгами пораскинуть. Пятилетний ребенок, и тот мог бы сообразить! Фрицы и не собираются бомбить всю рощу. Они давно смекнули, что к чему, и утюжат полосу дыма между рощей и склоном горы. Пятилетний ребенок... В этот миг под ногами у Мэллори разверзлась бездна. Чья-то огромная рука подняла его и швырнула оземь. Наступила темнота...

Глава двенадцатая. СРЕДА. 16.00--18.00

И не раз, и не два, с полдюжины раз пытался выбраться Мэллори из глубин бездонного, точно транс, оцепенения и, едва коснувшись поверхности сознания, снова проваливался в черную пучину. Вновь и вновь пытался он ухватиться за спасительную соломинку, но в голове было пусто и беспросветно. Понимая, что сознание соскальзывает за грань безумия, Мэллори терял связь с действительностью, и тогда снова возвращалась пустота. Кошмары, меня мучат кошмары, думал он в секунды просветления. Так бывает, когда понимаешь, что тебе снится страшный сон, и знаешь: если откроешь глаза, он исчезнет. Но глаз никак не открыть. Мэллори попытался сделать это и сейчас, но ничего не получалось; было все так же темно, его все еще терзал этот кошмар, хотя ярко светило солнце. Отчаявшись, он замотал головой.

-- То-то же! Наконец-то очухался! -- послышался тягучий, несколько гнусавый голос янки. -- Старый знахарь Миллер знает свое дело туго! -- На мгновение все стихло, Мэллори прислушался к удаляющемуся реву моторов. Едкий смолистый дым стал щипать ему ноздри и глаза. Но янки, приподняв его под мышки, настойчивым голосом проговорил: -- Хлебни-ка, шеф. Выдержанное бренди. Лучшее лекарство.

Ощув на губах холодное горлышко бутылки, Мэллори запрокинул голову и сделал глоток. И тотчас сел, давясь, захлебываясь, лоя ртом воздух. Неразбавленное огненное "узо" обожгло небо и глотку. Не в силах вымолвить и слова, капитан только квакал, открывая рот, да возмущенно таращил глаза на Миллера, присевшего рядом на корточки. Янки смотрел на Мэллори с нескрываемым удовольствием.

-- Что я говорил, шеф? Лучше зелья не бывает! -- удовлетворенно воскликнул американец. -- Тотчас пришел в себя, как пишут в книжках. Первый раз вижу, чтобы контуженный оклемался так быстро.

-- Ты что это делаешь? -- взревел Мэллори. В глотке не так жгло, и можно было вздохнуть. -- Отравить меня вздумал? -- Мэллори сердито затряс головой, пытаясь избавиться от

пульсирующей боли, стряхнуть паутину, все еще цеплявшуюся за мозг. -- Ни хрена себе лекарь! Говоришь, контуженный, а сам первым делом вливаешь дозу спиртного...

-- Пей, что дают, -- обиделся капрал Миллер, -- иначе контузию получишь похлеще. Через четверть часа фрицы заявятся.

-- Они же улетели. Пикировщиков больше не слышно.

-- На этот раз немцы не летят, а едут, -- с озабоченным видом сказал янки. -- Лука только что доложил. Полдюжины бронетранспортеров и два полевых орудия со стволами что твой телеграфный столб.

-- Понятно, -- изогнувшись назад, Мэллори увидел на повороте лощины проблеск света. Пещера смахивает на туннель. По словам Луки, старики называют свой остров "маленьким Кипром". И действительно, Чертов пятачок точно сотами изрыт. С усмешкой он вспомнил, как перепугался, решив, будто ослеп. Новозеландец опять повернулся к Миллеру. -- Опять неприятности, Дасти. Кругом одни неприятности. Спасибо, что привел меня в чувство.

-- Пришлось, -- лаконично ответил Миллер. -- Нам бы тебя далеко не утащить, шеф.

-- Да, местность не равнинная, -- кивнул Мэллори.

-- Тоже верно, -- согласился Миллер, -- но я о другом. Не знаю, кто бы тебя и нес-то. Ранены и Кейси Браун, и Панаис.

-- Как? Оба? -- Зажмурив глаза, Мэллори сердито выругался. -- Черт подери, Дасти, я совсем забыл о бомбах. -- Он схватил Миллера за руку. -- Что за ранения? Времени так мало, а дел так много.

-- Что за ранения? -- Достав сигареты, Миллер протянул их Мэллори. -- Ничего страшного, будь рядом госпиталь. Но я им не завидую, если они станут лазать по этим проклятым ложбинам и оврагам вверх и вниз. В первый раз вижу каньоны, которые возле дна более отвесные, чем наверху.

-- Ты мне еще не ответил...

-- Виноват, шеф, виноват. У обоих осколочные ранения. Причем почти одинаковые; в левое бедро, чуть выше колена. В одном и том же месте. Кости не повреждены, сухожилия тоже. Я только что перевязал ногу Кейси. Рана рваная. Достанется ему на орехи, когда на своих двоих потопает.

-- А с Панаисом как дела?

-- Сам перевязался, -- обронил янки. -- Странный тип. На рану и взглянуть не дал. Не то что перевязать. Этот и нож в бок пырнет, если сунешься к нему.

-- Ну так и не лезь, -- посоветовал Мэллори. -- У этих островитян существуют всякие запреты и суеверия. Хорошо, хоть жив. Но непонятно, как он здесь очутился, черт бы его набрал.

-- Он побежал первым, -- объяснял Миллер. -- Вместе с Кейси. Ты его, верно, в дыму проглядел. Когда их ранило, они карабкались по склону.

-- А как я сюда попал?

-- За первый правильный ответ приза не положено, -- Миллер ткнул пальцем через плечо в сторону огромной фигуры, загородившей половину входа в пещеру. -- Опять этот малыш отличился, точно монах на перевале Сен-Бернар. Я хотел было пойти с ним. Но он не очень-то обрадовался. Заявил, что переть на себе в гору сразу двоих ему не хочется. Я оскорблен в своих лучших чувствах, -- вздохнул Миллер. -- Видать, мне не суждено прославиться героическими подвигами. Вот и все.

-- Еще раз спасибо Андреа, -- улыбнулся Мэллори.

-- Спасибо! -- возмутился Миллер. -- Парень спас тебе жизнь, а ты ему "спасибо"!

-- После первых десяти таких случаев подходящих слов не находишь, -- сухо ответил капитан. -- Как Стивенс?

-- Пока дышит.

-- Небось, безногая стоит за углом? -- кивнул Мэллори в сторону пятна света и сморщил нос.

-- Да, дело худо, -- согласился Миллер. -- Гангрена выше колена пошла.

Пошатываясь, словно с похмелья, капитан встал на ноги и поднял автомат.

-- Нет, правда, как он там, Дасти?

-- Он уже мертв, но умирать не хочет. И все же до захода солнца умрет. Одному Богу известно, как он протянул до сих пор.

-- Это может звучать самоуверенно, но мне тоже известно, -- проронил Мэллори.

-- Благодаря первоклассной медицинской помощи? -- с надеждой подсказал Миллер.

-- А разве не похоже? -- усмехнулся капитан, глядя на присевшего на корточки янки. -- Но я совсем не об этом. Джентльмены, займемся делом.

-- Я гожусь только на одно: рвать мосты да подсыпать песок в подшипники, -- заявил Миллер. -- Стратегия и тактика мне не по зубам. Но, по-моему, типы, которые копошатся там внизу, выбрали довольно нелепый способ самоубийства. -- Лучший выход для всех -- застрелиться.

-- Склонен согласиться с тобой, -- Мэллори поудобнее устроился за кучей камней в устье лощины, откуда открывался вид на обугленные, дымящиеся останки рощи, и посмотрел вниз на солдат из Альпийского корпуса. Немцы поднимались цепью по крутому, без единого укрытия, склону. -- Они не новички в таких делах. Бьюсь об заклад, им и самим затея не по душе.

-- Тогда какого же черта они идут на верную гибель, шеф?

-- У них нет другого выбора. Нашу позицию можно взять только в лоб, -- Мэллори улыбнулся Луке, лежащему между ним и Андреа. -- Лука выбрал отличное местечко. Чтобы зайти с тыла, им пришлось бы сделать большой крюк, а этот чертов каменный лабиринт задержал бы их на целую неделю. Во-вторых, часа через два зайдет солнце. Немцы понимают, схватить нас с наступлением темноты им уже не удастся. И, наконец, есть еще одна причина -- она важнее двух первых, взятых вместе. Коменданта крепости подгоняет высшее начальство. Оно не может рисковать, слишком много поставлено на карту. Даже если у нас только один шанс из тысячи. Немцы не могут допустить, чтобы гарнизон Кероса эвакуировали у них из-под носа. Не могут потерять его...

-- А что от него проку? -- прервал его Миллер, махнув рукой. -- Груда камней, только и всего...

-- Не хотят ударить в грязь лицом перед турками, -- терпеливо объяснил Мэллори. -- В стратегическом отношении значение этих островов Спорадского архипелага ничтожно. Зато с политической точки зрения значение их огромно. Адольфу позарез нужен еще один союзник в этом регионе. Поэтому он и перебрасывает сюда тысячи егерей и сотни "юнкеров". Все резервы, которыми он располагает, он бросил сюда, хотя они гораздо нужнее на итальянском фронте. Но сначала нужно убедить своего потенциального союзника, что на тебя можно ставить без опаски. А потом уже ввязаться за уговоры. Дескать, оставь свое насиженное местечко на заборе и прыгай на мою сторону.

-- Ах, вот оно что, -- заметил Миллер. -- И поэтому...

-- И поэтому фрицы с легкой душой бросят в мясорубку три или четыре десятка отборных бойцов. Принять такое решение ничего не стоит, если находишься за тысячу миль и протираешь себе штаны в штабном кабинете... Пусть подойдут ярдов на сто поближе. Мы с Лукой начнем с центра и пойдем к флангам, а ты с Андреа -- бей с флангов к центру.

-- Не по душе мне такое занятие, шеф, -- пожаловался Миллер.

-- Думаешь, я в восторге? -- спокойно ответил новозеландец. -- Убивать людей, которых послали на верную гибель, не доставляет мне никакого удовольствия. Даже на войне. Но если не мы их, то они нас. -- Мэллори смолк, показав на сверкающее море. В розовой дымке парил остров Керос, освещенный золотыми лучами предзакатного солнца. -- По-твоему, они думают иначе, Дасти?

-- Да знаю я, шеф, -- замялся янки. -- Не трави душу. -- Надвинув на брови шерстяную шапку, янки посмотрел вниз. -- Так когда начнется массовая казнь?

-- Еще сто ярдов до них, сказано тебе. -- Снова взглянув на идущую вдоль берега дорогу, капитан усмехнулся, радуясь возможности сменить тему разговора. -- Никогда прежде не видел, чтобы телеграфные столбы укорачивались на глазах.

Посмотрев на орудия, прицепленные к грузовикам, появившимся на дороге, Миллер прокашлялся.

-- Я ведь только повторил то, что сказал Лука, -- смутился Миллер.

-- Что такого тебе сказал Лука?! -- возмутился маленький грек. -- Ей-богу, майор. Этот янки врет, как сивый мерин!

-- Может, и я что-то напутал, -- ответил великодушный Миллер. Сморщив лоб, он уставился на пушки. -- Первая, похоже, не пушка, а миномет. А вон там что за хреновина?

-- Тоже миномет, -- пояснил Мэллори. -- Пятиствольный. Такой наделает делав. Это *Nebelwerfer*, или "зануда Минни". Воеет, как души грешников в аду. Услышишь -- душа в пятки уйдет, особенно ночью. Но больше всего надо опасаться вон того... Шестидюймовый миномет. Почти наверняка будет швырять осколочные мины. После его работы в пору шваброй и лопатой убирать.

-- Молодец, -- буркнул Миллер. -- Скажи еще что-нибудь веселенькое. Но в душе он был признателен новозеландцу за то, что тот отвлек от терзавших его угрызений совести. -- А чего они нас не обстреливают?

-- Не переживай, -- заверил его капитан. -- Как только мы откроем огонь и немцы нас засекут, тотчас обстреливать начнут.

-- Упаси Господи, -- пробормотал Миллер. -- Так ты сказал, осколочные мины?... -- Янки замолчал.

-- Сейчас откроем огонь, -- тихо сказал Мэллори. -- Только бы среди наступающих не было нашего знакомого обер-лейтенанта Турцига. -- Потянувшись за биноклем, капитан изумленно поднял глаза. Андреа схватил его за кисть, не дав поднести бинокль к глазам. -- В чем дело, Андреа?

-- Не стоит пользоваться биноклем, капитан. Я долго думал и понял, что именно так мы себя и выдали. Солнечные лучи попали на стекла...

Уставясь на друга, Мэллори медленно закивал головой и разжал пальцы.

-- Ну, конечно! А я-то ломал голову. Кто-то из нас опростоволосился, не иначе. Другого объяснения не нахожу. Достаточно было и одного отблеска. -- Капитан смолк и, что-то припоминая, криво усмехнулся. -- Возможно, даже я сам и виноват... Ведь все началось после моего дежурства. У Панаиса бинокля нет... -- Новозеландец сокрушенно покачал головой. -- Наверняка это у меня случился прокол.

-- Не может этого быть, -- решительно произнес Андреа. -- Такой промашки ты не мог допустить, капитан.

-- Боюсь, не только смог, но и допустил. Потом разберемся.

Солдаты, находившиеся в центре неровной цепи, скользнули и падая на уходящую из-под ног осыпь, добрались почти до опушки обугленной, изувеченной рощи. Немцы подошли достаточно близко.

-- Белый шлем в центре беру на себя, Лука. -- В этот момент послышался шорох: по камням, среди которых укрылась группа, царапнули стволы автоматов. Мэллори охватило чувство отвращения к самому себе. Но голос его прозвучал уверенно и небрежно-деловито: -- Поехали! Дадим им прикурить!

Последние слова капитана заглушил торопливый стук четырех автоматов -- двух "бренов" и двух "шмайсеров" калибром в девять миллиметров. Это был не бой, а подлое убийство.

Опешившие, не успев ничего сообразить, солдаты падали, дергаясь, словно марионетки, управляемые сумасшедшим кукловодом. Одни там и лежали, где настигла их пуля, другие, нелепо размахивая руками и ногами, будто у них нет суставов, скатывались по крутому склону. Лишь двое остались стоять, изрешеченные пулями. На безжизненных лицах застыло изумление. В следующую мгновение, словно нехотя, оба рухнули на каменистую почву. Прошло целых три секунды, прежде чем горстка уцелевших -- те, кто оказался недалеко от обоих флангов, где не успели сомкнуться огненные шквалы, -- поняла, что происходит, и упала навзничь, ища укрытия и не находя его.

Неожиданно, словно отсеченный ножом гильотины, бешеный стук автоматов смолк. Странное дело, но внезапно наступившая тишина угнетала и оглушала пуще недавнего грохота. Мэллори переменил положение, под локтями скрипнул гравий. Посмотрев на двух своих товарищей, лежавших справа от него, капитан увидел бесстрастное лицо Андреа, влажный блеск в глазах Луки. Услышал слева ропот: горько опустив уголки рта, американец, не переставая, бранился. Время от времени он с силой опускал кулак на острые камни, не чувствуя при этом боли.

-- Еще одного, Господи, -- твердил янки словно молитву. -- Все, что я прошу у тебя. Еще одного...

-- Что с тобой, Дасти? -- потрогал его за рукав Мэллори.

Миллер оглянулся, посмотрел отсутствующим взглядом. Моргая глазами, усмехнулся. Израненная рука полезла за сигаретами.

-- Есть у меня одна мечта, шеф, -- с улыбкой отозвался янки. -- Заветная мечта. -- Щелкнув по пачке, протянул капитану: -- Кури.

-- Встретить подлеца, пославшего на погибель этих бедных ребят? -- спокойно произнес Мэллори. -- И поймать его на мушку автомата?

Миллер кивнул, и с лица его исчезла улыбка.

-- Только так, -- отозвался он и, выглянув из-за валуна, снова лег. -- Там человек восемь или десять, шеф. Чем не страусы, хотя бы укрыться за камушками размером с апельсин... Может, отпустим их с миром?

-- Отпустим с миром, -- охотно отозвался капитан. Мысль об убийстве беззащитных солдат теперь вызывала у него почти физическое отвращение. -- Они больше не сунутся. -- Новозеландец умолк на полуслове, инстинктивно припав к земле. Над головами Паскале хлестнула пулеметная очередь. Отрикошетив, пули с воем улетели вверх по ущелью.

-- Вот тебе и не сунутся! -- произнес янки, высовывая из-за камня автомат, но, схватив американца за руку, Мэллори потянул его назад.

-- Это не они. Ты послушай! Прозвучала еще одна очередь, потом еще, и вот уже пулемет бил взахлеб. Время от времени треск его прерывали жуткие, точно у раненого, вздохи: эти звуки издавала патронная лента, пропускаемая в приемник. У Мэллори аж волосы на голове зашевелились.

-- "Шпандау". Тяжелый пулемет. Если хоть раз в жизни услышишь его, то до конца дней не забудешь. Оставь его в покое. Наверняка "шпандау" установлен в кузове грузовика. Он нам не опасен... Гораздо больше меня тревожат вон те минометы, будь они неладны.

-- А меня нет, -- мигом ответил Миллер. -- Они же нас не трогают.

-- Это-то меня и тревожит... А ты что думаешь, Андреа?

-- То же, что и ты, капитан. Они выжидают. Тут же Чертов пятачок, по словам Луки, лабиринт, который мог придумать лишь сумасшедший архитектор. Зачем немцам расходовать мины вслепую?

-- Ждать им осталось недолго, -- хмуро прервал грека Мэллори, показывая на север. -- Вон их глаза.

Над мысом Демирджи появились крохотные пятнышки, вскоре превратившиеся в самолеты. Гудя моторами, они летели над Эгейским морем на высоте около пятисот метров. Мэллори смотрел на них с изумлением, затем повернулся к Андреа.

-- Мерещится мне, что ли, Андреа? -- он протянул руку в сторону первого из двух самолетов, маленького моноплана-истребителя с высоко расположенными крыльями. -- Не может быть, что это PZL!

-- Как не может быть, это он и есть, -- возразил грек. -- Старый польский истребитель. Был у нас на вооружении до войны, -- пояснил он, обращаясь к Миллеру. -- А другой -- допотопный бельгийский самолет. Мы их "брегетами" прозвали. -- Андреа прикрыл глаза ладонью, как козырьком, чтобы как следует разглядеть самолеты, летевшие почти у них над головой. -- А я-то думал, они все уничтожены во время вторжения немецких войск.

-- И я тоже, -- отозвался Мэллори. -- Видать, собрали с

бору по сосенке... Вот оно что! Засекли нас. Кружить начали. Но на кой бес понадобились немцам эти летающие гробы?!

-- Не знаю и знать не хочу, -- живо отозвался Миллер, успевший выглянуть из-за валуна. -- Знаю одно: немцы уже наводят на нас эти чертовы пушки. А когда смотришь прямо им в дуло, они выглядят гораздо внушительнее телеграфных столбов. Так, говоришь, швыряют осколочные мины?.. Тогда надо убираться к чертовой матери, шеф.

План действий немцев на остаток этого ноябрьского дня был понятен. Они затеяли игру в казаки-разбойники, в прятки со смертью. Игра будет происходить среди лощин и иссеченных расселинами камней Чертового пятачка. А нити игры в руках пилотов этих машин, которые кружат над головами тех, за кем охотятся немцы, наблюдая за каждым движением группы и сообщая разведанные расчетам минометов, установленных на дороге, идущей вдоль побережья, и роте Альпийского корпуса. Солдаты поднялись вверх по лощине над рожковой рощей, как только летчики доложили, что группа оставила позицию. На смену летающим этажеркам прилетели два современных "хеншеля". Андреа объяснил, что больше часа PZL продержаться в воздухе не может.

Мэллори и его товарищи оказались между Сциллой и Харибдой. Хотя огонь минометов и не отличается большой точностью, несколько осколочных мин все-таки залетело в глубокое ущелье, осыпая смертоносным градом осколков тесное пространство, где скрывалась группа. Подчас мины падали так близко, что приходилось прятаться в пещерах, которыми были изрыты склоны ущелья. Там они чувствовали себя в сравнительной безопасности, правда, весьма иллюзорной. Ведь дело могло кончиться разгромом группы и пленом. Егеря, от которых диверсанты отбивались, ведя арьергардные бои весь вечер, воспользовавшись затишьем, могли приблизиться вплотную и поймать их в пещере в ловушку. Снова и снова Мэллори и его люди, видя, что расстояние между ними и их преследователями сокращается, вынуждены были отходить. Они шли за неутомимым Луккой повсюду, куда бы он их ни вел, постоянно рискуя погибнуть от осколков. Одна мина, описав дугу, упала в лощину, ухотившую в пещеру, и зарылась в гравий метрах в двадцати впереди них. То было самое близкое попадание. Благодаря случайности -- один шанс из тысячи -- мина не взорвалась. То был подарок судьбы, но люди прошли, держась как можно дальше от такого подарка, боясь даже дохнуть на него.

За полчаса до захода солнца группа преодолела последние метры усеянного валунами дна лощины с отвесными стенами и, выйдя из-под прикрытия скалы, остановилась. Лощина превратилась в сброс, круто поворачивавший направо и к северу. После того как одна мина не взорвалась, минометный обстрел прекратился: у "зануды Минни" дальность стрельбы невелика, и, хотя над головами участников группы все еще кружили самолеты, бояться их было нечего. Солнце склонилось к горизонту -- дно оврагов и ложбин потонуло в тени сумерек. Сверху группу теперь было не видно. Но по пятам ее шли егеря -- выносливые, упорные, хорошо обученные бойцы, снedaемые одним желанием -- отомстить за убитых товарищей. Солдаты были свежие, сильные, с еще не растраченным запасом энергии. А крошечный отряд Мэллори, измотанный долгими днями и бессонными ночами, исполненными тяжелого труда и стычек с противником, выбился из сил...

Сразу за поворотом ущелья, откуда можно наблюдать за появлением егерей, Мэллори опустился на почву и с деланной небрежностью оглядел товарищей, стараясь не выдать своего огорчения. Как боевая группа они ни и черту непригодны. Панаис и Браун ранены, посеревшее лицо Брауна искажено страданием. Впервые со времени отбытия группы из Александрии Кейси Браун уныл и равнодушен. Дурной признак. Тяжелая рация за плечами радиста лишь усугубляла его мучения, однако Кейси наотрез отказался выполнить категорический приказ Мэллори бросить приемопередатчик. Лука вконец измотан, по нему видно. Маленький грек больше крепок духом, чем телом: заразительная улыбка, никогда не исчезающая с лица, похожие на плюмаж лихо вздернутые усы -- все это никак не вязалось с печальными, усталыми глазами. Миллер, как и сам капитан, тоже падал с ног от

изнеможения. Однако, несмотря на усталость, янки, подобно Мэллори, мог продержаться долго. Стивенс был все еще в сознании. В предвечерних сумерках, вползших на дно каньона, лицо юноши казалось странно прозрачным, ногти, губы и веки бескровны. Один лишь Андреа, вот уже два бесконечных часа носивший на себе раненого по опасным горным склонам -- там, где были тропы, -- выглядел все таким же неутомимым и несгибаемым.

Покачив головой, Мэллори достал сигарету, но, вспомнив о самолетах, все еще кружащих у них над головой, скомкал ее. Взгляд капитана скользнул вдоль каньона, уходящего на север. Мэллори замер. Сигарета превратилась в его пальцах в труху. Ущелье было не похоже ни на одно из тех, что они сегодня прошли. Широкое, совершенно прямое, самое малое раза в три длиннее остальных, насколько он мог разглядеть в сумерках, оно упиралось в отвесную скалу.

-- Лука! -- Мэллори вскочил на ноги, забыв об усталости.

-- Ты знаешь, где находишься? Узнаешь это место?

-- Как же иначе, майор, -- обиделся Лука. -- Разве я не говорил вам, что мы с Панайсом в дни нашей молодости...

-- Но ведь это же тупик! -- возмутился Мэллори. -- Мы как крысы попали в мышеловку!

С озорной улыбкой Лука крутил кончик уса, наслаждаясь растерянностью капитана.

-- Вот оно что! Выходит, майор не доверяет Луке? -- он снова улыбнулся. Потом сжалился и, похлопав по каменной стене ладонью, пояснил: -- Мы с Панайсом изучали этот маршрут целый день. В этой скале уйма пещер. Одна из них ведет в другое ущелье, которое упирается в дорогу, идущую вдоль берега.

-- Понятно, понятно, -- облегченно вздохнув, Мэллори снова опустился на землю. -- А куда выходит это ущелье?

-- К проливу. Как раз напротив острова Майдос.

-- Ущелье далеко от города?

-- Милях в пяти, майор. Может, в шести, не больше.

-- Вот и превосходно. А пещеру отыскать сумеешь?

-- Хотя через сотню лет, с закрытыми глазами, -- похвалялся Лука.

-- Как же иначе! -- отозвался капитан. С этими словами он вдруг подскочил и, перевернувшись в воздухе, чтобы не упасть на Стивенса, рухнул, очутившись между Андреа и Миллером. Забывшись, Мэллори высунулся, и немцы, находившиеся в устье ущелья, по которому они поднимались, заметили его. С расстояния не больше полутора метров ударил пулемет, едва не разmozжив капитану голову. Пуля разорвала куртку на левом плече, царапнув по коже. Миллер был тут как тут, ощупывая рану, и осторожно коснулся спины новозеландца.

-- Какая неосмотрительность, черт побери, -- произнес Мэллори. -- Но я не думал, что они подошли так близко. -- Капитан не был настолько спокоен, как могло показаться по его голосу. Окажись дуло "шмайсера" на ничтожную долю дюйма правее, новозеландец остался бы без темени.

-- Все в порядке, шеф? -- недоуменно спросил янки. -- Не попали?

-- Стрелки никудышные, -- с веселым видом отозвался Мэллори. -- Палят в белый свет как в копеечку. -- Повернув голову, стал разглядывать плечо. -- Не хочу корчить из себя этакое героя, но у меня всего лишь царапина. -- Легко вскочив на ноги, он поднял автомат. -- Извините, джентльмены, и все такое, но нам пора идти дальше. Далеко до этой пещеры, Лука?

Грек потер щетинистый подбородок, улыбка его неожиданно погасла. Посмотрев на Мэллори, он отвел взгляд в сторону.

-- Лука!

-- Да, да, майор, пещера... -- Лука снова поскреб подбородок. -- Да, она довольно далеко. В самом конце каньона, -- смутясь, закончил он.

-- В самом конце?... -- спокойно переспросил капитан.

Лука кивнул с подавленным видом и уставился в землю. Даже кончики его усов поникли.

-- Очень кстати, -- угрюмо произнес Мэллори. -- Только этого нам не доставало. -- Он снова сел на землю. Понурился

голову, он даже не взглянул на Андреа, который, просунув между камней автомат дал короткую очередь скорее с досады, чем с целью попасть в противника. Прошло секунд десять. Лука заговорил едва слышным голосом.

-- Я очень, очень виноват. Как все ужасно вышло. Ей-богу, майор. Я ни за что бы не привел вас сюда. Я же не знал, что немцы подобрались к нам вплотную.

-- Ты тут ни при чем, Лука, -- проговорил Мэллори, видя отчаяние маленького грека. Он потрогал пальцем разодранный рукав. -- Я тоже так думал.

-- Скажите, сэр! -- положил руку на плечо капитана Стивенс. -- Что случилось? Я не понимаю.

-- Зато остальные понимают, Энди. Да и понимать тут нечего. Придется с полмили топтать, и нигде ни малейшего укрытия. Егерям осталось менее двухсот ярдов подниматься по ущелью, из которого мы ушли. -- Подождав, пока Андреа выпустит со злости еще одну короткую очередь, продолжал: -- Немцы будут придерживаться прежней своей тактики, стараясь выяснить, здесь ли мы еще. Как только они решат, что мы ушли, то в мгновение ока будут здесь. Не успеем мы покрыть и половину, даже четверть пути до пещеры, как они нас накроют. Ты же знаешь, мы не можем быстро двигаться. А у немцев с собой парочка "шпандау". От нас одни ремешки останутся.

-- Понимаю, сэр, -- промолвил Стивенс. -- Очень симпатичную картинку вы нарисовали.

-- Прости, Энди, но мы вляпались.

-- Может, оставить двоих в арьергарде, а остальным...

-- А что будет с арьергардом? -- оборвал его Мэл-- лори.

-- Понял, -- негромко смазал Стивенс. -- Об этом я не подумал.

-- Зато арьергард подумал бы. Вот незадача--то, а?

-- Какая незадача? -- произнес Лука. -- Майор человек добрый. Но произошло все по моей вине. Вот я и останусь.

-- Черта с два ты останешься, -- сердито проговорил Миллер. Вырвав из рук Луки "брен", он положил автомат на землю. -- Слышал, что сказал шеф? Никакой вины за тобой нет.

Лука вскинул на янки сердитый взгляд, потом отвел его, готовый вот-вот расплакаться. Изумленный этой вспышкой ярости, так не вяжущейся с характером американца, Мэллори удивленно уставился на него. Капитан вспомнил, что вот уже с час Дасти непонятно молчалив и задумчив и едва ли проронил хоть слово. Но выяснять, в чем дело, сейчас некогда.

Распрямив раненую ногу, Кейси с надеждой посмотрел на Мэллори.

-- А если остаться здесь, пока не стемнеет по-настоящему, а потом идти дальше?

-- Ничего не выйдет. Нынче полнолуние, небо ясное. Немцы расправятся с нами в два счета. Но, самое главное, нам надо попасть в город до комендантского часа. Это наш последний шанс. Извините, Кейси, но это не вариант.

В молчании прошло четверть минуты. Полминуты. Заговорил Энди Стивенс, и все вздрогнули.

-- Знаете, а Лука был прав, -- негромким, но исполненным какой-то убежденности голосом произнес раненый. Энди приподнялся, опершись о локоть. В руках -- "брен" Луки. Все так увлеклись решением проблемы, что никто и не заметил, когда тот завладел автоматом. -- Никакой проблемы нет, -- спокойно продолжал Стивене. -- Раскинем мозгами, вот и все. Гангрена распространилась выше колена, так ведь,

Мэллори промолчал, не зная, что ответить. Заданный в лоб вопрос вывел его из равновесия. Он ощущал на себе взгляд Миллера. Тот словно умолял его сказать "нет".

-- Так или нет? -- терпеливо повторил Энди, сознавая, что творится в душе командира, и тут Мэллори понял, что нужно ответить.

-- Так, -- кивнул он. -- Так... -- Дасти глядел на него с отчаянием.

-- Благодарю вас, сэр, -- удовлетворенно улыбнулся Стивене. -- Премного вам благодарен. Излишне указывать на

преимущества, которые вы получите, если здесь останусь я. -- В голосе юноши прозвучала властность, которой никто раньше не замечал в нем. Так говорит человек, убежденный в правильности своих решений, хозяин положения. -- Пора и мне что-то для вас сделать. Только никаких чувствительных прощаний. Оставьте несколько коробок с патронами да две-три гранаты. И сматывайтесь поскорей.

-- Черта с два ты нас уговоришь. -- Миллер направился было к Энди, но застыл на месте, увидев направленный ему в грудь "брен".

-- Еще шаг, и я выстрелю, -- спокойно сказал лейтенант. Миллер молча глядел на него. Наконец снова сел. -- Не сомневайся, я слов на ветер не бросаю, -- заверил его Стивенс. -- Прощайте, джентльмены. Спасибо за все, что вы для меня сделали.

В покоем на транс молчании прошло двадцать секунд, тридцать, целая минута. Первым поднялся Миллер. Длинный, худой, обтрепанный. Сумерки сгустились, и лицо его казалось изможденным.

-- Пока, малыш. Может, я чего не так сделал. -- Взяв руку Стивенса в свою, взглянул в ввалившиеся глаза, хотел что-то добавить, но передумал. -- Увидимся, -- внезапно сказал он и, отвернувшись, тяжелым шагом стал спускаться в ущелье. Ни слова, не говоря, за ним последовали остальные. Все, кроме Андреа. Грек задержался и что-то прошептал юноше на ухо. Тот кивнул в ответ и понимающе улыбнулся. Рядом остался только Мэллори. Стивенс обнажил в улыбке зубы.

-- Спасибо, сэр, что поддержали меня. Вы с Андреа всегда все понимали.

-- С тобой все в порядке, Энди? "Господи, -- подумал Мэллори, -- какую чушь я несу!"

-- Честное слово, сэр. Все как надо. -- Стивенс удовлетворенно улыбнулся. -- Боли не чувствую, все прекрасно.

-- Энди, я не о том...

-- Вам пора идти, сэр. Вас ждут. А теперь зажгите мне сигарету и дайте очередь в сторону ущелья...

Минут через пять Мэллори догнал товарищей. А еще через четверть часа группа добралась до пещеры, ведущей к побережью. Вслушиваясь в беспорядочную стрельбу в дальнем конце ущелья, все на миг остановилось возле устья. Молча повернулись и углубились в подземный ход.

Энди Стивенс лежал на животе там, где его оставили. Вгляделся в сгустившийся мрак ущелья. Боли в ноге не было. Прикрыв ладонью сигарету, сделал глубокую затяжку. Улыбнулся, загоняя в магазин новую обойму. Охватившее его чувство невозможно было бы описать. Впервые в жизни Энди Стивенс был счастлив и умиротворен. Отныне страх ему был неведом.

Глава тринадцатая. В СРЕДУ ВЕЧЕРОМ. 18.00--19.15

Ровно через сорок минут группа оказалась в самом центре города Навароне, в каких-то пятидесяти метрах от главных ворот крепости.

Разглядывая внушительные ворота и еще более внушительной толщины каменную арку, в которую они были вмурованы, Мэллори в который раз покачал головой. Он все еще не верил, что группа добралась или -- какая разница -- почти добралась до заветной цели. Должно же, наконец, повезти. По закону больших чисел полоса неудач, преследующих их группу с момента высадки на остров, должна кончиться. Так и должно быть, это только справедливо, что группа наконец-то здесь. И все-таки, покинув мрачное ущелье, где они оставили Стивенса на погибель, они попали в этот скособоченный домишко, выходящий на восточную сторону городской площади Навароне, так скоро и так просто, что

ум отказывался верить, что это действительно произошло.

Правда, в первые четверть часа обстоятельства складывались не вполне удачно. Едва группа вошла в пещеру, раненая нога подвела Панаиса. Грек рухнул на землю. Достается бедняге, подумал тогда Мэллори, увидев кое-как забинтованную ногу Панаиса. Но в полутьме невозможно было определить, насколько велики страдания раненого. Панаис умолял капитана разрешить ему остаться. Дескать, он задержит егерей, когда те покончат со Стивенсом и доберутся до конца ущелья. Но Мэллори осадил грека. Он грубо заявил, что Панаис слишком ценен, чтобы бросать его на произвол судьбы. Кроме того, сомнительно, чтобы немцы нашли именно эту пещеру среди десятка других. Мэллори досадовал на себя за столь резкий тон, но времени на увещевания не было. По-видимому, Панаис это понял и не стал возражать, когда Мэллори и Андреа подняли его и, поддерживая с боков, помогли ему преодолеть пещеру. Капитан заметил, что грек почти не хромает.

То ли благодаря их помощи, то ли примирившись с тем, что ему не удастся уложить еще нескольких немцев. Панаис понял, что нет никакого резона преувеличивать свои страдания.

Едва они вышли из пещеры по другую сторону горы и стали спускаться по заросшему деревьями склону к морю, тускло мерцавшему в темноте, как Лука, услышав какой-то звук, прижал палец к губам. Мэллори тоже услышал негромкую гортанную речь и приближающийся скрип гравия под сапогами. Заросли карликовых деревьев надежно скрывали группу, и Мэллори скомандовал всем остановиться. Капитан едва не выругался вслух, услышав приглушенный стон и падение тела, и вернулся назад, чтобы выяснить, в чем дело. Панаис лежал без сознания на земле. Миллер, шедший рядом с греком, поддерживая его, объяснил капитану, что тот так внезапно велел остановиться, что Панаис, споткнувшись о него, подвернул ногу и ударился головой о камни. Мэллори склонился к греку, подозревая, что тот симулирует: такой дикарь и головорез способен прикинуться раненым, лишь бы поймать на мушку еще нескольких немцев... Но выяснилось, что грек и не думал симулировать, доказательством тому служили ссадины и кровоточащая рана над виском.

Не подозревая о присутствии диверсионной группы, немцы, производя много шума, пошли вверх, и вскоре голоса их стихли. Лука решил, что немецкий комендант принимает все меры к тому, чтобы блокировать возможные выходы из Чертова пятачка. Мэллори не разделял его мнения, но спорить не стал. Через пять минут группа оставила устье долины; а еще через пять диверсанты не только вышли на дорогу, проложенную вдоль берега, но и, встретив двух солдат, охранявших штабную машину и грузовик, связали их, сняли с них форму и шлемы, а их самих отволокли в кусты подальше от дороги.

В город Навароне проникли без проблем, группа не встретила никакого сопротивления, поскольку немцы ее там не ждали. Облачившись, как и Мэллори, в немецкую форму. Лука сел рядом с новозеландцем на переднее сиденье и повел автомобиль. Управлял машиной он виртуозно, что было удивительно для обитателя крохотного островка, затерянного в просторах Эгейского моря. Но Лука объяснил, что много лет служил водителем в консульстве у Эжена Влакоса. До города добрались меньше чем за двенадцать минут. Лука не только великолепно управлял автомобилем, но и хорошо знал дорогу, что позволило ему выжать из мощной машины максимальную скорость. Причем двигались почти все время, не включая фар.

Добрались без всяких приключений. Проехали мимо нескольких грузовиков, стоявших на обочине, а в двух милях от города напоролись на отряд из двадцати солдат, шагавший навстречу колонной по два. Лука сбавил скорость: мчаться сломя голову было бы чрезвычайно подозрительно -- того и гляди собьешь марширующих немцев. Поэтому Лука включил мощные фары, ослепившие солдат, и громко засигналил. А Мэллори, высунувшись из окна кабины, обругал их по-немецки, приказав убираться с дороги к чертям собачьим. Немцы так и сделали, а молоденький офицер, вытянувшись по швам, откозырял.

Вслед за тем проехали обнесенные высокими заборами сады, поднимающиеся террасами, миновали полуразвалившуюся византийскую церковь и беленые стены православного монастыря, стоявшего напротив, и промчались по улочкам нижней части старого города. узким, извилистым, плохо освещенным, всего на несколько дюймов шире их машины, мощным крупными булыжниками, с высокими, до колен, тротуарами. Потом свернули в переулок, начавшийся за аркой. Дорога все время шла в гору. Резко затормозив. Лука осмотрел темный переулок. Несмотря на то, что до комендантского часа оставалось больше шестидесяти минут, на улице не было ни души.

Параллельно стене дома поднималась белая каменная лестница без малейшего намека на перила. Лишь верхняя ее площадка была огорожена узорчатой решеткой. Все еще прихрамывая. Панаис провел группу вверх. Потом по плоской крыше они добрались до лестницы, спустились по ней, вышли в неосвещенный двор, через который и проникли в это допотопное здание. Лука уехал, чтобы отогнать автомобиль, прежде чем друзья успели подняться на верхнюю площадку. Вот когда Мэллори сообразил, что маленький грек даже не удосужился сообщить, какую судьбу он уготовил похищенной машине.

Разглядывая сквозь нишу, зиявшую вместо окна, крепостные ворота, Мэллори поймал себя на мысли, что он желает Луке удачи. И не только потому, что благодаря своей выносливости и находчивости, превосходному знанию местности он оказал им неоценимую помощь, на которую можно рассчитывать и впредь. Новозеландец привязался к нему всей душой, ценя в усаче неизменную жизнерадостность, энергию, полное отсутствие эгоизма. Поистине, мал золотник, да дорог, подумал Мэллори, теплея сердцем. Не то, что Панаис. Но в следующий момент капитан выругал себя за подобную мысль. Панаис же не виноват в том, что он таков. При всей его скрытной и угрюмой натуре Панаис сделал для них не меньше, чем Лука. Но -- никуда не денешься -- нет в нем человеческого тепла, свойственного Луке.

Не обладал он и присущей Луке сообразительностью и доходившим до гениальности умением извлечь из всего выгоду. Ведь именно Луке пришлось в голову занять это заброшенное здание. Найти покинутый жильцами дом было несложно; после того как немцы расположились в старинной крепости, десятки горожан бросили свои жилища и переехали в Маргариту и соседние с ней селения. А уж о тех, чьи дома выходили на площадь, и говорить нечего: ее северная сторона граничила с крепостной стеной, и сам вид немецких солдат, хозяйничающих, как у себя дома, в крепости, постоянно напоминал гордым грекам об утраченной ими свободе. Так что больше половины домов в западной части площади, ближе всего расположенных к крепости, было занято немецкими офицерами. Зато у Мэллори появилась возможность наблюдать за тем, что происходит в крепости. Когда пробьет их час, до пушек будет рукой подать. Хотя любой толковый комендант крепости постоянно готов к любым неожиданностям, ему и в голову не придет, что командир диверсионной группы сунет голову в петлю, расположившись на целый день буквально в двух шагах от крепостной стены.

Правда, дом доброго слова не стоит: толкни и развалится. Современной постройки здания вдоль западной и южной стороны площади, забравшиеся, точно куры на насест, на самый верх утеса, были сложены из белого камня и парийского гранита. Они лепились друг к другу, как и заведено в здешних местах. С плоских крыш вода во время зимних дождей уходит не скоро. Зато восточная сторона, где спряталась диверсионная группа, была застроена ветхими деревянными халупами и мазанками, какие обычно встречаешь в заброшенных в горах селениях.

Земляной пол неровен, бугрист, в углу куча мусора, оставшаяся после прежних обитателей дома. На потолке грубо обтесанные почерневшие балки, кое-как обшитые тесом, поверх него -- утрамбованная земля. По опыту, приобретенному в Белых горах, Мэллори знал, что во время дождя такая крыша потечет как решето. В одном конце комнаты от стены до стены площадка высотой в три четверти метра вроде лежанки в эскимосском иглу,

служащая одновременно кроватью, столом и топчаном. Иных предметов обстановки в комнате нет.

Вздрыгнув, Мэллори обернулся: кто-то тронул его за плечо. Это был янки. Держа в руке бутылку с остатками вина, он что-то жевал.

-- Подхарчись лучше, шеф, -- посоветовал янки. -- А я пока покараулю.

-- Дело говоришь, Дасти. Спасибо. -- Стараясь не шуметь, капитан двинулся в глубь комнаты. Хотя в помещении было темно, как под мышкой у князя тьмы, зажечь огонь не решались, так что топчан Мэллори отыскал на ощупь. Неутомимый Андреа приготовил ужин -- что Бог послал: инжир, мед, сыр, чесночная колбаса, печеные каштаны. Адская смесь, подумал новозеландец, но привередничать не стал. Он был голоден, как волк, ему было не до деликатесов. К тому же приторная, со смолистым послевкусием сладость вина, которое раздобыли накануне Лука с Панаисом, заглушила всякий другой привкус.

Закрыв ладонью спичку, Мэллори закурил сигарету и стал рассказывать, как намерен проникнуть в крепость. Можно было говорить, не понижая голоса, поскольку в соседнем доме, одном из немногих обитаемых на этой стороне строений, весь вечер стучали два ткацких станка. Мэллори сильно подозревал, что и тут не обошлось без Луки, хотя и не мог взять в толк, каким образом усатому греку удалось связаться со своими единомышленниками. Как бы то ни было, капитана это устраивало, главное, чтобы втолковать остальным участникам группы, как им следует действовать.

Поскольку вопросов не последовало, все поняли, что к чему. Вскоре в разговор включились все. Больше всех разошелся обычно молчаливый Кейси Браун. Почему зря бранил еду, питье, жаловался на то, что болит нога, до чего тверда лежанка, и, дескать, ему всю ночь теперь не сомкнуть глаз. Мэллори усмехнулся: Кейси пошел на поправку.

-- Почесали языки, и хватит, джентльмены, -- заметил капитан. Соскользнув со скамьи, Мэллори потянулся. До чего же он устал! -- Нам предоставляется первая и последняя возможность как следует выспаться. Будем дежурить по два часа. Чур, я первый.

-- Один собираешься дежурить? -- вполголоса спросил Миллер, сидевший в дальнем конце комнаты. -- Может, по двое? Один у окна, другой у двери дома? Кроме того, все мы без задних ног. Не дай Бог, уснешь. -- В голосе янки было столько тревоги, что Мэллори невольно рассмеялся.

-- Зачем, Дасти? Пусть дежурный стоит у окна. А задремлет, так проснется, грохнувшись об пол. Все до того измучены, что нельзя лишать людей сна. Сначала дежурю я, потом ты, после тебя Панаис, затем Кейси и, наконец, Андреа.

-- Ну ладно, -- неохотно согласился янки, вложив с этими словами в руку Мэллори какой-то твердый и холодный предмет. Капитан понял, что это пистолет с глушителем -- самое дорогое приобретение Миллера.

-- Изрешетишь любого, кто сунется, и при этом не переполошишь весь город, -- проговорил американец и отправился в дальний угол. Закурив сигарету, помолчал, затем положил ноги на лежанку. Через пять минут все, кроме часового, спали крепким сном.

Минуты две спустя Мэллори встрепнулся: где-то, похоже, снаружи дома, послышался шорох. Грохот станков в соседнем здании умолк, и в доме воцарилась тишина. Звук повторился: кто-то легонько стучал в дверь в конце коридора.

-- Оставайся здесь, капитан, -- прошептал Андреа, в сотый раз удивив Мэллори своей способностью мгновенно пробуждаться от самого глубокого сна при малейшем шорохе и в то же время спать, как убитый, даже в самую сильную бурю. -- Сам выясню, в чем дело. Должно быть, это Лука.

Так оно и оказалось. Маленький грек валился с ног от усталости, но был доволен самим собой донельзя.

Не успев как следует отдышаться, он с наслаждением выпил кружку вина, протянутую ему Андреа.

-- Чертовски рады видеть тебя среди нас, -- не скрывая удовлетворения, проговорил капитан. -- Как дела? За тобой гнались?

Мэллори ясно представил себе, как гордо задрались вверх усы маленького грека.

-- У этих болванов в одном месте не кругло, чтоб Луку заметить, а не то что поймать, -- обиделся усач. Переведя дыхание, продолжил: -- Я же знал, майор, ты будешь обо мне беспокоиться. Вот я все время и бежал. Вернее, почти все время, -- поправился он.

-- Откуда ты бежал? -- поинтересовался Мэллори, подавив улыбку.

-- От Вигоса. Это старинный замок. Много веков назад его построили франки. Он милях в двух отсюда, если идти на восток по дороге вдоль берега. -- Лука помолчал, чтобы сделать еще глоток. -- Пожалуй, больше, чем в двух милях. Переходил на шаг лишь дважды на обратном пути, да и то на минуту, не больше. -- У Мэллори осталось впечатление, будто островитянин сожалеет, что у него вырвалось упоминание о немолодом своем возрасте.

-- Что ты там забыл? -- любопытствовал Мэллори.

-- Когда мы расстались, я все думал... -- издалека начал маленький грек. -- Я всегда о чем-то думаю, -- объяснил он. -- Такая уж у меня натура. Вот я и подумал: если солдаты, которые ищут нас на Чертовом пятачке, увидят, что автомобиль угнали, они сообразят, что искать нас в этом сволочном лабиринте ни к чему.

-- Правильно, -- неопределенно ответил Мэллори. -- Сразу поймут.

-- И тогда они скажут: "Ага, эти verdampte Englander [Проклятые англичане (нем.)] торопятся". Они знают: у них мало шансов отыскать нас на острове. Ведь нам с Панаисом каждый камень, каждая пещера, каждая тропа, каждое дерево знакомы. Тогда немцам останется одно: разбиться в лепешку, но не пропустить нас в город. И они перекроют все дороги. Сегодня у нас последняя возможность попасть в крепость. Ты меня слушаешь? -- с беспокойством спросил маленький грек.

-- Я -- весь внимание.

-- Но прежде всего, -- театральным жестом поднял руки Лука. -- Прежде всего немцы захотят убедиться, что мы не успели проникнуть в город. Они были бы последними идиотами, если б вздумали перекрыть дороги после того, как мы уже вошли сюда. Фрицы должны сперва убедиться, что нас тут нет. Поэтому начнут обыск. Повальный обыск. Вернее, как ее... облаву. Поняв ход мыслей грека, Мэллори кивнул головой:

-- Боюсь, он прав, Андреа.

-- Я тоже боюсь, -- убитым голосом отозвался великан-грек.

-- Как мы раньше не сообразили. Но, возможно, еще успеем укрыться? На крыше или в другом месте...

-- Это во время-то облавы? -- оборвал его Лука. -- Но все будет хорошо. Лука все обмозговал. Носом чую дождь. Скоро луну затянут тучи, и мы сможем беспрепятственно скрыться... Тебе интересно узнать, куда я подевал машину, майор Мэллори? -- произнес Лука, сгорая от нетерпения показать свою сметку.

-- Совсем про нее забыл, -- признался новозеландец. -- Так куда же ты подевал машину?

-- Отогнал ее во двор замка Вигос, вылил весь бензин из бака, облил машину. Потом поднес спичку.

-- Что сделал? -- недоверчиво спросил Мэллори.

-- Поднес спичку. Только, похоже, стоял слишком близко и брови себе опалил. -- Лука вздохнул. -- А жаль. Хорошая была машина. -- Лицо его просияло. -- Зато как горела!

-- А на кой черт ты ее сжег? -- уставился на него Мэллори.

-- Все очень просто, -- терпеливо пояснил Лука. -- Солдаты возле Чертова пятачка теперь уже знают о пропаже машины. Увидят огонь. Скорее туда. Начнут, как это называется...

-- Расследование?

-- Ну да, расследование. Подождут, пока затухнет огонь. Потом станут осматривать то, что осталось от машины. Ни обгорелых тел, ни костей в машине не найдут. Примутся

обыскивать замок. И что они там найдут?

В комнате наступила тишина.

-- Да ни черта! -- нетерпеливо ответил Лука сам себе. -- Ни черта они там не найдут. И станут прочесывать местность на полмили вокруг. И что же они там найдут? Опять ни черта. Тогда они поймут, что их одурачили, что мы уже в городе.

-- И тогда они начнут облаву? -- произнес Мэллори.

-- Начнут облаву. И что обнаружат? -- Лука сделал паузу, а затем поспешил закончить, пока его не опередил кто-то другой:

-- Да ни черта! -- торжествующе воскликнул Лука. -- А почему? Потому, что к тому времени пойдет дождь, луна скроется, и ни взрывчатки, ни нас не будет.

-- Куда же мы денемся? -- растерянно спросил Мэллори.

-- Куда же, кроме замка Вигос, майор? Немцам и в голову не придет искать нас там, как пить дать.

Некоторое время Мэллори молча смотрел на грека, потом повернулся к Андреа.

-- Каперанг Дженсен совершил одну ошибку. Назначил командиром группы не того, кого следовало бы. Правда, теперь это уже не столь важно. Разве мы можем проиграть, когда с нами Лука!

Осторожно опустив рюкзак на земляную крышу, Мэллори выпрямился. Ладонями защищая глаза от первых капель дождя, он поднял голову, вглядываясь в темноту. Даже отсюда, с растрескавшейся крыши дома, расположенного ближе всего к крепости, видно, что крепостная стена возвышается над ними на пять-шесть метров. В верхнюю часть стены вмазаны острые, загнутые, как когти, шипы, едва различимые в темноте.

-- Вот эта стена, Дасти, -- произнес Мэллори. -- Перебраться через нее суший пустяк.

-- Суший пустяк? -- ужаснулся Миллер. -- Мне придется лезть через нее?

-- Придется покряхтеть, пока перебросишь свои старые кости, -- ответил капитан и с улыбкой похлопал американца по спине. Ткнув ногой в рюкзак, он продолжал: -- Закинем вот эту веревку, зацепим крючком, и ты в два счета залезешь...

-- Чтобы истечь кровью, застряв на колючей проволоке в шесть рядов? -- оборвал новозеландца Миллер. -- По словам Луки, он в жизни еще не видывал таких длиннющих шипов.

-- Кинем на них палатку, -- успокоил его Мэллори.

-- У меня такая нежная кожа, шеф, -- жаловался янки, -- мне бы туда пружинный матрас...

-- У тебя на его поиски час, -- равнодушно ответил Мэллори. -- По расчетам Луки, облава достигнет северной части города приблизительно через час, что даст возможность им с Андреа предпринять отвлекающий маневр. Спрячем-ка наше барахло и -- вон отсюда! Сложим рюкзаки в угол, завалим землей. Только сначала достань веревку. Когда вернемся, развязывать мешки будет некогда.

Миллер опустился на колени и принялся расстегивать ремни на рюкзаке.

-- Это не тот ранец! -- пробормотал он с досадой, но голос его сразу изменился. -- Хотя нет, погоди!

-- Что стряслось, Дасти?

Миллер ответил не сразу. Несколько секунд он ощупывал содержимое мешка, затем выпрямился.

-- Бикфордов шнур, шеф, -- произнес янки с такой злостью, что Мэллори опешил. -- Бикфордов шнур исчез!

-- Что ты сказал? -- Мэллори наклонился, принялся лихорадочно обшаривать карманы ранца. -- Не может этого быть, Дасти! Просто невозможно!.. Черт знает что! Ведь ты сам его укладывал!

-- Конечно, шеф, так оно и было! -- скрипнул зубами Миллер. -- А потом какой-то гад ползучий подкрался сзади и стащил шнур.

-- Да не может быть! -- возмутился Мэллори. -- Этого просто не может быть, Дасти! Ты же сам застегнул рюкзак. Я видел, как ты застегивал его в роще утром. Нес ранец все время Лука. А Луке я верю, как самому себе. Ему я доверил бы собственную жизнь.

-- Я тоже, командир.

-- Наверное, мы оба ошиблись, -- продолжал Мэллори спокойным голосом. -- Может быть, ты забыл положить шнур на место. Мы ведь тогда все чертовски устали.

Миллер как-то странно посмотрел на него, помолчав, снова начал браниться.

-- Это я виноват, шеф. Я, черт бы меня набрал!

-- В чем ты еще виноват?... Ей-богу, старина, я же стоял рядом... -- Мэллори умолк. Вскочив на ноги, повернулся в южную сторону площади и впился взглядом в темноту. Хлопнул выстрел. Взвизгнула отскакившая рикошетом пуля, вслед за ней послышался щелчок карабина. Потом стало тихо.

Стиснув кулаки, Мэллори застыл на месте. Больше десяти минут назад он отправил Панаиса вместе с Андреа и Брауном в замок Вигос. Все трое должны бы уйти достаточно далеко от площади. Луки с ними быть не должно. Капитан ясно объяснил усачу, что тому следует спрятать остальную часть тола на крыше и, дождавшись их с Миллером, указать тайник. Неужели произошел прокол? От этого никто не застрахован. Может, ловушка или уловка? Но что за ловушка?

Прервав его размышления, заговорил станковый пулемет. Мэллори весь превратился в слух и зрение. Несколько секунд спустя застучал второй пулемет -- ручной. Оба пулемета умолкли так же внезапно, как начали. Мэллори мешкать не стал.

-- Собирай причиндалы, -- настойчиво прошептал он. -- Заберем их с собой. Что-то там не так. -- В полминуты оба снова уложили веревки и взрывчатку в рюкзаки, забросили за спину и тронулись в путь.

Согнувшись почти вдвое, стараясь ступать как можно тише, они побежали по крышам к старому дому, где до этого скрывались. Там должен их встретить Лука. Метрах в двух-трех от дома увидели силуэт, поднявшийся с крыши. Но это был не Лука. Миллер тотчас заметил, что человек этот выше Луки. Он прыгнул на незнакомца и всем весом -- а весил он без малого девяносто кило, -- нанес удар под ложечку. Да так, что тот едва не задохнулся. В следующее мгновение сильные пальцы Миллера сомкнулись на горле незнакомца и стали его сдавливать.

Тот был бы задушен, поскольку пытался сопротивляться американцу, но что-то подсказало Мэллори наклониться и взглянуть в искаженное лицо незнакомца с вылезшими из орбит глазами. Он с трудом удержался, чтобы не вскрикнуть.

-- Дасти, -- хрипло прошептал он. -- Ради Бога, перестань! Отпусти его! Это же Панаис.

Миллер не слышал его. Лицо янки словно окаменели, голова глубже уходила в плечи. Пальцы его все сильнее сдавливали горло грека.

-- Это же Панаис, идиот ты безмозглый! Панаис, -- шептал Мэллори в самое ухо американцу и, схватив его запястья, пытался оторвать руки янки от горла Панаиса. Грек начал колотить пятками по земляной крыше, и Мэллори изо всех сил рванул янки за руки: слишком уж знаком был этот звук. Дважды его издавали жертвы Андреа, прежде чем отдать Богу душу. Еще мгновение, и то же самое произойдет с Панаисом. Неожиданно до Миллера дошло, что он ошибся. Он выпрямился и, тяжело дыша, уставился на человека, лежащего у его ног.

-- Что с тобой, черт бы тебя побрал? -- тихо спросил капитан. -- Ты что, ослеп или оглох? Или то и другое вместе?

-- Что-то в этом роде, -- равнодушно ответил Миллер, вытирая лоб тыльной стороной ладони. -- Извини, шеф, извини.

-- На кой черт мне твои извинения? -- произнес Мэллори, переводя взгляд на Панаиса, который тер покрытое синяками горло и ловил ртом воздух. -- Но вот Панаис, возможно, их оценит.

-- С извинениями подождем, -- грубо оборвал его Миллер. -- Спроси его, что с Лукой.

Мэллори взглянул на янки, ничего не ответив, потом передумал и перевел вопрос Панаису. Выслушал сбивчивый ответ грека. Тому, видно, трудно было говорить, губы складывались в горькую прямую линию. Увидев, как поникли плечи новозеландца, Миллер нетерпеливо спросил:

-- Так в чем дело, шеф? С Лукой что-то произошло?

-- Да, -- обронил Мэллори. -- Дойдя до переулка, они наткнулись на немецкий патруль. Лука хотел отвлечь немцев, и пулеметчик попал ему в грудь. Андреа прикончил пулеметчика и унес на себе Луку. Панаис говорит, тот наверняка умрет.

Глава четырнадцатая. В СРЕДУ ВЕЧЕРОМ. 19.15--20.00

Пройдя без приключений через город, все трое направились кратчайшим путем к замку Вигос, стараясь держаться подальше от шоссе. Пошел дождь, превратившийся в ливень. Хлюпала под ногами грязь. Изредка попадались пашни, пройти по ним было невозможно.

Лишь с большим трудом перебрались они через одно из таких полей и уже видели смутные очертания цитадели. До нее была всего-то миля, так что Лука поднапутал.

Группа проходила мимо какой-то заброшенной халупы, обмазанной глиной. Неожиданно раздался голос Миллера -- впервые с тех пор, как трое покинули городскую площадь.

-- Хана мне, шеф. -- Голова Дасти упала на грудь, дышал он с усилием. -- Какое старому Миллеру, ноги совсем не держат. Может, зайдём в эту халупу, передохнем, а, шеф?

Мэллори удивленно взглянул на янки. Хотя и у него самого ноги отваливались, кивнул неохотно. Дасти не из тех, кто станет придуриваться.

-- Хорошо, Дасти. Минута-другая отдыха будет кстати, -- ответил он. Переведя свои слова Панаису, первым вошел в халупу, за ним с сетованиями тащился янки. Старость, дескать, не радость. На ощупь добравшись до неизменного топчана, новозеландец устало сел и закурил. Миллер зачем-то трогал землебитные стены, ощупывая их ладонями.

-- А ты чего не садишься? -- удивленно спросил Мэллори. -- Разве мы не за тем зашли сюда, чтоб сделать перекур?

-- Нет, шеф, не за тем, -- растягивая слоги, ответил Дасти. -- Дешевый трюк, чтоб заманить вас сюда. Хочу показать несколько вещественных доказательств.

-- Какие еще к бесу доказательства? Что ты там мелешь?

-- Попрошу выслушать меня, капитан Мэллори, -- сухо произнес янки. -- Ваше время я трачу не зря, могу поручиться.

-- Ну, хорошо, -- ответил озадаченно Мэллори, хотя его доверие к янки ничуть не поколебалось. -- Делай, как знаешь. Только не тяни резину.

-- Благодарю вас, командир. -- Официальный тон трудно давался Миллеру. -- Много времени мне не понадобится. Тут должна быть лампа или свечка. Ты же сам говорил, островитяне всегда оставляют огонь, даже если не живут в доме.

-- Этот обычай уже сослужил нам службу. -- Заглянув под топчан, Мэллори включил фонарь и выпрямился: там лежали две или три свечи.

-- Нужен свет, шеф. Окон здесь нет. Я проверил.

-- Зажги пока одну свечу, а я выйду и погляжу, не просвечивает ли в щели, -- ответил капитан, недоумевая, зачем все это Миллеру надо. Он догадывался: янки не хочет, чтобы он задавал лишние вопросы. Правда, спокойная уверенность Дасти делала излишним неуместное любопытство. Меньше чем через минуту Мэллори вернулся. -- Снаружи не видно ничего, -- сообщил он.

-- Вот и лады. Спасибо, шеф. -- Миллер зажег вторую свечу. Сбросив с плеч рюкзак, положил его на топчан. Постоял рядом. Взглянув на часы, потом на Миллера, Мэллори напомнил:

-- Ты хотел показать какие-то там вещественные

доказательства.

-- Было дело. Я толковал насчет трех вещественных доказательств. -- Порывшись в рюкзаке, янки вынул черную коробочку чуть поменьше спичечной. -- Вещдок номер один.

-- Что это? -- Мэллори удивленно поглядел на нее.

-- Взрыватель с часовым механизмом, -- Миллер стал отвинчивать заднюю крышку. -- Не люблю работать с этими хреновинами. Чувствуешь себя таким революционером, закутанным в плащ, с усищами, как у Луки, в руках бомба с дымящимся фитилем. Но фитиль -- штука надежная. -- Сняв крышку, Дасти посветил фонарем. -- А вот этот взрыватель ни к черту не годится. Выведен из строя, -- добавил он негромко. Часовой механизм исправен, а контактный рычаг отогнут назад. Механизм будет тикать хоть до второго пришествия, но от него даже шутиха не загорится.

-- Какого черта...

-- Вещдок номер два, -- продолжал Миллер, словно не слыша капитана. Открыв коробку с детонаторами, бережно извлек капсуль из фетрового гнезда, выложенного ватой, и поднес его к самым глазам. Потом поглядел на Мэллори. -- Гремучая ртуть, шеф. Всего семьдесят семь гранов, но пальцы оторвет напрочь. И притом страшно чувствительное устройство. Легкий щелчок, и взорвется. -- Янки разжал пальцы, и капсуль упал на пол. Инстинктивно зажмурясь, Мэллори отпрянул, когда американец изо всей силы топнул по капсулю тяжелым каблуком. Однако взрыва не последовало. -- Тоже ни к черту не годится, верно, шеф? Ставлю сто против одного, что и остальные не лучше. -- Он извлек из кармана пачку сигарет, закурил, посмотрел, как вьется дымок у пламени свечи, и затем убрал в карман пачку.

-- Ты хотел еще что-то показать мне, -- негромко заметил Мэллори.

-- Да, я хотел показать тебе и еще кое-что, -- голос Дасти прозвучал ласково, но по спине у Мэллори пробежал холодок. -- Я хотел тебе показать шпиона, предателя, самого злобного, хитрозадого и двуличного убийцу и мерзавца, какого только видел свет. -- Достав из кармана пистолет с глушителем, янки крепко сжимал его в руке, целясь Панаису прямо в сердце. Дасти продолжал еще спокойнее, чем до этого: -- Иуда Искариот в подметки не годится нашему приятелю. Снимай куртку, Панаис.

-- Какого черта? Спятил ты, что ли? -- В голосе капитана прозвучали раздражение и растерянность. Новозеландец шагнул было к нему, но наткнулся на крепкую, точно из железа, руку Миллера. -- Что за чушь ты несешь, черт тебя побори? Он и английского-то не знает!

-- А может, все-таки знает? Почему ж он пулей выскочил из пещеры, когда Кейси сказал, что ему послышались какие-то звуки?... Почему он первый драпанул из рощи? Ты же отдавал распоряжения по-английски! Сними-ка куртку, Иуда, а то руку прострелю! Даю две секунды.

Мэллори хотел было, схватив янки за плечи, повалить его наземь, но тут увидел лицо Панаиса: зубы оскалены, в угольных глазах смертельная ненависть -- того и гляди убьет. Столько злобы на лице человека Мэллори не видел еще ни у кого. В следующее мгновение ненависть сменилась выражением боли и изумления, когда пуля тридцать второго калибра впиалась чуть пониже плеча предателя.

-- Через две секунды вторую руку прострелю, -- деревянным голосом сказал Миллер. Но Пацане уже срывал с себя куртку, не спуская с Миллера глаз, враз потемневших от звериной ненависти. Увидев этот взгляд, Мэллори поежился и посмотрел на Миллера. Бесстрастность -- вот что было написано на лице американца. Бесстрастность. Мэллори снова почувствовал озноб, сам не зная, почему.

-- Отвернись, -- пистолет не дрогнул в руках янки. Панаис медленно отвернулся. Миллер шагнул вперед, ухватился за воротник его черной рубахи и рывком сорвал ее.

-- Кто бы мог подумать? -- протянул Миллер. -- Вот чудеса! Помнишь, шеф, Лука нам рассказывал, будто этого типа публично пороли немцы на Крите? Пороли до тех пор, пока не обнажились

ребра. И спина, доска, превратилась в сплошную рану.

Взглянув на спину грека, капитан промолчал. Он был в растерянности. Все прежние его представления о Панаисе рассыпались словно карточный домик. На смуглой гладкой коже грека он не увидел ни царапины, ни даже пятнышка.

-- Живает, как на собаке! -- съязвил Миллер. -- Только такой олух, как я, у которого мозги набекрень, мог додуматься, что этот достойный патриот был немецким агентом на Крите, членом "пятой колонны". Когда он стал немцам не нужен, его доставили ночью на катере на остров Навароне. Как же, пороли его! На тузике добрался до острова, как бы не так! Врет он, как сивая кобыла. -- Презрительно скривив рот, Миллер спросил: -- Хотел бы я знать, сколько сребреников он получил на Крите, пока его не раскусили?

-- Черт поberi, старик! Нельзя же убивать человека только потому, что он где-то поднаврал! -- возразил капитан. Странное дело, он не испытывал той убежденности, которая слышалась в его голосе. -- Сколько бы у нас осталось союзников, если б...

-- Так тебе мало доказательств? -- Миллер взмахнул пистолетом. -- Заверни-ка левую штанину, Искарriot. Даю еще две секунды.

Панаис тотчас повиновался. Черные, полные ненависти глаза не отрывались от Миллера. Грек засучил штанину до колена.

-- Повыше!.. Вот так, мой дружок, -- подбодрил его Миллер. -- А теперьними повязку. -- Помолчав, Миллер сокрушенно покачал головой. -- Какая страшная рана, шеф! Просто ужас!

-- Кажется, теперь я понимаю, что к чему, -- задумчиво произнес Мэллори, не увидев на смуглой мускулистой ноге ни царапины. -- Но почему ты считаешь его предателем?

-- Да потому! Есть, по крайней мере, четыре причины подозревать его. Молодчик этот -- гад ползучий. Ни одна порядочная змея не подползла бы к нему и на милю. Хитрый, мерзавец! Прикинулся раненым, чтоб спрятаться в пещере у Чертова пятка, когда мы вчетвером отбивались возле рощи от егерей.

-- Почему? Боялся, что его ранят?

-- Черта с два. Этот гад ничего не боится. Спрятался, чтобы оставить записку. Да и потом, притворясь, будто бинтует ногу, оставил записку где-нибудь на видном месте. В ней, наверно, сообщил, что мы выйдем из пещеры в таком-то и таком-то месте. Вдобавок он попросил фрицев выслать нам навстречу соответствующую делегацию. Вот они ее и выслали. Помнишь? Это их машину мы угнали, чтоб добраться до города... Вот когда я впервые стал приглядываться к нашему приятелю: после того, как он отстал от нас, но вскоре догнал. Слишком уж быстро для человека с раненой ногой. Но окончательно я убедился, кто он таков, только сегодня вечером, когда открыл ранец...

-- Ты назвал только две причины, -- напомнил Мэллори.

-- Дойдем и до остальных. Вот третья. Он мог отстать, как только покажется впереди встречающая нас "делегация". Этот Искарriot не собирался отбросить копыта прежде, чем получит свои сребреники. И -- четвертая причина: помнишь душеспасительную сцену, когда он умолял оставить его в пещере, по которой мы выходили? Думаешь, он собирался пожертвовать своей шкурой ради нас?

-- Хочешь сказать, он собирался показать немцам дорогу?

-- Ну да, нас заложить. Но не вышло, вот он и расстроился. Я еще не совсем был уверен, что он шкура, хотя и сильно подозревал. Не знал, что он еще выкинет, потому и врезал ему как следует, когда мы чуть не напоролись на дозор, который поднимался по склону.

-- Ясно, -- проронил Мэллори. -- Вот теперь ясно. -- Он в упор взглянул на капрала. -- Надо было предупредить меня. Чего же ты...

-- Я хотел, но не было возможности, шеф. Этот малый все время крутился рядом. С полчаса назад, когда началась стрельба, я совсем было собрался сообщить. что и как...

Мэллори понимающе кивнул.

-- Но как ты его раскусил, Дасти?

-- Дело в можжевельнике, -- объяснил Миллер. -- Помнишь, Турциг сказал, что нас выдал запах можжевельника?

-- Но ведь так оно и было. Мы жгли можжевельник.

-- Верно. Но обер-лейтенант сказал, что учуял запах, находясь на горе Костос. А весь день напролет ветер дул со стороны Костоса.

-- Господи, -- прошептал Мэллори. -- Ну, конечно! И как я запамятовал?

-- Но фриц точно знал, где мы находимся. С чего бы это? Что он, ясновидящий? Черта с два. Ему настучал этот наш приятель. Помнишь, я сказал, что он разговаривал со своими корешами в Маргарите, когда мы отправились туда за провизией?

-- Миллер с отвращением сплюнул. -- Этот гад меня за нос водил. Кореша! Они и в самом деле были его приятели, только немецкие! И харч, который он будто бы спер с кухни коменданта, в самом деле был оттуда. Пришел, наверно, прямо на кухню и попросил жратвы. А старый Шкода дал ему еще и собственный чемодан, чтобы ее туда запихать!

-- Но немец, которого он прикончил, возвращаясь в деревню? Уверен, это он его и зарезал.

-- Панаис его действительно пришил! -- в голосе Миллера прозвучала усталая уверенность. -- Что значит лишний труп для нашего приятеля?! Небось, наткнулся на этого беднягу в темноте, вот и пришлось его замочить. Надо было держать фасон. Ведь рядом был Лука. Нельзя же, чтобы Лука его заподозрил. В случае чего он мог свалить все на Луку. Ведь в нем нет ничего человеческого... Помнишь, как его впахнули в комнату Шкоды вместе с Лукой? Как у него кровища текла из раны в голове? Мэллори кивнул.

-- Так то был кетчуп. Видно, тоже из кухни коменданта, -- в сердцах сказал Миллер. -- Если бы Шкоде не удалось ничего добиться другими способами, у него все равно оставался шанс. Вот этот самый предатель. Не понимаю, почему он не спросил у Луки, где взрывчатка.

-- Видно, не знал, что Луке об этом известно.

-- Может, так оно и есть. Зато он знал, как пользоваться зеркалом. Должно быть, с помощью азбуки Морзе связался с гарнизоном и сообщил наше местонахождение. Не иначе, шеф! А нынче утром залез ко мне в рюкзак, выбросил бикфордов шнур, испортил часовой механизм и детонаторы. Как ему руки не оторвало, когда он возился с этими игрушками, и где он научился своему ремеслу?

-- На Крите, -- убежденно сказал Мэллори. -- Немцы обучили. В их глазах шпион, которого нельзя использовать и как диверсанта, и гроша ломаного не стоит.

-- А они его ценили, -- тихо сказал Миллер. -- Еще как! Фрицам будет недоставать своего милого дружка. Этот Искарот был хитер.

-- Да, был. Но сегодня вечером вышла осечка. Не сообразил, что кто-то из нас его обязательно заподозрит...

-- Возможно, он и сообразил, -- прервал капитана Миллер. -- Но он просчитался. Думаю, Лука не ранен. И еще я думаю, что этот молодчик уговорил Луку и остался вместо него. Ведь Лука его всегда побаивался. Потом он сходил к своим приятелям, которые дежурят у ворот крепости, и велел им направить многочисленный отряд в замок Вигос. Но сперва пострелять для отвода глаз. Он умеет пустить пыль в глаза, наш преданный друг. Потом он пересек площадь, забрался на крышу и стал ждать удобного момента, чтобы подать сигнал своим приятелям: как только мы войдем в дом через черный ход. Но Лука забыл предупредить его, что мы должны встретиться на крыше, а не внутри дома. Этот приятель сидит на крыше и смотрит во все глаза, поджидая нас. Ставлю десять против одного, что у него в кармане фонарь.

Взяв куртку Панаиса, капитан поспешно обыскал карманы.

-- Так оно и есть.

-- Ну вот, видишь. -- Миллер зажег сигарету, наблюдая, как горит спичка, едва не обжигая ему пальцы, потом уставился на

Панаиса. -- Ну и что ты ощущаешь, Панаис, зная, что умрешь? Теперь ты представляешь, каково было всем тем беднякам, которых ты погубил. И парням на Крите, и воздушным и морским десантникам, которые погибли только потому, что считали тебя за своего. Как ты себя чувствуешь, Панаис?

Панаис ничего не ответил. Зажимая левой рукой рану, он безуспешно пытался остановить кровь. Он неотрывно смотрел на янки мрачным взглядом, по-волчьи скаля зубы, с ожесточенным лицом. Страх в нем не было и следа. Мэллори напрягся, готовый дать отпор предателю, если тот предпримет последнюю отчаянную попытку постоять за себя. Ведь Панаис обязательно предпримет такую попытку. Но когда капитан взглянул на Миллера, то понял, что ничего такого не произойдет. В облике американца было что-то неизбежное и неумолимое: каменная неподвижность руки с пистолетом и взгляда исключала даже мысль, а не то что возможность такой попытки.

-- Подсудимому нечего сказать в свою защиту, -- прозвучал усталый голос Миллера. -- Наверно, сказать кое-что должен я сам. Мне надо бы толкнуть речугу и втолковать всем, что сейчас я и судья, и суд присяжных, и палач... Только мы это опустим. Что толку разговаривать с покойником... Может, в том, что произошло, и нет твоей вины, Панаис. Может, и была на то причина. Один Бог знает. А я не знаю и знать не хочу! Слишком много людей погибло из-за тебя. Я убью тебя, Панаис. Убью сию же минуту. -- Бросив окурки на пол, янки прижал его ботинком. -- Так ты ничего не хочешь сказать?..

Предателю незачем было говорить. Злоба и ненависть в черных глазах сказали все. Миллер кивнул, поняв его состояние. Точно нацелясь, дважды выстрелил в сердце Панаису. Задув свечи, он повернулся спиной и был уже на полпути к двери, когда труп предателя глухо ударился об пол.

-- Пожалуй, у меня ничего не выйдет, Андреа! -- в отчаянии произнес Лука, устало откинувшись к стене. -- Ты уж прости. Узлы слишком туго затянуты.

-- Да ладно, -- Андреа перевернулся и сел, сиюсь ослабить путы на ногах и запястьях. -- Хитрые эти немцы. Мокрые веревки не развяжешь, разве только разрежешь.

А между тем минуты две назад он сумел добраться до веревок на запястьях Луки и развязал их, дернув несколько раз за них, своими стальными пальцами. -- Придумаем что-нибудь другое.

Андреа поглядел в противоположный конец комнаты, освещенной керосиновой лампой, которая стояла возле забранной решеткой двери. В тусклом ее свете можно было разглядеть Кейси Брауна. Точно каплун, он был опутан веревкой, пропущенной через крюк в потолке. Андреа невесело улыбнулся. Снова в плену. И снова их схватили так же просто и неожиданно, не дав возможности сопротивляться. Ни один из троих не подозревал о засаде. Их схватили в верхней комнате замка через какие-то несколько секунд после окончания сеанса связи с Каиром. Патруль точно знал, где их искать. Офицер злорадно сообщил им, что песенка их спета, поведал и о том, какую роль сыграл Панаис. Теперь стало понятно, почему их застали врасплох. Начальник патруля дал понять, что и Миллеру с капитаном не избежать ловушки. Но Андреа и мысли не допускал, что положение их безнадежно...

Взгляд его шарил по комнате. Ни одна деталь не ускользнула от его внимания на каменных стенах и полу: ни крючья, ни вентиляционные колодцы, ни тяжелая зарешеченная дверь. Всякий, попав в это помещение, решил бы, что это темница, камера для пыток. Но Андреа доводилось бывать в подобных сооружениях. Дом называли замком, но на самом деле это башня, окруженная комнатами помещичьего дома. Давно отправившиеся к праотцам знатные франки, построившие дом, жили в достатке. Никакая это не камера, а просто кладовка, где с крюков свешивались мясо и дичь. Оттого-то они отлично обходились без окон и естественного

освещения...

Освещение! Андреа уставился на чающую масляную лампу сузившимися глазами.

-- Лука, -- тихо произнес он. Маленький грек обернулся. -- Сможешь дотянуться до лампы?

-- Наверное, смогу.

-- Сними стекло, -- прошептал Андреа, -- оберни тряпкой: оно горячее. Осторожно раздави об пол. Стекло толстое. Осколками разрежешь мои веревки за минуту-две.

Целый миг Лука глядел на него растерянно, затем кивнул. На связанных ногах зашаркал к лампе, протянул было руку к стеклу, но тотчас отдернул ее: всего в нескольких футах от него раздался резкий лязг металла. Лука вскинул голову.

Протяни Луна руку -- он дотронулся бы до ствола винтовки системы "маузер", который угрожающе торчал между прутьями дверной решетки. Часовой опять застучал стволом о прутья и что-то крикнул.

-- Не надо, Лука, -- тихо сказал Андреа спокойным, без тени разочарования голосом. -- Ступай обратно. Наш друг не очень-то тобой доволен.

Лука послушно вернулся на прежнее место и снова услышал гортанный голос, на этот раз чем-то встревоженный. Лязгнуло железо -- часовой вытащил винтовку из дверной решетки, и сапоги его торопливо зацокали по каменным плитам коридора.

-- Что это стряслось с малышом? -- прозвучал, как обычно, невеселый и усталый голос Кейси Брауна. -- Он вроде чем-то расстроен?

-- Еще бы ему не расстраиваться! -- улыбнулся Андреа. -- Увидел, что руки у Луки не связаны.

-- Так почему же он снова его не связал?

-- Может, он и туго соображает, но совсем не такой лопух, -- пояснил Андреа. -- Побоялся попасть в ловушку и поэтому побежал за подмогой.

Почти тотчас же они услышали глухой стук, словно где-то хлопнули дверью, затем грохот сапог. Наконец зазвенели связкой ключей, заскрежетал дверной замок, щелкнул, завизжали ржавые петли, и в помещение, стуча сапогами, вошли два солдата. Видны были их винтовки, взятые наизготовку. Некоторое время они не двигались, привыкая к полумраку камеры. Тот, что стоял ближе к двери, проговорил:

-- Куда это годится, шеф! Стоило их оставить на минуту без присмотра, как они тут же и вляпались! Вся шайка-- лейка связана, словно Гарри Гудини [Гарри Гудини (1877-1926) -- американский маг и фокусник, умевший освобождаться от любых оков, благодаря чему получил прозвище "Король наручников". Однажды он велел связать себя, упаковать в ящик, стянув его затем стальной лентой, и бросить в воду возле Баттери в Нью-Йорке. Через 59 секунд все увидели его на поверхности воды. (Прим. пер.)] перед очередным представлением.

Трое узников, ошеломленно уставившись на солдат, приподнялись. Первым пришел в себя Браун.

-- Давно бы так, -- произнес он. -- Мы уж думали, что вы так к нам и не заглянете.

-- Он хочет сказать, что мы уже не надеялись больше с вами увидеться, -- спокойно пояснил Андреа. -- Я тоже. А вы тут как тут, целые и невредимые.

-- Да, -- кивнул Мэллори. -- А все благодаря Дасти и его подозрительности. Мы уши развесили, а вот он приглядывался к Панаису.

-- А где он? -- поинтересовался Лука.

-- Панаис-то? -- Янки неопределенно махнул рукой. -- Мы его оставили. Беда, можно сказать, с ним приключилась. -- Стоя возле Брауна, янки старательно пилил веревки, стянувшие раненую ногу радиста, и при этом насистывал. Капитан тоже был при деле: освобождал от пут Андреа, сообщив ему в нескольких словах о том, что с ними произошло, а взамен услышал столь же сжатый рассказ о событиях в крепостной башне. Поднявшись на ноги, Андреа принялся растирать занемевшие руки. Взглянув на Мэллори, грек произнес;

-- Надоел мне этот свистун, капитан. Свистит фальшиво и, главное, слишком громко. Часовые услышат...

-- Не переживай за них, -- сурово сказал Маллори. -- Они никак не ожидали снова встретиться с нами. Бдительность утратили. -- Взглянув на Брауна, ковылявшего по комнате, спросил: -- Как нога, Кейси?

-- В порядке, сэр, -- оборнил Браун небрежно. -- Я выходил на связь с Каиром. Докладываю...

-- С докладом придется повременить, Кейси. Нужно живо сматываться отсюда. Ты здоров, Лука?

-- Я убит горем, майор Мэллори. Ведь он мой соотечественник, друг, которому я доверял...

-- С этим тоже придется повременить. Двинулись.

-- Слишком уж ты спешишь, -- возразил Андреа. Группа вышла в коридор, перешагнув через часового, бесформенной грудой валявшегося на каменных плитах. -- Конечно, если все они в таком же состоянии, как и этот друг...

-- На этот счет можешь не беспокоиться, -- оборвал его Мэллори. -- Другое дело -- солдаты в городе. Они, должно быть, знают, что Панаис или удрал, или мы его прикончили. В любом случае они наверняка сообразят, что мы непременно бросимся сюда. Они, верно, уже на полпути к замку, а уж если придут... -- Он умолк, заметив вдребезги разбитую взрывную машинку и рацию, валявшиеся в углу. -- Постарались, ничего не скажешь! -- расстроился капитан.

-- Ну и слава Богу, -- возразил Миллер. -- Тащить меньше. Посмотрел бы, во что превратилась моя спина от этой чертовой машинки!

-- Сэр! -- схватил капитана за руку Браун, обычно такой сдержанный. Мэллори умолк и изумленно взглянул на радиста. -- Сэр, это очень важно. Вы должны выслушать рапорт.

Его жест и чрезвычайно серьезный тон подействовали на Мэллори. Он с улыбкой повернулся к Брауну.

-- Хорошо, Кейси, докладывайте, -- проронил он. -- Хуже того, что с нами произошло, ничего уже не может быть.

-- Может, сэр. -- В голосе Кейси прозвучали усталость и такая тоска, что каменный этот склеп показался Мэллори еще холоднее. -- Очень опасаясь, что так. Сегодня вечером я связался с Каиром. Слышимость была отличная. Сам Дженсен был у передатчика. Он прямо-таки рвал и метал. Целые сутки ждал, когда мы выйдем на связь. Спросил, как у нас дела. Я сообщил, что в крепость вы еще не проникли, но рассчитываете попасть в артиллерийский погреб примерно через час-другой.

-- Продолжайте.

-- Дженсен ответил, что это самое лучшее известие, которое он когда-либо слышал. И добавил, что его дезинформировали, что ударная флотилия немецкого десанта не стала двигаться через Циклады и направилась на исходные позиции прямоком под прикрытием такого количества торпедных катеров и авиации, каких в Средиземном не видывали. Удар по Керосу планируется нанести перед самым рассветом завтрашнего дня. Каперанг добавил, что наши эсминцы весь день были наготове, в сумерках переместились севернее, рассчитывая получить от него соответствующую информацию. Тогда командиры кораблей решат, смогут ли пройти Майдосским проливом. Я сказал, что дело может сорваться. Дженсен возразил, что такого быть не должно, если Мэллори и Миллер в крепости. Кроме того, он добавил, что не вправе рисковать жизнью тысячи двухсот человек, находящихся на Керосе, что срыва эвакуации допустить нельзя. -- Браун утрюмо потупился. Никто не произнес ни слова.

-- Дальше, -- едва слышно произнес бледный Мэллори.

-- Это все, что он сказал, сэр. Эсминцы войдут в Майдосский пролив в полночь. -- Взглянув на светящиеся часы, Кейси проговорил: -- Осталось четыре часа.

-- О господи! В полночь! -- Потрясенный известием, Мэллори устался в одну точку. Руки сжались в кулаки, суставы пальцев побелели. -- Сегодня в полночь. Господи, помоги им! Помоги им всем, Господи!

Глава пятнадцатая. В СРЕДУ ВЕЧЕРОМ. 20.00--21.15

Часы показывали половину девятого. До комендантского часа ровно тридцать минут. Мэллори распластался на крыше, прижался к низенькой подпорной стенке, почти касавшейся кладки крепостной стены, и беззвучно выругался. Появись хоть один немец и освети фонарем верх стены, в четырех футах ниже которого шли мостки, и всем конец! Часовой не мог бы не заметить их с Дасти Миллером, который распластался сзади, вцепившись в тяжелый аккумулятор, снятый с грузовика. Пожалуй, надо было остаться с остальными участниками группы на крыше второго от крепости дома. Кейси вязал на веревке узлы на некотором расстоянии друг от друга, другой приплескивал согнутый из куска проволоки крючок к бамбуковому шесту, выдернутому из забора неподалеку от города. За ним они спрятались, когда в сторону замка Вигос промчались три грузовика.

Восемь тридцать две. Какого там черта копается Андреа? Но в следующее мгновение Мэллори устыдился своего раздражения. Понапрасну Андреа и секунды не потеряет. Быстрота нужна, но спешка опасна. Вряд ли в крепости остались офицеры. Судя по всему, половина немецкого гарнизона прочесывает город и местность в районе Вигоса. Но если хоть один офицер остался, то стоит ему крикнуть, и они пропали.

Мэллори посмотрел на ожог на тыльной стороне ладони. Все, что он этой ночью сделал для группы, -- это сжег грузовик. Остальное -- заслуга Миллера и Андреа. Именно Андреа настоял на том, чтобы занять единственный пустующий дом среди других, в которых расквартированы немецкие офицеры, -- единственное, что можно предпринять в их положении. А Миллер, оставшись без химических детонаторов, бикфордова шнура, взрывной машинки и иных источников энергии, вдруг заявил, что ему необходим аккумулятор. И опять-таки именно Андреа, заслышав вдалеке рев грузовика, успел откатить на середину дороги к замку тяжелые камни бордюра, вынудив солдат оставить грузовик у ворот и топтать к замку на своих двоих. Напасть на водителя и его напарника и оглушить обоих было делом нескольких секунд. Чуть больше, чем понадобилось Миллеру на то, чтобы снять клеммы с тяжелого аккумулятора, отыскать под кузовом канистру и облить бензином мотор, кабину и кузов, которые тотчас исчезли в ревящем огненном вихре. Лука оказался прав: жечь грузовики -- опасное занятие; ожог на руке оказался очень болезненным. Зато и зрелище великолепное. Но вот досада: этот гигантский факел раньше времени выдал немцам тот факт, что диверсионной группы в замке нет. Однако сжечь грузовик было необходимо, хотя немцы и могли сообразить, какова действительная цель нападения на грузовик.

Миллер потянул капитана за ногу. Тот вздрогнул и обернулся. Американец показывал куда-то за его спину. Оглянувшись, Мэллори увидел Андреа, махавшего рукой из люка в дальнем углу крыши. Гигант-грек, как всегда, крался бесшумно, как кошка. Мэллори и не заметил, как тот появился. Раздосадованный собственной рассеянностью, Мэллори забрал у Миллера аккумулятор, вполголоса велел позвать остальных и, стараясь производить как можно меньше шума, стал передвигаться по крыше. Ему показалось, что батарея весит не меньше тонны, но, легко подхватив ее, Андреа перенес аккумулятор через край люка, словно пушинку, и, сунув его под мышку, опустился по лестнице в тесную прихожую.

Вот уже Андреа на балконе, нависшем на высоте тридцати метров над темной водой гавани. Шедший следом Мэллори тронул плечо грека после того, как тот осторожно опустил аккумулятор на пол.

-- Никаких осложнений? -- вполголоса спросил капитан.

-- Никаких, Кейт, -- Андреа выпрямился. -- Дом пуст. Я так удивился, что дважды осмотрел его. На всякий случай.

-- Вот и отлично! Весь гарнизон, видно, с ног сбился, разыскивая нас. Интересно, что-то сказали бы фрицы, если сообщить им, что мы находимся под самым их носом?

-- Ни за что не поверили бы, -- не колеблясь, ответил Андреа. -- Им и в голову не придет искать нас здесь.

-- Очень бы хотелось, чтобы ты оказался прав! -- вырвалось у новозеландца. Подойдя к узорчатым перилам, он глянул вниз, в разверзающуюся под ногами бездну, и поежился. Если упадешь, то падать устанешь. Ко всему, очень холодно: дождь хлещет как из ведра, пронизывает до костей... Отступив на шаг, Мэллори потряс руками перила. -- Как думаешь, перила надежны? -- негромко спросил он Андреа.

-- Не знаю, Кейт. Представления не имею, -- пожал тот плечами. -- Надеюсь, что да.

-- Надеюсь, что да, -- эхом отозвался Мэллори. -- Да дело и не в этом. Иначе и быть не должно. -- Подойдя к решетчатым перилам, он перегнулся и, подняв голову, посмотрел направо. Сквозь серую пелену дождя с трудом можно было различить темные очертания устья пещеры, где спрятаны два чудовищной величины орудия. До пещеры, расположенной самое малое метрах в девяти выше балкона, по прямой метров двенадцать. Чтобы добраться до пещеры, надо вскарабкаться по отвесной скале -- это все равно, что добираться до Луны.

Услышав, как, прихрамывая, идет по балкону Браун, капитан оглянулся.

-- Идите к фасаду, Кейси, и оставайтесь там. Подежурьте у окна. Парадный вход не запирайте... Впускайте всех, кто придет.

-- Бить дубиной, ножом, не стрелять, -- буркнул Браун. -- Я правильно понял, сэр?

-- Правильно, Кейси.

-- Хоть на это гожусь, -- угрюмо проговорил шотландец и поковылял к двери.

-- На моих без двадцати три, -- повернулся Мэллори к греку.

-- На моих тоже, -- ответил Андреа. -- Без двадцати трех девять.

-- Желаю удачи, -- промолвил капитан. С улыбкой посмотрел на Миллера: -- Пошли, Дасти. Представление начинается.

Пять минут спустя Мэллори и Дасти сидели в таверне, выходящей на южную сторону площади. Несмотря на ярко-голубой цвет, в который владелец выкрасил стены, столы, стулья и полки (кстати, на островах издавна заведено красить в голубой и красный цвета питейные заведения, а в зеленый -- кондитерские), таверна, где царил полумрак, производила такое же тягостное впечатление, как и мрачные взоры суровых усачей -- героев войны за независимость, глядевших на гостей с выцветших литографий, развешанных по стенам. Портреты эти перемежались с яркими плакатами, рекламирующими пиво, -- впечатление ошеломительное. Слава Богу, что у кабатчика, кроме двух чадающих ламп, нет более яркого освещения. Что за кошмар представляла бы тогда эта таверна!

Новым посетителям полумрак был на руку. Темная одежда, украшенные шитьем куртки, кушаки и сапоги, черные фески ничем не выделяли их среди завсегдатаев -- тех было человек восемь. Наряд капитана и Миллера не привлек внимания владельца заведения, вряд ли знавшего в лицо всех жителей городка с населением в пять тысяч. Но даже если кабатчик и заподозрил что-то неладное, то он, по словам Луки, грек-патриот, не подал и виду, поскольку в таверне сидели четыре немца. Те расположились за столиком у самой стойки. Полумрак устраивал новозеландца вовсе не потому, что они с Дасти опасались немцев, которых Лука презрительно назвал сборищем старых баб. Мэллори знал, что это штабные писаря, которые приходят в таверну каждый

вечер.

Закурив вонючую сигарету местного производства, Дасти скорчил гримасу.

-- Ну и дух стоит в этом кабаке, шеф. Хоть топор вешай.

-- Так потуши сигарету, -- посоветовал Мэллори.

-- Ты не поверишь, но запах, который я чую, много хуже сигаретного дыма.

-- Гашиш, -- лаконично ответил капитан. -- Бич здешних портов. -- Кивнув в темный угол, он продолжал. -- Вон те ребята каждый день приходят сюда нюхать эту дрянь. Иной цели в жизни у них и нет.

-- И по сему случаю подняли такой хипеж? -- сварливо произнес янки. -- Послушал бы их Тосканини!

Сидевшая в углу компания окружила молодого человека, игравшего на бузуке -- похожем на мандолину инструменте с длинным грифом. Слышались тоскливые, за душу хватающие звуки рембетик -- излюбленных песен курильщиков гашиша, выходцев из Пирея. В песнях была своя прелесть, свое обаяние, но сейчас они раздражали Мэллори. Чтобы оценить их по достоинству, нужно особое, лирическое настроение, а капитан был в эту минуту взвинчен до предела.

-- Действительно, песня навевает уныние, -- согласился новозеландец. -- Зато мы имеем возможность спокойно разговаривать. Что бы мы стали делать, вздумай эти парни разойтись по домам?

-- Ну и убирались бы ко всем чертям, -- угрюмо проговорил Дасти. -- Лучше сам буду помалкивать. -- Миллер рассеянно тыкал вилок в мезе -- ассорти из олив, печенки, сыра и яблок. Как истинный янки, приверженец виски, он не одобрял привычку греков закусывать во время выпивки. Раздавиг сигарету о крышку стола, Миллер поднял глаза на капитана: -- Сколько можно тут торчать, командир?

Посмотрев на товарища, Мэллори отвел взгляд. Он понимал, каково капралу, поскольку и с ним творилось то же самое. Он был напряжен, взвинчен, каждый нерв натянут, как струна. Ведь через несколько минут решится, нужны ли были все их усилия и лишения, погибнет или будет спасен гарнизон Кероса, напрасно или нет жил и умер Энди Стивенс. Снова взглянув на янки, Мэллори увидел его нервные руки, "гусиные лапки" у глаз, добела сжатые губы, выдающие волнение, и тотчас об этом забыл. Для предстоящего дела сухощавый сумрачный американец подходил как никто другой, если не считать Андреа. "Лучший специалист по диверсионным операциям во всей Южной Европе" -- так охарактеризовал Миллера каперанг Дженсен. Далекоенько пришлось добираться до места работы Дасти -- аж из самой Александрии. Но операция, которую предстоит выполнить этой ночью, по плечу одному лишь Миллеру.

-- Через пятнадцать минут начнется комендантский час, -- взглянул на циферблат новозеландец. -- Сигнал дадут через двенадцать минут. В нашем распоряжении четыре минуты.

Американец молча кивнул. Снова наполнив стакан из стоящего на столе кувшина, закурил сигарету. Капитан увидел, как подергивается нервным тиком бровь на лице Дасти, и подумал, что и сам едва ли выглядит спокойнее. Что-то поделывает раненый Кейси? Сумеет ли он справиться со своей работой, пожалуй, самой ответственной? Ведь в критический момент, когда Браун поднимется на балкон, наружная дверь окажется без присмотра. Случись какой прокол, и тогда... Миллер странно посмотрел на капитана и криво улыбнулся. Должно получиться, не может не получиться. О том, что произойдет в случае неудачи, лучше не думать...

Любопытно, там ли, где им положено, находятся двое остальных. Должно быть, там, ведь участвующие в облаве солдаты давно оставили верхний город. Но обстоятельства могли измениться, случается всякое. Мэллори снова взглянул на часы. Стрелки словно застыли на месте. Закурил напоследок еще одну сигарету, налил последний стакан вина, вполуха прислушиваясь к заунывному пению. Песня замерла на жалобной ноте, курильщики допили свои стаканы, и тут Мэллори поднялся на ноги.

-- Всему свое время, и время всякой вещи под небом, --

проговорил он вполголоса. -- Начали.

Попрощавшись с кабатчиком, упругой походкой капитан направился к выходу. У самой двери остановился, принялся шарить по карманам, словно что-то потерял. Ветра не было, шел проливной дождь, струи воды отскакивали от булыжной мостовой. На улице ни души, с удовлетворением отметил капитан. Хмуря лоб, он резко повернулся и, выругавшись, направился к столу, за которым только что сидел. Руку он держал во внутреннем кармане куртки. Исподтишка взглянув на Миллера, заметил, что тот отодвигает стул, готовясь встать из-за стола. Перестав ощупывать карманы, новозеландец остановился примерно в метре от стола, за которым сидели немцы.

-- Не двигаться! -- произнес капитан по-немецки негромким, но твердым голосом. Особую весомость его словам придавал тяжелый флотский "кольт" сорок пятого калибра, который он сжимал правой рукой. -- Нам терять нечего. Всякий, кто пошевелится, будет убит.

Несколько секунд солдаты сидели неподвижно, лишь глаза расширились в изумлении. Сидевший ближе всех к стойке немец моргнул, поведя плечами, но в то же мгновение из уст его вырвался крик боли: в руку ему уходила пуля 32-го калибра, выпущенная Миллером из пистолета с глушителем.

-- Виноват, шеф, -- произнес янки. -- Может, у него пляска святого Витта, а я черт-те что подумал. -- С. любопытством посмотрев на искаженное лицо раненого, увидел, как из-под пальцев, зажавших рану, капает кровь. -- Похоже, дело уже идет на поправку.

-- Вполне, -- угрюмо сказал Мэллори. Обратясь к кабатчику -- высокому тощему верзиле с висячими, как у китайского мандарина, усами, -- он спросил его на местном наречии: -- Они по-гречески секут?

Кабатчик отрицательно покачал головой, с виду ничуть не удивленный появлением двух налетчиков.

-- Куда им! -- презрительно отозвался владелец таверны. -- По-моему, немножко по-английски знают. А по-нашему ни в зуб ногой.

-- Вот и хорошо. Я офицер английской разведслужбы. У вас не найдется местечка, куда их можно спрятать?

-- Не надо этого делать! А то меня расстреляют! -- взмолился кабатчик.

-- Ни в коем случае. -- Перегнувшись через стойку, Мэллори приставил к животу кабатчика дуло пистолета. Со стороны можно было подумать, что жизнь кабатчика действительно под угрозой. Подмигнув усатому греку, капитан произнес: -- Я свяжу вас вместе с немцами. Хорошо?

-- Хорошо. У конца стойки в полу есть лаз в погреб.

-- Вот и лады. Я как бы невзначай наткнулся на него. -- Изо всех сил ударив кабатчика, так что тот растянулся на полу, новозеландец оставил усача в покое и направился к певцам.

-- Идите домой, ребята, -- торопливо проговорил он. -- С минуты на минуту начнется комендантский час. Ступайте через черный ход и зарубите себе на носу: вы ничего и никого не видели. Ясно?

-- Ясно, -- ответил грек, игравший на бузуке. Ткнув большим пальцем в сторону своих собутыльников, он усмехнулся.

-- Плохие люди, зато хорошие греки. Помочь не надо?

-- Нет, нет! -- энергично мотнул головой Мэллори. -- Подумайте о своих семьях. Солдаты вас знают в лицо. Ведь вы тут завсегдатаи?

Музыкант кивнул.

-- Тогда живо уходите. Но все равно спасибо.

Спустившись через минуту в тускло освещенный погреб, Миллер ткнул солдата, похожего на него самого комплекцией.

-- А ну, раздевайся! -- скомандовал он.

-- Свиныя английская! -- огрызнулся немец.

-- Только не английская, -- возразил янки. -- Даю тебе тридцать секунд, чтоб мундир и штаны снять.

Солдат злобно выругался, но пальцем о палец не пошевелил. Дасти вздохнул. Немец не робкого десятка, но уговаривать его

некогда. Прицелясь, янки нажал на спусковой крючок. Послышался негромкий хлопок, и из левой ладони у немца вырвало кусок мякоти.

-- Не портить же такую красивую форму, -- объяснил Миллер. Подняв пистолет, растягивая слоги, он добавил: -- Следующую пулю влеплю тебе в лоб. -- В голосе янки не было и намека на нерешительность. -- Тогда раздеть тебя, я думаю, особого труда не составит.

Но солдат, подвывая от боли в простреленной руке, уже стаскивал с себя форму.

Меньше чем через пять минут Мэллори, как и Дасти, облаченный в немецкий мундир, отперши дверь таверны, с опаской выглянул наружу. Дождь лил как из ведра, на улице ни души. Подозвав жестом капрала, новозеландец запер дверь. Оба пошагали прямо посередине улицы, даже не пытаясь скрыть свое присутствие. Через полсотню метров оказались на городской площади, повернули направо, миновали южную сторону, свернули налево и двинулись вдоль восточной ее стороны, не замедляя шага у дома, где скрывались накануне. Краешком глаза они заметили, что, приоткрыв дверь. Лука протянул им руку, в которой держал два увесистых армейских ранца, набитых веревками, запалами, проводами и взрывчаткой. Пройдя еще несколько метров, капитан янки внезапно остановился и, спрятавшись за двумя винными бочками, стоявшими перед цирюльней, закинули ранцы за плечи и стали наблюдать за двумя часовыми, укрывшимися под аркой крепостных ворот, меньше чем в сотне метров от них.

Ждать, по существу, не пришлось -- так четко были согласованы действия участников группы. Едва Мэллори успел затянуть поясной ремень немецкого ранца, как в центре города, ближе чем в трехстах метрах от них с Миллером, раздалось несколько взрывов, затем злобный стук пулемета и снова взрывы. То Андреа пустил в ход гранаты и самодельные бомбы.

Мэллори и янки от неожиданности так и присели: на вышке, установленной над воротами, вспыхнул белым огнем прожектор, осветив крепостную стену, каждое острое ограждения, каждый шип колючей проволоки. Оба переглянулись. Панаис не солгал: окажись кто-нибудь из них на ограде крепостной стены, он тотчас приклеился бы к ней, точно муха к липучке, и пулеметным огнем в мгновение ока был бы разорван в клочья.

Выждав с полминуты, Мэллори коснулся руки товарища и, вскочив, со всех ног кинулся через площадь, прижимая к себе длинный бамбуковый жест с крючком на конце. Следом за ним загрохотал сапогами янки. В считанные секунды они добежали до крепостных ворот, охраняемых встревоженными часовыми.

-- Бегом к Лестничному Сходу, -- заорал Мэллори. -- Эти проклятые диверсанты укрылись там в одном из домов! Нужны минометы. Скорей, приятель, чего ты копаешься, черт тебя побори!

-- Но как быть с воротами? -- засомневался один из часовых. -- Покидать пост у ворот запрещено! -- Немцу и в голову не пришло, что дело нечисто. Почти полная темнота, проливной дождь, солдат в немецкой форме, превосходно говорящий по-немецки, звуки недалекого боя -- все это подтверждало слова незнакомца.

-- Болван! -- набросился на солдата Мэллори. -- Dummkopf! Кому нужны твои ворота! Эти мерзавцы англичане спрятались в одном из домов на Лестничном Сходе. Их надо уничтожить! Живей, черт тебя побори! -- подгонял часового новозеландец. -- Если томми снова улизнут, нас всех отправят на Восточный фронт!

Мэллори хотел было, положив солдату руку на плечо, подтолкнуть его в нужном направлении. Но это оказалось излишним: оба немца уже скрылись за пеленой дождя в ночной темноте. Спустя несколько секунд капитан и янки проникли внутрь крепости.

царили суэта и неразбериха. Звучали команды, раздавались свистки, ревели моторы грузовиков, сновали взад-вперед фельдфебели, строя солдат или усаживая их в кузов машин. Мэллори и Дасти тоже пробежали раз-другой мимо автомобиля, расталкивая грузившихся в него немцев. Особой нужды спешить у Мэллори и капрала не было, но вид двух солдат, спокойно наблюдающих эту суматоху, мог бы вызвать подозрение. Пробегая мимо фонарей, оба опускали голову или отворачивались. Не привыкший к беготне, янки не переставая бранился.

Оставив справа два здания казарм, а слева электростанцию, прошли мимо артиллерийского пакгауза по правую руку и гаража -- по левую. Дорога пошла в гору. Несмотря на темноту, Мэллори отлично ориентировался, запомнив, как "Отче наш", все, что рассказали ему месье Влакос и Панаис.

-- Что это, шеф? -- Поймав Мэллори за рукав, Дасти показал на большое прямоугольное здание, видневшееся в темноте. -- Гарнизонная губа?

-- Резервуар для воды, -- объяснил капитан. -- По словам Панаиса, вмещает с полмиллиона галлонов воды. В случае нужды можно вмиг затопить артиллерийские погреба. Они как раз под ним. -- Мэллори ткнул рукой в сторону приземистой железобетонной коробки, расположенной чуть поодаль. -- Единственный вход в погреб. Всегда на замке и под охраной.

Приблизились к зданию, где квартировали офицеры. Квартира коменданта находилась на третьем этаже, выходя окнами к толстостенному сооружению из железобетона. То был командный пункт, откуда подавались нужные данные расчетам двух тяжелых орудий, спрятанных в скале. Нагнувшись, Мэллори взял ком грязи, провел по лицу, велел сделать то же самое и Дасти.

-- Для маскировки, -- объяснил он. -- Прием несколько примитивный, но умнее ничего не придумать. Внутри освещение ярче, чем здесь.

Капитан взбежал по лестнице как угорелый и так ударился о шарнирные двери, что чуть не сорвал их с петель. Изумленно уставившись на вошедших, часовой, дежуривший у ящика с ключами, вскинул автомат, целясь в грудь Мэллори.

-- Убери свою пушку, болван! -- рявкнул Мэллори. -- Где комендант? Да живее, идиот! Тут дело жизни или смерти.

-- Herr... Herr Kommandant? -- начал, запинаясь, часовой. -- Он ушел. Все ушли. С минуту назад.

-- Что? Все ушли? -- впился взглядом в солдата новозеландец. -- Ты сказал, все ушли? -- вкрадчиво спросил он.

-- Да. Я уверен... -- Часовой замолчал, заметив взгляд капитана, направленный на какой-то предмет сзади него.

-- А это кто такой, черт побори? -- сердито спросил Мэллори.

Попавшись на удочку, солдат хотел было оглянуться, но в это мгновение, используя прием дзюдо, новозеландец ударил его чуть ниже левого уха ребром ладони. Не успел часовой упасть на пол, как Мэллори, разбив стекло, сгреб в карман все ключи -- их было с дюжину. На то, чтобы вставить немцу кляп, связать руки и ноги и спрятать в кладовку, потребовалось еще секунд двадцать. И вот оба снова неслись, грохоча сапогами.

Оставалось еще одно препятствие. Последнее из трех. Мэллори не знал, сколько часовых охраняет вход в артиллерийский погреб, но в этот момент это его особо и не заботило. Да и Миллера, пожалуй, тоже. Предельное нервное напряжение неожиданно спало. В душе не осталось ни смутных тревог, ни сомнений. Хотя Мэллори ни за что бы в этом не признался, на подобные дела способны лишь такие, как он с Миллером.

Достав карманные фонари, включили их. Мощные лучи прыгали, освещая путь. Бежали мимо рядов зениток, ни от кого не прячась, размахивая руками.

При виде двух человек, один из которых причал что-то по-немецки товарищу, ни у кого не могло возникнуть даже тени подозрения, что это враги. Но лишь внимательно присмотревшись, можно было заметить, что затемненный луч фонаря светит лишь под ноги бегущим.

Заметив, что от стены артпогреба отделились две тени,

Мэллори попридержал шаг.

-- То, что доктор прописал! -- вполголоса проговорил капитан. -- Их всего двое. По одному на нос. Подпусти поближе и бей первым. Только без шума. Крик, выстрел, -- и все пропало. Не вздумай лупить фонарем. В погребе света не будет, а чиркать спичку за спичкой надоест! -- Переложив фонарь в левую руку, капитан взял тяжелый кольт за дуло. Остановившись в нескольких дюймах от выбежавших навстречу часовых, спросил, запыхавшись:

-- У вас тут все в порядке? Посторонние не появлялись? Живей отвечай!

-- Все в порядке, -- ответил сбитый с толку, перепуганный солдат. -- Скажи ради Бога, что за сыр-бор разгорелся?

-- Эти сволочи, английские диверсанты! -- злобно выругался Мэллори. -- Убили часовых и пробрались в крепость! Ты уверен, что никто сюда не проник? Пусти-ка, взгляну. -- Отодвинув в сторону часового, осветил фонарем тяжелый висячий замок, потом выпрямился.

-- Хорошо хоть, что тут они еще не побывали! Повернувшись, капитан направил луч прямо в лицо немцу. Извинился, выключил фонарь и нанес удар рукояткой пониже уха. Отскочив вовремя, на всякий случай, огрел рукояткой пистолета и второго часового. Один за другим раздались негромкие хлопки выстрелов.

-- Какого ты черта палишь?

-- Вот хитрованы, шеф! -- пробормотал Миллер. -- Те еще хитрованы. В тени спрятался третий часовой. Вот и пришлось его успокоить. -- Держа наготове пистолет, Дасти наклонился над упавшим, затем выпрямился. -- Похоже, успокоил его навсегда, шеф, -- бесстрастно прозвучал голос американца.

-- Свяжи остальных, -- произнес Мэллори, занятый уже другим: он подбирал ключи к замку. Третий ключ подошел, замок открылся, и тяжелая стальная дверь легко отворилась. Капитан напоследок оглянулся, но никого не увидел. Слышался рев мотора последнего грузовика, выезжавшего из крепостных ворот, вдалеке стучал пулемет.

Андреа старался вовсю. Только бы не переборщил и вовремя отступил... Повернувшись, Мэллори включил фонарь и шагнул внутрь. Дасти последует за ним, как только закончит свое дело.

Стальной трап вел ко дну пещеры. По обеим сторонам лестницы шахты подъемника. Даже клетью не защищены. Посередине блестят смазанные солидолом стальные тросы и отполированные металлические бегунки по краям рамы. Бегунки направляют подпружиненные колеса подъемника. Простота и надежность служили верным признаком устройства -- то были шахты элеватора, ведущие в артиллерийские погреба.

Мэллори спустился на каменный пол пещеры и описал лучом фонарика полукруг в дальнем конце подземного каземата, спрятавшегося под каменным карнизом. Каземата, господствовавшего над гаванью. Эта часть пещеры была создана руками человека: вулканическая порода высверлена и взорвана, как убедился он после беглого осмотра. Здесь находились лишь две шахты элеватора и трап, ведущий в артиллерийский погреб. Со складом можно подождать. Надо, во-первых, проверить, нет ли здесь часовых, во-вторых, обеспечить путь к отступлению.

Мэллори пробежал по туннелю, на мгновение включая фонарик. Немцы -- мастера по части мин-ловушек, когда речь идет о важных объектах. Однако в туннеле наверняка мин нет -- ставить их в нескольких футах от сотен тонн взрывчатки опасно.

Сырой туннель с дощатым полом довольно широк -- два метра с небольшим в высоту и чуть больше в ширину, -- но центральный проход узок: почти все пространство занимают роликовые конвейеры для подачи картузов и тяжелых снарядов, по одному с каждой стороны. Конвейеры круто расходились вправо и влево, потолок уходил вверх, образуя невидимый в полутьме купол. У самых ног Мэллори блестели в луче фонаря парные рельсы, вделанные в скалу на расстоянии шести метров друг от друга. Они

уходили вперед, в полумрак пещеры, к зияющему ее устью. Прежде чем выключить фонарь (свет могли заметить возвращавшиеся с Чертова пятка солдаты), вдали, где кончались рельсы, Мэллори успел разглядеть поворотные платформы. Над ними, похожие на допотопные чудовища, возвышались два огромных оружейных ствола.

Кончики пальцев, держащих фонарь и пистолет, задрожали. Капитан медленно пошел вперед. Медленно, но решительно. Без той настороженности, когда человек ежесекундно ожидает беду. Теперь он был совершенно уверен, что часовых здесь нет. Но шел как во сне, не веря, что совершил нечто такое, что считал безнадежным делом. Это была медлительность человека, встретившего, наконец, врага. Врага, которого боялся и которого все время искал.

"Наконец-то я здесь, наконец-то я здесь, -- вновь и вновь повторял про себя Мэллори. -- Добился-таки своего. Вот они, пушки, которые я должен уничтожить. Пушки крепости Навароне. Наконец-то я до них добрался..." Но он никак не мог свыкнуться с мыслью, что это правда.

Медленно подошел к орудиям. Прошел полпериметра поворотной платформы левого орудия. Осмотрел как следует -- насколько представлялось возможным в полумраке. Размеры орудий потрясали. Немыслимо толстые в обхвате стволы. Немыслимо длинные, они терялись где-то в ночи. Флотские специалисты считали эти пушки девятидюймовками, полагая, что из-за тесноты пещеры можно запросто переоценить их подлинные размеры. Он повторил калибр вслух. Таких пушек он в жизни не встречал. Двенадцатидюймовые, не меньше! Не просто большие, а чудовищные пушки! Что за безмозглые болваны послали "Сибарис" против этих динозавров...

Поток его мыслей оборвался. Положив руку на могучий лафет, Мэллори замер, пытаясь сообразить, что за звук вернул его к действительности. Закрыв глаза, чтобы сосредоточиться. Но звук не повторился. Неожиданно до него дошло, что потряс его вовсе не звук, а тишина. Это она прервала его мысли и зазвучала в нем колокольчиком: под ними, в центре города прекратилась автоматная стрельба.

Мэллори обругал себя. Размечтался! А время истекает. Андреа отступил. Теперь, надо думать, немцы вот-вот обнаружат, что их обвели вокруг пальца. Тогда они примчатся. Понятно, худа они кинутся. Движением плеч Мэллори скинул ранец. Достал свернутую бухтой тридцатиметровую армированную веревку с металлическим сердечником. Для запасного варианта отхода. Об этом нельзя забывать.

Накинув моток веревки на руку, осторожно двинулся вперед. Сделал всего три шага и ударился коленкой обо что-то твердое, но сдержал стон. Обследовал препятствие свободной рукой. Железные перила по пояс высотой возле устья пещеры! Конечно же. Необходимо ограждение, предохраняющее прислугу орудий от случайностей... Разглядеть его в бинокль из рожи было невозможно. Перила шли не по самому краю. И все же об их существовании следовало бы догадаться.

Мэллори быстро прошел к концу ограждения. Перелез через него. Надежно привязал веревку к основанию стойки, вмурованной в скалу, и осторожно двинулся к краю уступа, понемногу разматывая веревку. Под ногами он ощутил пустоту. До поверхности стиснутой скалами бухты тридцать шесть метров. Капитан очутился у края уступа.

Справа вдали на глади моря расплывчатый силуэт. Должно быть, это мыс Демирджи. Впереди, за темным бархатом Майдосского пролива, мигают огоньки. Это не только свидетельство неуязвимости немцев. В ночное время огни в рыбацких хижинах служат ориентирами для артиллерийской стрельбы. Влево -- рукой подать -- метрах в девяти по прямой, но гораздо ниже, приткнувшийся к скале край наружной стены крепости: за ней -- крыши домов, выходящих на западную -- сторону площади. Поодаль, прижимаясь к берегу бухты, который уходил полумесяцем на юг, а потом на запад, тянулись улицы города. Наверху -- гигантских размеров козырек скалы, загородивший полнеба. Внизу, чернее ночи, вода бухты. Там ошвартованы суда: греческие каики, немецкие катера, невидные в темноте, словно их и не существует.

Чтобы осмотреться, Мэллори хватило и десяти секунд.

Поспешно нагнувшись, он завязал двойным беседочным узлом конец веревки и положил ее на край. В случае нужды пинком можно будет сбросить ее вниз. До воды веревка не достанет метров девять. Зато не заденет надстройку катера или мачту кайка, если тот будет проплывать мимо. Нетрудно прыгнуть, лишь бы упасть в воду, а не на палубу судна, ломая кости. Придется рисковать. Еще раз взглянув в кромешную, как воды Стикса, тьму, Мэллори зябко повел плечами. Не приведи Господь удирать таким способом!

В тот момент, когда из туннеля прибежал Мэллори, Дасти Миллер, опустившись на колени на мостки у верхней площадки трапа, спускающегося в артиллерийский погреб, возился с проводами, детонаторами и взрывчаткой. При приближении командира капрал поднял голову.

-- То-то фрицы обрадуются, когда обнаружат эту адскую машину, -- сказал он, передвигая стрелки часового механизма. Прислушавшись к негромкому его тиканью, спустился вниз по трапу. -- Засуну, пожалуй, куда-нибудь в верхние два ряда зарядных картузов.

-- Делай, как знаешь, -- согласился Мэллори. -- Только постарайся, чтоб это устройство не сразу бросалось в глаза, но чтоб и найти его было можно. Ведь им неизвестно, что мы раскусили, какими детонаторами и запалами обеспечил нас Панаис.

-- Уж это точно, -- подтвердил Дасти. -- Когда фрицы обнаружат это "взрывное устройство", они описаются от радости и никуда больше не полезут.

-- Правильно рассуждаешь, -- с удовлетворением отметил капитан. -- Дверь наверху запер?

-- Как же иначе! -- с укоризной посмотрел на командира Миллер. -- Иногда мне кажется, шеф...

Но Мэллори так и не узнал, что кажется американцу. Слова янки потонули в железном гуле, заполнившем пещеру и артиллерийский погреб и затихавшем над бухтой. Снова послышались гулкие удары. Оба невесело переглянулись. Удары повторились, затем стихли.

-- Гости пожаловали, -- промолвил Мэллори. -- И кувалды с собой прихватили. Господи, только бы дверь выдержала! -- Мэллори бежал к орудиям, Дасти за ним.

-- Гости, говоришь? -- на бегу спросил Миллер. -- Что это они так быстро спохватились, будь они неладны?

-- Штучки нашего покойного друга, -- сердито ответил капитан. Перебравшись через перила, приблизился к устью пещеры.

-- А мы-то, олухи, решили, что он нам все рассказал. Он утаил от нас, что, когда дверь в артпогреб открывается, в караульном помещении звенит колокол громкого боя.

Глава шестнадцатая. В СРЕДУ ВЕЧЕРОМ. 21.11--23.45

Плавными, ловкими движениями Миллер вытравливал веревку с металлическим сердечником, дважды обмотанную вокруг верхнего поручня. Мэллори уже исчез из виду. Вытравлено уже пятнадцать, семнадцать, двадцать метров. Наконец, новозеландец подал знак, дважды дернув за сигнальный трос, привязанный к запястью капрала. Дасти тотчас застопорил веревку и, наклонясь, надежно закрепил ее к основанию стойки.

Снова выпрямившись, привязался свободным концом веревки к поручню, свесился и, нагнувшись, ухватил веревку как можно ниже и принялся ее раскачивать. Сначала едва заметная амплитуда колебаний этого живого маятника -- веревки с привязанным внизу человеком -- все более увеличивалась. С ее размахом веревка начала подергиваться и перекручиваться. Ясно, Мэллори бьется о

выступы скалы и, отталкиваясь от них, вращается вокруг своей оси. Но капрал понимал: останавливаться нельзя ни на секунду. Удары кувалд слились в сплошной гул. Миллер лишь свесился подальше и, вкладывая в работу всю силу мощных рук и плеч, стал еще энергичней раскачивать маятник с тем, чтобы Мэллори смог дотянуться до веревки, которую должен был спустить с балкона соседнего дома Кейси Браун.

Описывая огромную дугу, где-то внизу, посередине между разверстым жерлом пещеры и невидимой поверхностью воды, невидимый в заливаемой дождем темноте, Мэллори раскачивался, ударяясь о неровности утеса. Расстояние между крайними точками дуги составляло метров двенадцать. Совсем недавно он сильно ударился головой о выступ, едва не потеряв сознание и не выпустив веревки из рук. Помня, где опасное место, он отталкивался от скалы, поворачиваясь при этом на все триста шестьдесят градусов. Лицо его было залито кровью: при ударе открылась рана, нанесенная капитану Турцигом.

Но ни рана, ни кровь, заливающая глаза, не заботили Мэллори. Его заботило одно -- спустил ли Кейси веревку. Не случилось ли что с Брауном, не схватили ли его немцы? Если это так, то преодолеть десять метров, отделяющих дом от туннеля, не удастся. Веревка должна быть где-то рядом. Но как ее обнаружить? Уже трижды он пытался зацепить ее крючком, привязанным к бамбуковой палке, но слышал лишь скрежет железа по камню.

Напрягши все силы, он вытянул руку в четвертый раз и почувствовал, что крюк зацепился за веревку. Прежде чем качнуться в обратную сторону, он резко дернул за сигнальный конец и подтянул к себе шест. Спустя две минуты, почти окончательно выбившись из сил после восемнадцатиметрового подъема по мокрой, скользкой веревке, капитан переполз через нависающий гребень пещеры и рухнул на землю, ловя ртом воздух.

Склонившись над товарищем, Миллер поспешно снял с ног капитана двойной беседочный узел, развязал его, привязал конец к веревке, спущенной Брауном, и дернул за нее. Обе веревки исчезли во мраке. Через две минуты тяжелый аккумулятор оказался в пещере. Сперва на связанных вместе двух веревках его спустил Кейси Браун, потом батарею подтянули Мэллори и Миллер. Еще через пару минут, на этот раз с гораздо большими предосторожностями в пещеру переправили брезентовый мешок с нитроглицерином, запалами и детонаторами и бережно опустили на каменный пол пещеры рядом с аккумулятором.

Внезапно наступила тишина: удары кувалд по стальной двери прекратились. В тишине этой было нечто более зловещее, чем в грохоте, раздававшемся до сих пор. Уж не сорвана ли с петель дверь? Или сломан замок, и немцы ожидают их во мраке туннеля с автоматами наизготовку, чтобы изрешетить их обоих? Гадать было некогда. Осторожничать не время! Надо действовать напролом, не думая о том, останутся они с Миллером в живых или нет.

Сунув тяжелый, сорок пятого калибра, кольт в кобуру, Мэллори перебрался через ограждение и неслышными шагами прошел мимо орудий в туннель, щелкнув выключателем фонаря в глубине каземата. В туннеле ни души, дверь все еще цела. Мэллори мигом поднялся по трапу и прислушался. За дверью ему послышался гомон голосов и какое-то шипение. Подавшись вперед, чтобы понять, что происходит, капитан оперся ладонью о стальную дверь, но тотчас отпрянул, едва не вскрикнув от боли. Металл выше замка раскалился почти докрасна. Мэллори поспешно спустился на пол туннеля. В эту минуту, качаясь под тяжестью аккумулятора, появился Миллер.

-- Дверь раскалена, как тавро. Фрицы что-то жгут...

-- Что-нибудь слышно? -- прервал Миллер шефа.

-- Какое-то шипение...

-- Кислородно-ацетиленовый резак, -- определил Миллер. -- Замок хотят вырезать. Это не так-то просто, потребуется время. Дверь из броневой стали.

-- Почему же они не взорвут ее? Гелигнитом или что там в таких случаях используют?

-- Да ты что, очумел? -- испугался Дасти. -- Ты и мысль

такую выбрось из головы, шеф; индукционная детонация опасная штука, всю скалу может разнести к чертовой матери. Ну-ка, помоги мне, командир.

Считанные секунды спустя Дасти Миллер оказался в своей стихии. Он забыл обо всем: об опасности, об отвесной скале, по которой еще предстоит спускаться... На всю работу понадобилось четыре минуты. От начала до конца! Пока Мэллори засовывал аккумулятор под основание элеватора, Миллер протиснулся между тускло поблескивающими направляющими шахты элеватора. При свете фонаря осмотрел заднюю направляющую и по резкой границе между полированной и матовой поверхностью металла определил, где именно останавливается подпружиненное колесо подъемника снарядов. Удовлетворенный осмотром, капрал достал моток черной изолянтной ленты и раз десять обмотал ею металл. Отступив на шаг, осмотрел работу -- лента совершенно незаметна. Затем так же быстро Дасти обмотал лентой концы двух изолированных проводов, прикрепив к изолированному куску провода и оставив оголенными лишь торцы, прикрепив их лентой, чтобы со стороны ничего не было заметно, и прикрепил к двум четырехдюймовым кускам оголенного провода. Эти куски Миллер привязал сверху и внизу к изолированному участку металла в вертикальном положении в сантиметре друг от друга. Достал взрывчатку из брезентовой сумки, следом за ней -- капсюль и детонатор собственного изготовления. Наладив все это, присоединил один из проводов направляющей к клемме детонатора и прочно прижал его гайкой. Другой провод от направляющей элеватора протянул к положительному штырю аккумулятора, а третий -- от отрицательного штыря -- к детонатору. Теперь стоит клетке элеватора опуститься в артиллерийский погреб, -- а это непременно произойдет, как только орудия откроют огонь -- подпружиненное колесо закоротит оголенные провода, замкнув таким образом электрическую цепь, и детонатор сработает. В последний раз проверив положение оголенных концов, установленных вертикально, Миллер с довольным видом откинулся назад. В эту минуту в шахту спустился по трапу Мэллори. Чтобы привлечь внимание капитана, Миллер похлопал его по ноге, с рассеянным видом взмахнув лезвием ножа в каком-то дюйме от оголенных проводов.

-- А знаешь, шеф, -- произнес будничным голосом Миллер, -- стоит мне сейчас прикоснуться лезвием к проводам, вся эта чертова нора взлетит в воздух. -- Янки с удивленным видом покачал головой. -- Стоит руке дрогнуть, дернуться, самую малость, и мы с тобой на том свете!

-- Ради Бога, спрячь эту штуковину подальше! -- нервно произнес Мэллори. -- И давай убираться отсюда к чертовой матери. Немцы в двери целый полукруг вырезали автогенном!

Пять минут спустя Миллер был в безопасности; спуститься по веревке, туго натянутой под углом 45 градусов, туда, где их ждал Браун, было проще простого. Мэллори бросил последний взгляд на каземат. Губы его искривились. Любопытно, сколько солдат будет обслуживать пушки и артиллерийский погреб, когда объявят боевую тревогу? Бедняги так и не узнают, что с ними произошло!..

В сотый раз капитан вспомнил о солдатах на Керосе, об эсминцах, которые должны их эвакуировать. Сжав губы, он отвернулся. Не оглядываясь, скользнул по веревке и исчез в темноте. Он уже находился на середине и готов был карабкаться вверх, как над головой его раздался злобный стук автоматов.

С опаской оглядываясь через плечо, Дасти помог Мэллори перелезть через решетку балкона. Миллер вдруг понял, что огонь особенно интенсивен через три-четыре дома, на западной стороне площади. Путь к отступлению отрезан.

-- Шевелись, командир! -- волновался Дасти. -- Надо сматывать удочки. Оставаться здесь опасно для здоровья.

-- Кто это затеял там такую трескотню? -- спросил Мэллори,

мотнув головой в сторону выстрелов.

-- Немецкий патруль.

-- Тогда как же смогаемся, черт возьми? -- продолжал капитан. -- Где Андреа?

-- На той стороне площади. В него-то и пуляют эти чудаки.

-- На той стороне площади? -- новозеландец взглянул на часы. -- Господи Иисусе, что он там делает? -- кинул через плечо Мэллори, спеша по коридору. -- Зачем ты отпустил его?

-- Я его не отпускал, шеф, -- объяснил Миллер. -- Когда я пришел, его уже не было. Браун вроде бы заметил крупный немецкий отряд, который начал прочесывать дома, прилегающие к площади. Начали они с противоположной стороны площади, осматривали по два-три дома сразу. Тут пришел Андреа. Он прикинул, что фрицы успели обшарить все здания на площади и через пару минут заявятся и сюда. Вот он и ушел по крышам, упорхнул, словно летучая мышь.

-- Хочет на себя их отвлечь? -- Стоя рядом с Лукой, капитан глядел в окно. -- Идиот несчастный! На этот раз его убьют, как пить дать, убьют! Столько солдат кругом! Во второй раз они на ту же удочку не попадутся. Он купил их тогда в горах, так что немцы...

-- Не знаю, не знаю, сэр, -- прервал его взволнованный Браун. -- Андреа вдрызг разнес прожектор на его стороне площади. Немцы наверняка подумают, что мы пытаемся выбраться из крепости, перелезши через стену... Смотрите, сэр, смотрите! Они двинулись! -- Забыв о том, что у него ранена нога, Браун прыгал от волнения. -- Ключули!

Мэллори и сам заметил, что немцы, покинув дом, развернутой цепью бегут по площади, громыхая сапогами по булыжной мостовой. Скользя, они падали, вставали и снова падали, теряя опору. Мэллори заметил, как мелькают огни фонариков на крышах противоположных домов, увидел темные, сгорбленные силуэты солдат, старающихся не выдать себя. Они спешили туда, где находился Андреа, только что давший очередь по огромному, как глаз Циклопа, прожектору.

-- Сейчас его окружают, -- спокойно проговорил Мэллори, почувствовав, как впились в ладони ногти. Поколебавшись несколько секунд, Мэллори наклонился и поднял с пола "шмайсер". -- Андреа не вырваться. Пойду помогу ему. -- Он круто повернулся, но застыл на месте: загораживая выход, в дверях стоял Миллер.

-- Андреа сказал, чтоб мы ему не мешали, что он сумеет выйти из положения, -- Миллер говорил спокойным, уважительным тоном. -- Велел передать, чтоб ни в коем случае ему не помогали.

-- Не пытайся задержать меня, Дасти, -- не повышая голоса, возразил капитан. Казалось, он даже не видит Миллера. Он знал одно: нужно идти, встать рядом с Андреа, помочь, насколько в его силах. Слишком долго они вместе воевали. Слишком многим он обязан улычивому гиганту, чтобы позволить ему так просто погибнуть. Сколько раз Андреа выручал его, когда положение казалось безнадежным. Упершись рукой в грудь Миллеру, он попытался оттолкнуть его.

-- Ты ему только помешаешь, шеф! -- настойчиво повторил Миллер. -- Ты сам же говорил...

Отстранив янки, Мэллори кинулся к двери и уже замахнулся на него, но тут кто-то схватил его за руку. Подняв глаза, капитан увидел озабоченное лицо Луки.

-- Американец прав, -- убежденно произнес Лука. -- Тебе нельзя никуда уходить. Андреа говорил, что ты проводишь нас в порт.

-- Доберетесь и сами, -- грубо ответил Мэллори. -- Дорогу знаете, планы изучили.

-- Вы нас всех погубите, всех...

-- Я бы всех на свете погубил, лишь бы спасти Андреа, -- признался новозеландец. -- Андреа никогда бы меня не подвел.

-- А ты его собираешься подвести, майор Мэллори? -- спокойно парировал слова капитана Лука. -- Разве не так?

-- Что ты там еще мелешь, черт побери?

-- Ты его обязательно подведешь, если не послушаешься. Его могут ранить, даже убить. Но если убьют и тебя, то сорвется вся операция. И получится, что Андреа погиб ни за понюх табаку. Так-то ты хочешь отплатить другу за все?

-- Ну ладно! Сдаюсь! -- раздраженно сказал Мэллори.

-- Вот это пришлось бы Андреа по душе, -- промолвил Лука.
-- А иначе...

-- Хватит читать мне проповеди! Ладно, джентльмены, двинем в путь. -- Капитан окончательно успокоился, сдержав порыв крушить все направо и налево. -- Пойдем по крышам. Суньте руку в печку, вымажьте сажей лица и руки. Чтоб ни единого белого пятна не осталось! И -- молчок!

До стены, ограждающей гавань, добрались минут через пять без всяких приключений. Шли неслышным шагом. Мэллори пресекал малейший шепот. Не встретили не только ни одного солдата, но вообще ни души. Обитатели Навароне, вполне разумно, не нарушали комендантский час -- улицы были совершенно пустынные. Андреа, видно, дал жару немцам: отвлёк на себя всех преследователей. Мэллори уже решил, что немцы схватили товарища, но едва группа подошла к урезу воды, как вновь послышалась автоматная стрельба. Теперь выстрелы раздавались гораздо дальше от центра, в самой северо-восточной части города, по ту сторону крепости.

Поднявшись на невысокую стену порта, Мэллори посмотрел на своих спутников, потом на темную, отливающую нефтью воду. Сквозь плотную завесу дождя справа и слева можно было с трудом различить очертания каиков, пришвартованных кормой к причалу. Дальше не было видно ничего.

-- Думаю, воды нам бояться нечего, -- заметил Мэллори. Повернувшись к Луке, который снова заикнулся было об Андреа, произнес: -- Ты уверен, что отыщешь его в такой темноте?

Речь шла о личном катере коменданта. Десять тонн водоизмещением, длиной тридцать шесть футов. Всегда пришвартован к бочке в сотне футов от берега. Механик, он же и сторож, по словам Луки, всегда на борту.

-- Я уже на катере! -- хвастался Лука. -- И с завязанными глазами его отыщу...

-- Хорошо, хорошо, -- поспешил его заверить Мэллори. -- Я тебе верю. Одолжите мне свою шляпу, Кейси. -- Он спрятал пистолет на дно шляпы, напялил ее на голову, плавно соскользнул в воду и поплыл рядом с Лукой.

-- Майор, -- тихо произнес Лука, -- механик, думаю, не спит.

-- Я тоже так думаю, -- хмуро ответил Мэллори. Снова раздался треск автоматов и хлесткий, как удар кнута, выстрел карабина системы "маузер". -- Как и всякий житель Навароне, кроме глухих и покойников... Отстань, как только увидим лодку. Подплывешь, когда позову.

Прошло десять, пятнадцать секунд. Лука коснулся руки Мэллори.

-- Вижу, -- прошептал капитан, метрах в пятнадцати заметив расплывчатые очертания судна. С этими словами, стараясь двигаться без малейшего всплеска, он приблизился к катеру. На корме, возле машинного люка, виден был силуэт. Немец застыл, вглядываясь туда, где находилась крепость, верхняя часть города. Мэллори неторопливо обогнул корму, чтобы оказаться у противоположного борта катера, за спиной у механика. Осторожно снял шапку, достал оттуда пистолет. Схватился левой рукой за низкий планширь. Он знал, что с двух метров не промахнется, но стрелять было нельзя. Поручни на катере невысоки, и полметра не будет. Плеск упавшего в воду тела всполошит пулеметные расчеты, охраняющие выход из гавани.

-- Не двигайся, а то убью! -- тихо сказал Мэллори по-немецки. Часовой точно окаменел. Заметив в руках немца карабин, новозеландец приказал: -- Положи карабин. Не оборачивайся.

Часовой подчинился. Несколько секунд спустя Мэллори поднялся на палубу. Не сводя с немца пистолета, шагнул вперед. Ударив его рукояткой, поймал обмякшее тело раньше, чем оно свалилось в воду, и осторожно опустил на палубу... Через три

минуты на борту были и остальные.

Следом за прихрамывающим Брауном Мэллори направился в моторный отсек. Включив фонарь, Кейси осмотрелся, профессиональным взглядом окинул поблескивающий дизель с шестью цилиндрами, расположенными в один ряд.

-- Вот это да... -- благоговейно произнес Браун. -- Вот это двигатель! Красавец! Работает с каким хочешь количеством цилиндров. Я знаю эту модель, сэр.

-- Я в этом не сомневался. Завести можете, Кейси?

-- Минутку, дайте осмотреться, -- спокойно, как и подобает прирожденному механику, сказал Браун. Медленно, методично обшарил лучом сверкающий чистотой машинный отсек, включил подачу топлива и повернулся к Мэллори: -- Управлять дизелем можно как из моторного отсека, так и из рубки.

Так же досконально Браун обследовал и рулевую рубку. Мэллори не мог дожидаться, когда закончится осмотр. Дождь чуть поутих и уже можно было разглядеть очертания выхода из бухты. Интересно, предупреждены ли посты о том, что диверсионная группа может попытаться уйти морем? Скорее всего -- нет. Андреа устроил такой тарарам, что немцам и в голову не придет, что британцы намерены удрать... Подавшись вперед, капитан коснулся плеча Брауна.

-- Двадцать минут двенадцатого, Кейси, -- промолвил он. -- Если эсминцы подойдут раньше, нам на голову обрушится тысяча тонн камней.

-- Готово, сэр, -- объявил Браун. Кивнув на приборную доску, добавил: -- Ничего сложного в управлении.

-- Очень рад, -- охотно отозвался Мэллори. -- Заводите! Дайте малый ход.

-- Пока мы не отшвартовались от бочки, сэр, -- виновато кашлянул Браун, -- неплохо бы проверить пулеметы, прожектора, сигнальные фонари, спасательные жилеты и буйки. Не мешает знать, где все расположено, -- вежливо закончил он. Рассмеявшись, Мэллори хлопнул его по плечу.

-- Из вас получился бы отличный дипломат, главстаршина. Так мы и сделаем. -- Человек сухопутный до мозга костей, Мэллори сознавал, какая пропасть между ним и такими людьми, как Браун. И не постеснялся в этом признаться. -- Берите управление в свои руки, Кейси.

-- Есть, сэр. Позовите сюда Луку. Думаю, глубины достаточные с обеих сторон, но могут быть отмели и рифы.

Через три минуты тихо урчавший двумя цилиндрами катер был на полпути от выхода из гавани. Мэллори и Миллер, все еще в немецкой форме, стояли на палубе перед рулевой рубкой. Лука, низко пригнувшись, спрятался возле штурвала в самой рубке. Неожиданно метрах в шестидесяти от катера замигал сигнальный фонарь. Стук заслонки был отчетливо слышен в ночной тишине.

-- Дэниэл Бун Миллер сейчас им покажет, где раки зимуют, -- пробормотал янки и приник к пулемету, установленному на носу. -- Я им из своего пулеметика...

Капрал тотчас умолк. Сзади, в рулевой рубке, раздалось стаккато заслонки, управляемой классным сигнальщиком. Передав руль Луке, Кейси отвечал морзянкой посту у выхода из гавани. Серебристые нити дождя вспыхнули бледным пламенем. Неприятельский сигнальщик прекратил передачу. Потом замигал снова.

-- Черт побори! Им обоим есть что сообщить друг другу! -- восхитился Миллер. -- И долго они будут обмениваться любезностями, шеф?

-- Пожалуй, беседа закончена. -- С этими словами Мэллори поспешно подошел к рулевой рубке. До выхода из гавани оставалось меньше тридцати метров. Введя в заблуждение противника, Браун выиграл несколько драгоценных секунд, гораздо больше, чем мог надеяться Мэллори. Но долго так продолжаться не может. Он тронул Брауна за рукав.

-- Как только дадут сигнал остановиться, гоните на всю катушку. -- Через две секунды он стоял на носу, со "шмайсером" наготове. -- Есть возможность отличиться, Дэниэл Буи. Нельзя, чтобы на нас навели прожектора, иначе они нас ослепят!

Мэллори не успел договорить, как сигнальный фонарь потух, а два ослепительно белых снопа света, направленных с двух сторон выхода, распорили тьму, залив всю гавань ярким, как солнце, заревом, но оно тотчас сменилось непроглядной, как воды Стикса, тьмой. Оба прожектора вдрызг разнесло двумя короткими пулеметными очередями. С такого расстояния промахнуться было довольно сложно.

-- Ложись! -- скомандовал Мэллори. -- Вниз лицом!

Еще звучало вдалеке эхо выстрелов, не успев отразиться от обращенной к морю стены крепости, а Кейси Браун уже включил все шесть цилиндров, выжав до отказа дроссель. Рев двигателя заглушил все остальные звуки ночи. Пять, десять, пятнадцать секунд двигался катер узким горлом выхода. Прошло уже двадцать секунд, но не прозвучало ни одного выстрела. Миновало уже полминуты, и вот катер неся по открытому морю, задрал высоко над водой нос. За глубоко осевшей кормой была ввысь фосфоресцирующая пенная струя. Работая на полных оборотах, грохотал могучий дизель-мотор. Положив руль право на борт, Браун повел катер вдоль прибрежных скал, сулящих защиту.

-- Стычка была ожесточенной, шеф, но победили достойнейшие. -- Миллер вскочил, держась за пулеметную установку, чтобы не упасть на крутом повороте катера. -- Внукам расскажу, какое затеяли дело.

-- Наверно, прислуга пулеметных установок отозвана в город. Возможно, бедняги, которых здесь оставили, сидели за пультом управления прожекта рампы. А может, мы их врасплох застали, -- пожал плечами Мэллори. -- Во всяком случае, нам чертовски повезло.

Новозеландец направился в сторону кормы. В рулевой рубке, кроме Кейси, державшего штурвал, находился Лука. Тот чуть ли не верещал от радости.

-- Отлично сработано, Кейси, -- от души поздравил главстаршину Мэллори. -- Высший класс. Когда кончатся утесы, вырубите дизель. Мы свое дело сделали. Я сойду на берег.

-- Незачем, майор.

-- То есть как незачем? -- оглянулся Мэллори.

-- Незачем. Я хотел сказать об этом, когда мы спускались к гавани, но ты мне все рот затыкал, -- обиженно произнес Лука. Повернувшись к Кейси, проговорил: -- Сбавьте ход. Андреа сказал напоследок, майор, чтоб мы подошли вот сюда. Почему же иначе он позволил немцам возможность загнать себя на север к скалам? Ведь в глубине острова легче спрятаться.

-- Это правила, Кейси? -- спросил капитан.

-- Откуда мне знать, сэр. Эти два друга... они всегда говорят меж собой по-гречески.

-- Ах, да, конечно, -- Мэллори взглянул на невысокие скалы справа по траверзу. Катер двигался лишь по инерции: дизель был выключен. Мэллори снова повернулся к Луке: -- А ты точно уверен в том, что...

Не закончив фразы, капитан умолк и выскочил из рубки. Прямо по носу послышался всплеск. Он не ошибся. Мэллори, к которому подошел янки, вглядывался в темноту. Увидев метрах в шести от катера темную голову, перегнулся через борт, протянул руку. Через пять секунд Андреа стоял на палубе. Вода стекала с него в три ручья. Лунообразное лицо сияло. Мэллори провел друга в рубку. Включил неяркий свет лампы, освещавшей стол для прокладки.

-- Чертовски рад видеть тебя, Андреа! А я уж и не рассчитывал с тобой встретиться. Что там произошло?

-- Сейчас расскажу, -- засмеялся Андреа. -- Только сперва...

-- Да ты ранен! -- прервал его Миллер. -- У тебя все плечо как решето! -- Янки показал на красное пятно, расплывающееся по мокрой куртке.

-- Да, похоже на то! -- Андреа изобразил крайнее

изумление. -- Царапина, дружище!

-- Как бы не так, царапина! Если б тебе руку оторвало, ты сказал бы то же самое. Спустимся в каюту. Для такого специалиста, как я, твоя рана -- детская забава.

-- Но ведь капитан...

-- Подождет. И твой рассказ тоже. Старый знахарь Дасти Миллер не позволит беспокоить своих пациентов. Пошли!

-- Ну, хорошо, хорошо, -- послушно ответил Андреа и с деланно покорным видом последовал за Миллером.

Снова включив дизель, Кейси полностью выжал дроссель и повел катер на север, почти к самому мысу Демирджи, чтобы исключить даже ничтожный шанс попасть под огонь минометных батарей, потом, повернув на восток, прошел несколько миль и затем отвернул на юг. Катер вошел в Майдосский пролив. Встав рядом с Брауном, Мэллори всматривался в темные неподвижные воды. Увидев прямо по курсу белые клочья пены, схватил Брауна за руку.

-- Буруны впереди, Кейси. Может, рифы? Кейси долго молчал, вглядываясь в темноту. Наконец покачал головой.

-- Это буруны от форштевней, -- бесстрастно произнес он.

-- Эсминцы на подходе.

Глава семнадцатая. СРЕДА. ПОЛНОЧЬ

Командир новейшего эсминца "Сирдар" (класса "S") капитан третьего ранга королевского военно-морского флота Винсент Райан оглядел набитую битком штурманскую рубку, задумчиво теребя холеную бороду. Более грязных и диких оборванцев ему еще не доводилось видеть. Разве что в ту пору, когда он участвовал в поимке экипажа пиратского судна, действовавшего в бухте Байэс-Бей, и служил, имея чин младшего офицера, на базе Чайна. Внимательнее взглянув на бродяг, Райан еще раз подергал бородку. Кроме жутковатого вида, в этих молодцах было что-то еще. Не дай Бог связаться с такой компанией. Опасны, и весьма, но почему -- сразу и не поймешь. В гостях ощущались такое спокойствие и такая невозмутимая собранность, что командиру эсминца было не по себе. Дженсен называл их своими головорезами. А уж каперанг умеет подбирать кадры.

-- Быть может, кто-либо из вас хочет спуститься вниз, джентльмены? -- предложил он. -- Горячая вода, сухая одежда и теплые постели и вашим услугам. Самим нам спать не придется.

-- Большое спасибо, сэр... -- Мэллори помедлил. -- Но нам хотелось бы досмотреть до конца все представление.

-- Лады! Тогда оставайтесь на мостике, -- весело сказал Райан. Палуба задрожала под ногами: "Сирдар" набирал скорость.

-- Пеняйте на себя, если что произойдет.

-- А мы заколдованные, -- заверил его Миллер. -- С нами никогда ничего не происходит.

Дождь перестал, и в просветах рваных облаков видны были холодно поблескивающие звезды. Мэллори огляделся. Слева по курсу увидел Майдос и громаду Навароне по правому борту. За кормой, примерно в кабельтове, он различил еще два корабля. Белые буруны выделялись особенно ярко на фоне темных силуэтов эсминцев. Мэллори повернулся к командиру корабля:

-- Разве с вами нет транспортов, сэр?

-- Нет. Транспортов нет, -- Райан испытал странную смесь удовольствия и замешательства от того, что этот человек назвал его сэром. -- Только эсминцы. Медлить нельзя. Черепам здесь делать нечего. Мы и так выбились из графика.

-- Сколько времени потребуется, чтобы всех забрать с острова?

-- Полчаса.

-- Что?! Тысячу двести человек погрузить за полчаса? -- не поверил Мэллори.

-- Примем на борт значительно больше, -- вздохнул Райан.
-- Половина жителей, черт бы их побрал, тоже хочет уходить с нами. И даже вместе с погрузкой гражданского населения нам нужно всего полчаса. Хотя, пожалуй, потратим несколько больше времени. Кроме людей, будем грузить оборудование.

Мэллори кивнул, скользнув взглядом по стройным очертаниям "Сирдара".

-- И куда же вы все это хозяйство думаете разместить?

-- Резонный вопрос, -- согласился Райан. -- Лондонская подземка в пять вечера -- ерунда по сравнению с тем, что будет твориться на палубе при погрузке. Как-нибудь справимся.

Кивнув опять, Мэллори поглядел на остров Навароне. Через две-три минуты из-за мыса покажется крепость. Кто-то коснулся его руки. Капитан обернулся, заглянул с улыбкой в грустные глаза грека.

-- Теперь недолго, Лука, -- произнес он спокойно.

-- А люди, майор? -- вырвалось у маленького грека. -- Жители города не пострадают?

-- Все обойдется. По словам Дасти выходит, что скала взлетит вверх. Упадет со всеми потрохами прямо в бухту.

-- А как же лодки?

-- Не переживай! Ведь на их борту никого не будет.. Ты же знаешь, все должны оставить гавань с наступлением комендантского часа.

Райан взял за локоть Мэллори:

-- Капитан Мэллори, хочу представить вам лейтенанта Бистона, моего артиллерийского офицера. -- В голосе Райана прозвучал холодок. Видно, командир эсминца не очень-то жаловал своего артиллерийского офицера. -- Лейтенант Бистон обеспокоен...

-- Действительно, я обеспокоен! -- Тон лейтенанта был холоден, равнодушен, с почти неуловимым оттенком снисходительности. -- Насколько я понял, вы рекомендовали командиру не отвечать немцам огнем из орудий?

-- Вы будто по Би--би--си выступаете, -- сухо ответил Мэллори. -- Но вы правы. Я действительно так сказал ему. Обнаружить пушки можно лишь прожекторами, но тогда корабли обречены. Если откроете огонь, произойдет то же самое.

-- Я не понимаю вас, -- удивленно выгнул брови лейтенант.

-- Выдадите себя, -- терпеливо объяснял Мэллори. -- Немцы вас накроют с первого же залпа. А если дать им пару минут, они разделаются со всеми. Есть основания полагать, что меткость немецких артиллеристов просто фантастическая.

-- У моряков тоже есть такие основания. Третий снаряд крепостных орудий угодил прямо в артиллерийский погреб второй башни "Сибариса". Как, по-вашему, капитан Мэллори, почему это произошло? -- Слова новозеландца, похоже, не убедили Бистона.

-- На батарее обеспечено радиолокационное целеуказание, -- объяснил Мэллори. -- Над крепостью возвышаются две огромные антенны.

-- На "Сирдаре" в прошлом месяце тоже установили радар, -- тотчас отозвался Бистон. -- Мы и сами могли бы поразить ряд целей, если бы...

-- И то правда, промахнуться сложно, -- вмешался Миллер. Тон его был сух и вызывающ. -- Остров чертовски большой, Мак. [Мак -- жаргонное, полупрезрительное обращение к незнакомому человеку]

-- А вы кто такой? -- взбеленился Биотоп. -- Какого беса вмешиваетесь?

-- Я капрал Миллер, -- невозмутимо ответил янки. -- У вас, видно, очень уж чуткий прибор, лейтенант, если он может отыскать пещеру на участке площадью в сотню квадратных миль.

На минуту стало тихо, потом Бистон что-то буркнул и отвернулся.

-- Вы уязвили профессиональную гордость артиллерийского офицера, капрал, -- заметил Райан. -- Лейтенанту очень уж хочется пострелять. Но обойдемся без шума... Когда пройдем эту точку, капитан?

-- Точно не скажу... -- Мэллори повернулся к Брауну. -- Вы

как думаете, Кейси?

-- Через минуту, сэр. Не позже.

Кивнув, Райан ничего не сказал. На мостике воцарилось молчание, нарушаемое шумом бурлящей воды да жутковатым щелканьем гидролокатора. Небо постепенно расчищалось. Сквозь редееющее облако пыталась пробиться луна. Никто не произносил ни слова. Никто не шевелился. Мэллори чувствовал рядом рослую фигуру Андреа, ощущал за спиной дыхание Миллера, Брауна и Луки. Рожденный далеко от моря и выросший у отрогов Южных Альп, Мэллори был до кончиков ногтей сухопутным человеком. И море, и корабли не волновали его душу, но никогда еще ему не было так хорошо, как здесь. Никогда прежде не испытывал он, что значит быть своим среди своих. Кейт был более чем счастлив, он был удовлетворен. Да и могло ли быть иначе? Рядом находились Андреа и его новые друзья, и они сделали невозможное. Не все они возвращаются домой... Энди Стивенса нет рядом. Но, странное дело, Мэллори не испытывал печали, а только легкую грусть. Словно угадав его мысли, Андреа чуть наклонился вперед.

-- Жаль, что его нет с нами, -- сказал грек. -- Энди Стивенс должен был быть сейчас с нами. Ведь ты об этом подумал?

Мэллори, кивнув, улыбнулся, но ничего не сказал.

-- Но это неважно, так ведь, Кейт? -- В голосе Андреа не было ни тревоги, ни сомнения. Он лишь отмечал факт. -- Это ничего не меняет.

-- Абсолютно ничего, -- кивнул Мэллори. При этих словах он взглянул вверх. Из недр утеса вырвалось ярко-оранжевое пламя. Мэллори даже не заметил, что эсминец огибает мыс. Над головой раздался гул. Так грохочет экспресс, вылетающий из туннеля. Сразу за кормой эсминца взвился огромный столб воды. Сжав губы, Мэллори невольно стиснул кулаки. Понятно, как погиб "Сибарис"...

Артиллерийский офицер что-то сказал командиру. Оба моряка смотрели на Мэллори, а тот смотрел на моряков, не замечая их. Его сознание странно раздвоилось. Еще один снаряд? Мэллори мысленно очутился в снарядном погребе, спрятанном глубоко в скале. Умственным взором он видел немецких солдат. Обреченных, но не ведающих об этом. Представил шкивы, подтягивающие снаряды и картузы к шахте элеватора. Представил себе, как медленно поднимается клеть; обнаженные провода, разделенные интервалом в полдюйма. Сверкающее подпружиненное колесо, скользящее вниз по отполированной направляющей. Мягкий толчок площадки...

В ночное небо на сотню метров взметнулся белый столб пламени, и страшным взрывом из крепости Наварено вырвало ее сердце. Не было ни пожара, ни клубов черного дыма. Ослепительно яркий столб на мгновение осветил весь город, взвился под облака и тотчас исчез. Затем послышался гулкий, как удар грома, взрыв, поражающий воображение даже на таком расстоянии. Вслед за ним -- глухой рокот: гигантским снопом поднялись ввысь и рухнули в бухту тысячи тонн камня! То же произошло и с двумя гигантскими орудиями крепости Навароне.

Еще стоял в ушах грохот, еще не замерло вдали эхо, а из облаков, серебря рябь воды по правому борту "Сирдара", выплыла полная луна. Над кильватерной струей за кормой эсминца, сверкая, взлетали брызги. Прямо по носу, залитый белым лунным светом, дремал загадочный и далекий остров Керос.

Обращений с начала месяца: 107, Last-modified: Fri, 12 Jun 1998 05:22:48 GMT